

МЕГАН МАКСВЕЛЛ НАВСЕГДА

Что произойдет, если современная женщина, живущая в двадцать первом веке, перенесется во времени и окажется в веке семнадцатом. Мы узнаем об этом, погрузившись в рассказ о Монце и двух ее подругах, Хулии и Хуане, трех испанках, живущих в Лондоне. Одна лотерея, один главный приз, одно путешествие и один город — Эдинбург. Земля легенд и настоящих мужчин. Именно здесь в один прекрасный день в одном прекрасном месте случится то, что навсегда изменит жизнь главной героини и ее подруг. Что же с ними произойдет? Об этом вы узнаете на страницах этого веселого и увлекательного романа.

Откройте эту книгу, садитесь поудобнее и влюбитесь героев, ищущих свою любовь среди живописных шотландских пейзажей.

Меган Максвелл

НАВСЕГДА

Переводчик: Ольга Перова (до 21-й гл.), Елена Кылосова

Редактор: Анна Бродова, Сарик (22–31 гл.)

Обложка: Наталия Айс

ПРОЛОГ

Абердин, Шотландия, 1429 г.

Аланна Кармайкл в страхе бежала по мокрой траве, обеими руками держась за большой беременный живот. Лицо колдуньи Кивы пылало злобой и жаждой мести. День свадьбы Шона Робертса и леди Мариан МакТач, праздновавшей накануне в замке Абердина, стал роковым. Стрела, по ошибке выпущенная одним из Кармайклов во время празднований, оборвала жизнь Брендана, сына Кивы. Позади остались дни мирной жизни. Спокойные ночи. Кива потеряла своего обожаемого сына, и ее гнев было невозможно остановить.

— Аланна, стой! Тебе некуда бежать, — мстительно сверкнув глазами, прокричала Кива.

Испуганной девушке совсем не хотелось останавливаться, но изнуренная тяжестью ребенка в своем животе и близостью к обрыву она была вынуждена остановиться. Если бы она продолжила бег, то упала бы в морскую пучину. Она выбилась из сил и не могла дальше двигаться. Поэтому, а также потому что знала, что все равно умрет, она с ледяным спокойствием повернулась к колдунье и, глядя ей в глаза, громким голосом крикнула:

— Клянусь, Кива, что даже в могиле я не успокоюсь, пока не отомщу тебе за смерть мужа. За что ты его убила? За что?

— Ты любишь его, также, как я своего сына.

Обезумевшая колдунья, подошла к Аланне, схватила подвеску, висящую у нее на шее, и сорвала ее.

— Верни мне кулон Кармайклов.

Эта подвеска в форме сердца, вырезанная из белого камня, вместе с другой половинкой, до сих пор остававшейся на шее ее покойного мужа, была самым ценным сокровищем ее клана. Отчаяние девушки лишь рассмешило колдунью, от горя лишившуюся разума. Она еще ближе подошла к Аланне и прошипела ей прямо в лицо:

— Нет, Аланна, тебе этого не видать.

Заметив, как сумасшедшая глядит на ее живот, будущая мать закричала:

— Убей меня, но сохрани жизнь моему ребенку.

В течение нескольких секунд Кива колебалась. Но нет. Она хотела посеять зло, много зла, и, придумав, как продолжить в веках свою месть, поднимая руки, завопила:

— Я не убью тебя, Аланна. Ты будешь жить, чтобы видеть, как твой сын будет страдать в тот день, когда обретет счастье. Потому что я, Кива Реберн, колдунья Монтроза, проклинаю всех Кармайклов, начиная с того дня, когда твой ребенок появится на свет.

— Нет... — в ужасе завизжала Аланна.

До нее доносились голоса воинов, спешащих ей на помощь.

— Вы никогда не будете счастливы! Никогда! Вместе с этой подвеской я забираю ваше счастье, — вопила безумная женщина. — Каждый мужчина из рода Кармайкл будет терять свою любовь в тот момент, когда его сердце будет переполнено счастьем. Его жизнь превратится в агонию, одиночество и отчаяние, потому что каждый Кармайкл, который полюбит, будет наблюдать, как умирает его любимая. Это проклятие исчезнет лишь тогда, когда кому-нибудь из влюбленных удастся снова найти этот кулон.

— Кива... нет, — закричала Аланна, осознав, что задумала несчастная.

Произнеся эти слова, колдунья улыбнулась, шагнула вниз с отвесной скалы, и исчезла в морских волнах. Проклятье Кивы на долгие века погрузило в печаль весь род Кармайклов.

ГЛАВА 1

Лондон, июль 2010 г.

В Лондоне стоял пасмурный дождливый серый день. День, про который в Испании говорят «льет, как из ведра». В общем, ничего общего с настроением подруг, которые веселились в шикарном баре на Оксфорд-стрит.

— Выпьем за мое расставание с Джеффри, — радостно прокричала Монце. — Боже милостивый, меня начинает тошнить, как подумаю, что считала его мужчиной своей жизни! Надеюсь, больше никогда у меня так не помутится рассудок. Боже, не дай мне больше влюбиться в проходимца, который озабочен только тем, чтобы выглядеть красивее, чем я.

— Аминь, красавица, — захлопала в ладоши Хуана.

— За тебя, — добавила Хулия, поднимая свой бокал, — и за твой здравый смысл — хотя иногда ты и блистаешь его отсутствием — который на этот раз проявился и заставил тебя решить пожить вместе, перед тем пойти к алтарю по проходу, украшенному флердоранжем, в шикарных стенах собора Святого Павла. Если бы это произошло, сейчас все было бы гораздо сложнее. Уверю тебя.

Как же Хулия была права. Несколько месяцев назад взволнованная Монце призналась им, что они с Джеффри планируют пожениться и устроить свадьбу по высшему разряду в той же церкви, где венчались принц Чарльз и леди Диана Спенсер. Это известие потрясло подруг до глубины души. Если что-то и должно было закончиться катастрофой, то это именно эти отношения.

Помимо всего прочего Джеффри был англичанином, и к тому же слишком состоятельным для Монце, которая воспитывалась лишь отцом, рыночным торговцем, едва заботившемся о ней. Ее мать умерла, рожая ее, и девочка оказалась для отца скорее помехой, чем радостью. Когда Монце приехала в Лондон, поначалу она нашла работу в одном ирландском пабе. Несколько лет девушка неустанно трудилась, и помимо работы еще закончила компьютерные курсы и ходила на занятия по карате, где и познакомилась с Хуаной, веселой маленькой уроженкой Канарских островов. Как и Монце, Хуана в итоге обосновалась в Лондоне и зарабатывала на жизнь, работая парикмахером. Благодаря ей и ее связям Монце удалось получить работу в одном из магазинов сети молодежной дизайнерской одежды. Там она продемонстрировала способности не только со вкусом одеваться, но и умение дать совет, как носить и сочетать ту или иную вещь. Девушка стала заниматься закупками у крупных поставщиков. Несколько лет спустя на соревнованиях по карате она познакомилась с Пепе и Хулией, немолодой семейной парой из Мадрида. Им обоим было около пятидесяти лет, детей у них не было, а в Лондоне они жили, потому что Пепе сюда перевели по работе. Пепе был бухгалтером, а Хулия работала медсестрой у семейного врача.

— Ну же, девочки, не буду отрицать, у меня были хорошие советчицы, — глядя на подруг, согласилась Монце. — По крайней мере, я вас послушалась и не вышла за него замуж. Ура, вы лучшие!

Хулия и Хуана переглянулись и улыбнулись. Джеффри и Монце не были созданы друг для друга, это легко заметил бы любой, кто провел с ними хотя бы один день, но им самим на это потребовалось два года.

— Никогда бы не могла подумать, что Джеффри так со мной поступит. Что опустится так низко. Он оскорбил меня, когда сказал, что молодость той девушки затмила ему разум. Особенно, когда этот кретин еще и уточнил, что я в своем возрасте должна его понять. Он назвал меня старой! Боже, мне всего двадцать девять лет.

— Идиот! — фыркнула Хулия.

— Он прямо мне в лицо сказал, что я старая! Именно тогда, когда я считаю, что именно сейчас наступила самая лучшая пора в моей жизни, — прорычала Монце. — Если еще кто-нибудь когда-нибудь назовет меня старой, клянусь вам, я голову ему оторву.

— Мужчины, деточка, мужчины, — вздохнула уроженка Канар.

— Родная, у тебя с этим хипстером не было будущего. Я тебе это говорила сотни раз, но ты никогда не желала меня слушать, — прошептала Хулия с той искренностью и уверенностью, которая приходит к человеку лишь сединой на висках. — Этот самодовольный болван мне никогда не нравился. На нас с Хуаной он всегда смотрел сверху вниз, а когда ты не видела, разговаривал с нами, как портовый грузчик. Как говорят в Вальекасе, этот зануда всегда был нечист на руку!

Монце кивнула. Множество раз подруги говорили ей об этом. Но из-за любви она не хотела их слушать. Конечно, она не была безумно влюблена в Джеффри, но, в общем, испытывала к нему теплые чувства, и ей было хорошо с ним.

— Не будем к этому возвращаться. Он прокололся, и ты его застучала, — заявила Хуана, заметив выражение лица подруги.

— Да, определенно, я его застучала, когда он уже увяз по самые уши. Как про него сказано! — пробормотала Монце, вспомнив о том злополучном дне. Но, отпив глоток из своего бокала, выпалила: — По правде говоря, сейчас я даже рада, что наши с ним отношения закончились. У меня глаза открылись. Джеффри думал сначала о себе, потом о себе и в конце тоже только о себе. Он оставил себе даже ложки. Провалиться ему на месте!

— Ладно, родная, — вздохнула Хулия. — Твой жеманный дон оставил все себе, потому что ты ему позволила.

Монце, привыкшая идти по жизни без груза тяжелого багажа, кивнула и фыркнув прошептала:

— Мне ничего от него не надо.

— Как бы не так! — насмешливо сказала хорошо изучившая характер подруги Хуана.

— Клянусь вам, я почувствовала, что мне ничего не нужно от этого типа. Но признаю, что его эгоизм меня удивил. Там не было почти ничего моего. И нет... мне не нужно ничего кроме того, что я заработала сама, до начала наших отношений.

— Хорошо, а как же Лореаль... — прошептала Хуана.

Монце рассмеялась и, проведя ладонью по своей темной шевелюре, с иронией ответила:

— Конечно, потому что я этого достойна!

— Узнаю свою девочку, — вставила Хулия. — Достоинство — прежде всего!

— Не сомневайся, — усмехнулась Монце. — Я никогда не брала чужого. Это не в моих

привычках. Пусть этот грубиян подавится моими кремами. Всеми.

— Не говори мне, что ты оставила ему тот дорожный крем от «Канебо». Тот, что он тебе подарил и что стоил, как чугунный мост? — спросила Хуана.

Монце кивнула, и Хулия потрясенно пробормотала:

— Этот, мудака, наверное, голубой! И совсем не дурак.

— Да, особенно с кремом для депиляции «Элизабет Арден». Он всегда говорил, что ему нравятся мои крема для депиляции, потому что они очень хорошо пахнут. Более того, последний раз он даже попросил, чтобы я ему им обработала ноги и пах.

— Уй... боже, что на тебя нашло, — вздохнула Хулия. — Куда уж моему Пепе с его волосатостью и лишними килограммами до этих современных красавчиков, готовых за хорошую эпиляцию душу продать.

— Определенно, — продолжила Монце, — больше я не буду обращать внимания на внешность мужчины.

— Ну и правильно, девочка моя, — согласилась Хуана.

— Посмотри на моего Пепе. Он, конечно, не Аполлон, но любит меня и заботится обо мне, хотя мы и ссоримся, как, например, в последний раз, — фыркнула Хулия.

— Ты снова поссорилась со своим медвежонком? — вздохнула Хуана.

— Да. У нас сейчас очень беспокойный период.

— А что происходит? — спросила Монце.

— Возвращение в Испанию доведет нас до развода. Он не понимает, что я не хочу ехать обратно. Мне нравится жить в Лондоне и...

— Стоп... стоп... сделай вдох и не нервничай. Не думаю, что Пепе делает это тебе на зло, — рассмеялась Монце.

Пепе и Хулия были замечательными людьми и очень друг друга любили, хотя после стольких лет брака им хотелось послать друг друга ко всем чертям.

— Сделать вдох? Я дышу. Но это выводит меня из себя, особенно, когда он сказал, что хочет, чтобы на его день рождения, что будет в феврале, мы торчали в Мадриде, и, более того, устроили бы в нашем доме грандиозный праздник для его семейства. И нет... я не выношу свою свекровь. Эта женщина с усами, длиннее чем у креветки, болтает обо мне за моей спиной, и мне это не нравится.

— Хватит, девочка моя, все уже прошло. Это его мать, и он ее любит, и ты должна это понять, — пошутила Хуана.

— Ты права, — смеется развеселившаяся Хулия. — Какой бы ведьмой она не была, она чертова мать моего Пепе. Ай, боже ты мой, любовь — это так непросто.

После воцарившегося ненадолго молчания Монце сказала:

— Понаблюдав за проблемами Пепе и Хулии, начиная с этого момента, я буду обращать внимание только на то, что у мужчины внутри. Я хочу влюбиться! Но мне нужен настоящий мужчина. Из тех, что открывают тебе дверь, отодвигают стул, когда ты садишься... наконец, кто-то необычный, особенный.

— Я тоже такого хочу. Но, боюсь, что большинство современных мужчин первыми усядутся на свободный стул, даже если тебе при этом придется стоять, — усмехнулась Хуана.

Разволновавшись, Монце вспомнила о мужчине, который с самого детства неоднократно появлялся в ее снах и которого она так и не смогла четко разглядеть.

— Я хочу такого мужчину, который бы страстно смотрел на меня и своим взглядом

заставлял меня дрожать, как сумасшедшую. Одного из тех, в чьем присутствии я бы чувствовала себя защищенной, любимой и желанной.

— Тебе что-то подсыпали в бокал? — пошутила Хуана.

— А главное, и самое важное, — волнуясь, закончила Монце, — чтобы ему в голову не пришло назвать меня старухой. Потому что еще раз клянусь следующий, кто назовет меня старой, подавится собственными зубами!

В этот момент дверь в таверну открылась, и внутрь зашел красивый высокий мужчина, одетый с иголочки и очень напоминающий Джеффри и его утонченных друзей.

— Уф... как же хорошо на нем сидит этот костюм от Армани.

Заметив, как смотрят на нее подруги Монце, смеша их, уточнила:

— Но, нет. Я больше не хочу метросексуалов в своей жизни. С ними покончено!

Ее подруги заговорщицки переглянулись. Если они в чем-то и были уверены, так это в том, что Монце никогда не изменится. Она была веселой, чуток сумасшедшей и порывистой, и это делало ее необыкновенной.

— Позволь мне сказать, что не все мужчины одинаковы, — рассмеялась Хулия. — Ты можешь встретить красавчика из тех, что тебе нравятся, который к тому же будет мужественным, галантным и уважать твои чувства. Вроде Джорджа Клуни.

— И где же он? А что тогда достанется мне? — пошутила Хуана.

— То, что осталось, ангел души моей... — усмехнулась Хулия.

— Не называй меня так, я это ненавижу... — пожаловалась виновница торжества, и тут ее смартфон пропищал о полученном сообщении.

Оно было от Джеффри. От ее претенциозного дона, ее бывшего.

«Я хочу тебя увидеть».

Она удивленно снова его прочитала и, больше не обращая на него внимания, выключила телефон. Монце посмотрела на Хулию, которая продолжала говорить:

— Дорогая подруга, я говорила, что ты всегда выбираешь особо выдающихся мужчин. Потому что сейчас это был твой высокомерный дон, а вспомни, например, о том шведе Рене.

— О, да... какой Рене был красавчик, — от души развеселилась Хуана.

— Какой он всегда был чистенький, как хорошо на нем сидела одежда от Адольфо Домингеса и футболки «Кусто», — согласилась Монце, с улыбкой вспомнив о нем.

— Да, но все это было лишь видимостью. На самом деле он оказался лентяем, каких еще поискать, — вспомнила Хулия.

— Ты права. Он был настолько красив, что мне было стыдно перед девушками, которые смотрели на меня, когда мы с ним шли по улице. Под их взглядами я чувствовала себя маленькой уродиной, — пошутила Хуана.

— Мы встречались шесть месяцев, зато какие это были месяцы! — вспомнив этот роман, вздохнула Монце.

— А Роберт, — продолжала Хулия. — Что скажешь про него?

— Тот, что питался только рисом и курицей? — спросила смуглянка с Канар, и Хулия, подавившись от смеха, ей кивнула.

— Да, этот идиот верил, что за ним следит Большой брат, — признала Монце. — Но он был очень красив. Этого я не могу отрицать.

— Вот видишь? — сказала Хуана. — Может, ты изменишь свои вкусы и сосредоточишься на настоящих мужчинах. Не на тех красавчиках-метросексуалах, что приходят в ужас, если у них из прически выбивается волосок, или если они поправляются на

пару килограммов.

— Я знаю... знаю... — согласилась Монце, припомнив истерики Джеффри, когда стрелка весов показывала лишнюю сотню граммов. — Я должна измениться.

— Нам нужно найти тебе мужчину, похожего на тех, что жили в старые времена, — назидательно произнесла Хулия.

— Я его уже нашла! Плохо только, что он живет лишь в моих снах, — расхохоталась Монце. — Послушай, почему бы нам не взяться за дело и не найти еще одного для Хуаны?

Та залилась смехом и быстро проговорила:

— Монце, мне это нравится! Но я не тот тип женщин, что нравятся мужчинам. Хотя я и изящная, и не совсем уж маленького роста, а только слишком сдержанная, — все засмеялись, — я не обладаю необходимыми прелестями. Мне надоело об этом говорить, но это правда. Я привлекаю только никчемных мужчин с пошлыми именами, вроде Чино, Хуанито или Юлс. Я не могу с вами соперничать. Вы такие стильные. Вот если бы я была такой же высокой и стройной, уф... но это случится лишь после дождичка в четверг.

И они все вместе захохотали. Наконец Хуана, снова подняв свой бокал, посмотрела на подруг и веселым и жизнерадостным голосом сказала:

— Но так как мечтать не вредно, выпьем за то, что в один прекрасный день настоящий мужчина с нормальным мужским именем и решительным взглядом обратит на меня внимание. Но главное, выпьем за скидки, которые ждут нас сегодня на Оксфорд-стрит.

— Ты это сказала, — засмеялась Монце. — Да здравствуют скидки!

Через десять минут три женщины под проливным дождем весело бежали к магазину одежды. Им предстояло множество покупок.

ГЛАВА 2

Запах влажной земли и мха проникал в ноздри Монце, когда она, наступая на ковер из цветов, бежала по густому лесу, заросшему огромными дубами. Внезапно небо рассек белый луч и своим электрическим светом и мощным грохотом напугал девушку. Вытерев с глаз крупные капли воды, она увидела вдалеке темную каменную крепость. Это же его замок! Не раздумывая, Монце бросилась бежать к замку, пока не заметила за деревьями темного коня, несущегося прямо на нее. Сердце было готово выскочить у нее из груди, когда она его узнала. На этом внушительных размеров животном сидел мужчина, с детства являвшийся к ней во снах, и хотя она пыталась разглядеть его лицо, у нее ничего не получалось. Ей мешали темнота, ветер и дождь.

Подхватив странные одежды, одетые на ней, Монце попыталась подойти к незнакомцу. Она хотела с ним заговорить. Ей нужно было услышать его голос, но как всегда это было невозможно. Какие-то невидимые цепи не позволяли ей сдвинуться с места. Она могла лишь смотреть на него. В нескольких метрах от нее этот самый мужчина с гривой длинных спутанных волос оставил свой отряд. Монце чувствовала в темноте его страстный взгляд, когда капризный ветер толкал к ней его темного коня. Вдруг еще один белый луч разорвал темноту серого неба вокруг этого человека, и какую-то долю секунды она смогла полюбоваться его грубым, словно вырубленным из камня лицом. У него были голубые глаза, светлые волосы, а чувственные крупные губы, казалось, улыбались. Монце хотелось идти вперед. Ну почему она не могла сделать и шаг? Неожиданно этот огромный мужчина слез с лошади и...

Пи-пи-пи-пи... Пи-пи-пи-пи... Пи-пи-пи-пи...

Проснувшись в поту, Монце вскочила с постели и остановила надоедливый писк. Снова

тот же сон. Сколько же раз он ей уже снился? Кто этот мужчина?

Все началось, когда ей было шесть лет. В один дождливый день Эрика, цыганка из Шотландии, которая гадала на картах таро и читала будущее по рукам, переезжая с той же ярмаркой, что и Монце с отцом, позвала ее в свой фургон. Женщина уже давно обратила внимание на девочку, бродившую по ярмарке в любую жару или холод. Она поспрашивала и узнала, что это дочка Анхеля, хозяина аттракциона бамперных машинок, который по совершенно непонятным причинам почти о ней не заботился. Он только ворчал на нее и требовал, чтобы она трудилась, пока он занимался болтологией с хозяевами других аттракционов.

В тот день дождь лил, как из ведра, и цыганка пригласила Монце к себе, чтобы укрыться от пронизывающего холода и сырости. Ее отец заперся с какой-то женщиной в их фургоне и, как и следовало ожидать, совершенно забыл о дочери. Эрика улыбнулась, заметив, как девочка все разглядывала. Особенно стоящий на круглом столике хрустальный шар.

— О, какой он красивый, ваш магический шар.

— Тебе нравится, принцесса?

Девочка кивнула и, подойдя к нему, начала, не осмеливаясь дотронуться, рассматривать его. Если ее чему-то и научили постоянные крики отца, так это тому, что ни к чему нельзя прикасаться без спроса, а только когда тебе разрешат.

— Ты умеешь узнавать будущее?

Женщина улыбнулась и, усаживаясь перед ней, ответила:

— Иногда да, а иногда нет.

— Правда? — пошептала Монце, с надеждой подняв бровки на своем милом детском личике. — Я не верю во все эти глупости.

— Почему, солнышко?

Посмотрев на цыганку грустным взглядом, сказавшим больше, чем слова, девочка вздохнула и сказала:

— Потому что в наш фургон никогда не приходят короли-маги на Рождество, не прилетает зубная фея, когда у меня выпадает зуб, а к моим друзьям приходят. Поэтому я ни во что не верю, и мне грустно об этом думать.

Проникшись тоской и одиночеством девочки, Эрика кивнула и прошептала:

— Знаешь, что мне советовала мама, когда мне было грустно и плохо?

— Что?

— Она советовала мне петь, чтобы забыть все печали.

— Петь?

— Да, принцесса. Когда ты думаешь на том, что делаешь, то забываешь о том, что мешает тебе быть счастливой. Я не говорю, что это само собой решает проблемы, но так можно легче пережить тяжелые времена. Ты умеешь петь?

Девчушка кивнула, и, хохотнув, цыганка попросила:

— Можно мне взглянуть на твою руку?

Монце застенчиво протянула ладонь, и Эрика ее взяла. Она довольно долго разглядывала эту маленькую грязную ручонку, а потом произнесла:

— Твое счастье и твое будущее лежат в прошлом.

Увидев, что девочка, ничего не понимая, таращится на нее, женщина, отпустив руку, сказала:

— Дотронься до шара и загадай три желания. Возможно, они сбудутся.

Улыбнувшись гадалке беззубой улыбкой, Монце посмотрела на нее и, положив ладошки на шар, прошептала:

— Когда я вырасту, я хочу быть такой же красивой, как девушки из телевизора.

— Хорошо, родная... так и будет. Второе желание?

Не раздумывая, девочка сказала:

— Я не хочу здесь жить. Когда я вырасту, я хочу иметь работу, которая мне нравится. Главное, чтобы не надо было убирать и мыть по ночам машинки с аттракциона.

— А твое третье желание?

— Хочу жить в прекрасном замке, и чтобы в меня безумно влюбился прекрасный принц.

Странно помахав руками, женщина прикоснулась к головке девочки, а потом к хрустальному шару. Наконец она опять повторила:

— Твое счастье и твое будущее лежат в прошлом, принцесса. Вот увидишь.

В шесть лет Монце не придала этим словам никакого значения. Более того, она их даже не поняла. Но с этого дня с ней кое-что начало происходить. Ей стали сниться сны, в которых был лес, замок и необычный воин на коне. Поначалу она решила, что это обычные девчоночьи сны про принцесс. Но время проходило, а сны никуда не исчезали. Она бежала, лил дождь, единственное, что менялось с течением времени, так это то, что воин подходил к ней все ближе и ближе.

Монце исполнилось шестнадцать, и тогда шотландская цыганка Эрика, все эти годы заботившаяся о ней и поднимавшая ей настроение, гонимая превратностями судьбы, покинула ярмарку и куда-то уехала. Это очень сильно огорчило девушку, но перед отъездом гадалка успела прошептать ей на ухо: «Мы еще увидимся... обещаю».

Прошло время, и однажды, когда Монце смотрела по телевизору какой-то документальный исторический фильм, она потеряла дар речи, увидев в нем замок из своих снов. Ее замок! Он действительно существует. Это был замок Элчо, и находился он в окрестностях Перта, в Шотландии. Эта новость наполнила ее сердце надеждой, но одновременно заставила задуматься о природе этих снов, хотя ответ на этот вопрос ей так и не удалось найти.

Когда девушке было восемнадцать, ее отец умер, и, желая забыть свое печальное прошлое, она продала старый аттракцион бамперных машинок, оставленный ей в наследство родителем, и переехала жить в Лондон. Ей необходимо было начать жизнь с чистого листа и стать счастливой. Она этого заслуживала! Оказавшись на Британских островах, Монце решила непременно посетить местность из ее снов. В конце концов, Шотландия не так уж далеко от Лондона. Но друзья, работа, поклонники все время не давали ей этого сделать. Всегда находилось занятие поинтереснее. И хотя девушка никогда не забывала о том месте, потому что ей продолжали сниться все те же сны, она совсем забыла, что однажды хотела туда поехать.

Пи-Пи-Пи-Пи... Пи-Пи-Пи-Пи... Пи-Пи-Пи-Пи...

— Ладно, надоеда... ладно... уже встаю, — вздохнула Монце, выключая будильник и одновременно потягиваясь в кровати.

Протянув руку, она взяла смартфон и посмотрела на экран. Он был неактивен. Она его включила, затем встала и, ударив по кнопке «Плей» на музыкальном центре. Ее маленькую квартиру затопил голос Леди Гаги. Не в силах удержаться она затанцевала. У Монце была

очень хорошая привычка — всегда просыпаться в хорошем настроении и полной жизненной энергии.

— Это хорошее начало дня, — сказала она, танцуя и одновременно открывая шкаф, чтобы выбрать, что сегодня надеть.

Уже через десять минут она мылась в душе, горланя во весь голос последний хит упомянутой выше певицы.

ГЛАВА 3

Тем утром, выйдя с работы, Монце напрямик направилась в «Красотки», парикмахерскую, где работала ее подруга Хуана. В этот уик-энд она участвовала в турнире по карате и хотела хорошо выглядеть. Зайдя и увидев внутри Хулию, Монце улыбнулась.

— Ну и ну. Сегодня наш день.

— Я уже начала. У меня волосы стали как мочалка, — пошутила Хулия.

— Проходи, Монце, садись сюда, — сказала подруге Хуана, что та быстро и сделала.

Через час, когда Монце и Хулия листали журналы в ожидании, когда подействует краска и осветлитель, к ним подошла Хуана.

— Как у вас дела? — поинтересовалась она.

Хулия, подняв голову, посмотрела на подруг и смущенно прошептала:

— Плохо... все плохо. Почему у Нормы Дюваль такая потрясающая фигура? А ведь ей столько же лет, сколько и мне. Ради бога... Она так великолепно выглядит в этом белом платье.

Хуана и Монце заглянули в журнал, который им показывала подруга, и, согласившись с ней, Монце, указывая на журнал, произнесла:

— А мне нравится Синди Кроуфорд. Вы обратили внимание, как она выглядит, даже когда идет за покупками? Я ей восхищаюсь. Клянусь, если бы мне был дан шанс родиться заново, я бы родилась ею.

— Да, она красивая, — согласилась Хулия.

— Красивая! — воскликнула Монце, указывая пальцем на страницу. — Прекраснейшая. Все при ней... Она — само совершенство. У нее есть стиль, авторитет, замечательные дети и прекрасный муж.

— Ах, а я обожаю Пэрис Хилтон! — прошептала уроженка Канар. — Я бы хотела стать ей. У нее есть все, что мне нравится. Она блондинка, у нее потрясающая фигура, куча денег и имя, от которого так и веет гламуром... Пэрис Хилтон! Не то, что мое — Хуана Перулийя.

— Жалко, что из нас всех я самая большая патриотка, — заявила Хулия, взглянув на эту самую Пэрис. — Мне гораздо больше нравится Норма Дюваль. Ну, вы только посмотрите какая фигура!

Вот так весело восхваляя достоинства женщин, на которых бы они хотели быть похожими и вытаскивая на всеобщее обозрение собственные недостатки, девушки и проводили время, пока наконец Хуана не повела Хулию мыть голову. В этот момент зазвонил смартфон Монце. Это был Джеффри, ее бывший. Устав от его постоянных звонков, Монце решила не ходить вокруг да около.

— Какого черта тебе надо сейчас, зануда?

Услышав ее голос, мужчина улыбнулся. Монце была необычной женщиной и другого ответа он от нее и не ждал. Но, хорошо изучив ее характер, он знал, как перетянуть разговор на свою территорию.

— Привет, детка. Я соскучился по тебе.

Едва слышав эту фразу, Монце закрыла глаза. Бархатный голос Джеффри сводил ее с ума. Но нет. Она ни на секунду не позволила себе усомниться в принятом решении. Она его не любила. Между ними все кончено, и нет пути назад.

— Джеффри, зачем ты сейчас говоришь мне эти глупости?

— Потому что это правда, и потому что я не хочу, чтобы ты повесила трубку, так меня и не выслушав.

Монце улыбнулась. Когда Джеффри хотел, он мог быть очаровательным, и поэтому она терпеливо поинтересовалась:

— Ну, и чего же ты хочешь?

— Я сегодня приглашен на ужин к Стюартам. Там еще будут Марта, Эдвард и компания. Ты их знаешь. Как ты считаешь, какой галстук мне надеть, темный или светлый?

Не веря своим ушам, Монце со вздохом ответила на этот абсурдный вопрос:

— Темный, Джеффри.

— Ты пойдешь со мной? — неожиданно спросил он.

— Нет.

— Пожалуйста.

— Нет. И не мечтай. Иди со своей сисястой секретаршей. Эта девица ест у тебя с руки. Уверена, она тебе не откажет и, наверняка, понравится твоим дорогим друзьям.

Джеффри тяжело вздохнул.

— Монце, я прошу тебя, потому что хочу пойти именно с тобой, а не с кем-нибудь еще.

— Напоминаю, ты мне сказал, что я уже взрослая женщина. Не просто взрослая, а немолодая. Старуха! Черт, Джеффри, тебе тридцать семь. Полагаю, я должна считать тебя старой рухлядью, одной ногой стоящей на пенсии?

Джеффри еще раз издал смиренный вздох.

— Дорогая, послушай меня. Я совсем не это имел в виду, но ты все время повторяешь одно и то же. Я лишь сказал, что молодость Присциллы затмила мне разум.

— Вот! Да ты сам не слышишь, что ты говоришь! — усмехнулась девушка.

— Девочка моя... поверь мне.

Монце рассмеялась. Даже после того как его застали с другой, Джеффри все еще пытался оправдать свою ошибку. Он так и не понял, что Монце никогда ему этого не простит. Она застала его с молодой и красивой секретаршей во время одной из его теперь уже печально известных командировок. И он назвал ее старой, зрелой! У нее до сих пор при воспоминании об этом сердце кровью обливалось. Монце хотела сделать ему сюрприз на день рождения, но получила сюрприз сама, обнаружив во всей красе Джеффри, трахающего сзади свою секретаршу.

— Да ладно, не заставляй себя упрашивать. Мне прекрасно известно, что тебе нравится Стюарт. Кроме того, там будет Марта, а вы с ней всегда...

— Я не пойду. Как я еще должна тебе об этом сказать? Мы с тобой больше не пара. И, пожалуйста, перестань мне звонить. Я не хочу тебя видеть. Не хочу ничего о тебе знать, ты можешь это понять?

— Нет. Я этого не понимаю.

Монце была готова завизжать от его упрямства, от того, что он продолжал мучить ее. Но, стараясь сдержаться, она просто сказала:

— Послушай, Джеффри, забудь о моем существовании, договорились? Прекрати мне звонить. Посылать цветы, сообщения, надоедать мне на работе. Ради бога, ты меня уже

утомил!

— Нет. Я не остановлюсь, пока ты не вернешься ко мне, девочка моя.

— Ни за что! — заорала девушка, привлекая к себе внимание всей парикмахерской. — Я не вернусь к тебе, потому что я тебя не люблю. И у меня еще остались самоуважение и чувство собственного достоинства. Это ты назвал меня старой, потому что мне почти тридцать лет. И послушай, что я тебе скажу: иди ты на хер!

— Дорогая... послушай...

— Нет. Не послушаю. И знаешь, почему? Потому что мои годы и зрелость заставляют меня любить себя, а не бегать за тобой, обивая все пороги, потому что тебе, вот дерьмо! хочется резвиться и наставлять мне рога с каждой малолеткой, что встретится у тебя на пути.

— Но, девочка...

— Никакой девочки! — закричала Монце, выйдя из себя. — Мне плевать, что ты красавчик, у тебя куча денег и ты принадлежишь к высшим слоям общества. И знаешь, почему? Потому что я себя не на помойке нашла, я себя люблю и хочу быть счастливой. Одна! А не с таким идиотом, как ты, который не может оценить настоящую женщину, такую как я, пока ее не потеряет. А меня ты уже потерял. Поэтому, прощай!

Сказав это, Монце повесила трубку и вздохнула. Она больше не собиралась попадаться на удочку Джеффри. Нет. Нет и еще раз нет. Внезапно взрыв аплодисментов вырвал ее из своих мыслей. Вся парикмахерская аплодировала ей стоя, а она просто посмотрела на своих подруг, пожала плечами и улыбнулась.

ГЛАВА 4

Монце нравилось заниматься карате, к тому же это помогало ей снимать стресс. К сожалению, Хуане пришлось оставить этот вид спорта из-за травмы. А вот Монце... Надевая кимоно и завязывая черный пояс, Монце чувствовала, как на нее снисходят уверенность и сосредоточенность. Поэтому всегда, когда работа ей позволяла, она старалась принимать участие в соревнованиях. К счастью для нее, большинство схваток заканчивалось ее победой. Монце была хорошей каратисткой, и сама об этом знала. Она умела защищаться, умела вовремя нанести удар, чтобы завоевать медаль и не опозорить своего учителя, товарищей и клуб.

В тот день блондинка, ставшая ее соперницей на татами, внимательно изучала нашу героиню. Противники осторожно прощупывали почву, а потом бросились в атаку. Женщина в синем кимоно нервничала. Чересчур нервничала. Монце точным приемом уверенно выиграла два очка. Блондинка, уже наслышанная о сопернице, решила проверить на прочность ее решимость и хладнокровие и тут же неожиданно пропустила удар, сбивший ее с ног. Не дав женщине опомниться, Монце, прижала ее к коврику. Девушка выиграла этот бой и два последующих. В итоге она завоевала второе место среди женщин.

Но радость с ее лица мгновенно испарилась, когда получив медаль, она заметила среди зрителей Джеффри. Какого черта он здесь делал! Как и следовало ожидать, он прекрасно выглядел и был одет с иголочки. И с гордостью за нее аплодировал.

Потом Монце вместе с другими участницами успела принять честно заслуженный душ и обсудить некоторые эпизоды соревнований. После душа, надев джинсы и розовую футболку с коротким рукавом, она вышла из раздевалки и отправилась искать среди публики своих подруг. Но не успела она сделать и шагу, как ее схватила чья-то рука, и она услышала:

— Девочка моя, это было потрясающе!

«Боже, дай мне терпения, или, клянусь, сегодня он подавится собственными зубами», — подумала Монце, пытаясь сохранить самоконтроль.

Джеффри продолжал ей надоедать, и ее терпение уже начало блистать своим отсутствием. Взглянув на него, она испытывала только одно желание — хорошенько дать ему локтем в живот, а потом сразу же съездить ногой по физиономии. Но, сдерживая свои самые животные импульсы, она посмотрела на него и настолько вежливо, насколько смогла, ответила:

— Спасибо, Джеффри. А теперь, прощай, Джеффри.

Но он снова схватил ее за руку, и тогда она ответила ему совсем не дружелюбным взглядом.

— Ладно, тетерев. Скажи мне, раз ты такой глухой, на каком языке мне еще тебе повторить, чтобы ты оставил меня в покое. Ты меня так достал, что я в конце концов не сдержусь и что-нибудь с тобой сделаю.

Отвечая ей одной из своих самых очаровательных улыбок, он подошел к ней и прошептал на ухо:

— М-м-м, девочка моя, обожаю, когда ты демонстрируешь свою испанскую кровь.

Мимо них проходили люди и, стараясь обойти, нечаянно их толкали. Не веря собственным ушам, уставшая, обессилевшая и сильно разозленная Монце придвинулась к Джеффри, который не сдвинулся ни на сантиметр, и прошипела ему прямо в лицо:

— Ладно, говорю тебе в последний раз. Перестань преследовать меня. Перестань мне надоедать или...

— Перестань болтать глупости, солнышко. Я хочу, чтобы ты вернулась домой. Ты мне нужна, — ответил он, удивляя бывшую невесту.

Потеряв способность соображать, Монце схватила Джеффри за локоть и быстрым движением согнула пополам, поставив в наиболее унижительную для него позу, а потом, не обращая внимания на зевак вокруг, прошипела ему на ухо:

— Раньше ад замерзнет, идиот!

Сказав это, она отвесила ему пинок под зад, от которого Джеффри упал и приземлился лицом вниз, но тут же подскочил, униженный тем, что она сделала. В этот момент появились Хулия и Хуана и потрясенно посмотрели на подругу.

— Как ты могла так со мной поступить, — злобно прорычал мужчина.

Монце, блистая удовлетворенной улыбкой на губах, посмотрела на него и, приблизившись, чтобы напугать бывшего жениха, ответила, чувствуя превосходство в собственных силах:

— Это я еще даже не начинала, Джеффри. Я тебе без конца повторяю, чтобы ты оставил меня в покое и повторяю очень спокойно. Но мое терпение подходит к концу. И, начиная с этого момента, каждый раз, как только я замечу тебя рядом, ты будешь валяться на полу. Понятно?

Мужчина, продолжавший все это время чистить свой пиджак, злобно взглянул на нее и, не сказав ни слова, повернулся и ушел. Хуана и Хулия подошли к подруге и, подняв с пола спортивную сумку, повели ее паб. Ей это было необходимо.

Полчаса спустя, обсуждая в пабе соревнования и последующий инцидент с Джеффри, Хуана взволнованно воскликнула:

— Меняю тему! Я выиграла путешествие!

Хулия рассмеялась, а Монце удивленно спросила:

— Правда? А куда?

— В Шотландию! — ответили в один голос Хулия и Хуана.

— В Шотландию? Ты выиграла путешествие в Шотландию? — смеясь, спросила Монце, вспомнив, сколько раз они собирались туда поехать.

— Ай, Монце, клянусь, хотя сама еще до конца поверить не могу.

— Как же ты выиграла? — все еще смеясь, спросила подруга.

— В спорткомплексе. На входе раздавали лотерейные билеты, а после соревнований устроили розыгрыш для зрителей. И когда назвали номер двести сорок шесть, и я увидела, что это мой номер, меня чуть инфаркт не хватил!

— Подтверждаю, — со смехом сказала Хулия. — Если бы я не закричала, эта дурочка так бы и осталась, ничего не соображая, сидеть на трибуне со своим билетом.

Хуана мрачно посмотрела на подруг и простонала:

— Плохо только, что путешествие на двоих, а нас трое.

Монце и Хулия, переглянувшись, рассмеялись. Хуана была очень хорошей и щедрой подругой.

— Не переживай, дорогая, — сказала Хулия. — Бери с собой Монце. Ей нужно сменить обстановку и развлечься.

— А как же ты? — глядя на нее, спросила Монце. — тебе тоже необходимо сменить обстановку и развлечься. Уверена, что несколько дней в разлуке пойдут вам с Пепе на пользу.

— Я тоже в этом не сомневаюсь, — засмеялась Хулия. — По правде говоря, в последнее время, несмотря на то, что мы очень любим друг друга, мы только и делаем, что ссоримся.

— Вот видишь, тебе тоже нужно уехать, — смеясь, заявила Монце.

Она знала, что Пепе и Хулия были созданы друг для друга, и это небольшое расставание могло бы сослужить им хорошую службу.

— Да, зануда, — в ответ атаковала Хулия. — Но тебе нужно почувствовать себя свободной и не наталкиваться на каждом шагу на этого идиота Джеффри. Не понимаю, как ему каждый раз удается узнавать, где ты находишься. Он чувствует тебя, как радар.

— Да. Я начинаю думать, что он тайно прицепил на тебя маячок, — пошутила Хуана.

Монце кивнула. Настойчивость ее бывшего доводила ее до паранойи.

— Да. Было бы совсем неплохо не видеть его, не слышать и ничего о нем не знать. Но нет. Я отказываюсь, Хулия. Ты тоже заслуживаешь эту поездку.

— А как же твои сны? — напомнила та. — Ты бы смогла посетить то место, которое снится тебе с детства. Ты что, забыла?

Услышав это, Монце улыбнулась. Точно. Она смогла бы увидеть замок Элчо и узнать, что он собой представляет.

— Девочки, — прошептала Хуана, выслушав их и отпив из своего бокала. — Я тут подумала, что это было бы фантастическое путешествие для нас троих. Мы бы смогли побыть только втроем, перед тем как Хулия вместе с Пепе окончательно вернется в Испанию.

— Какая замечательная идея! Это будет настоящее приключение, — захлопала в ладоши Монце.

— О... Боже, это было бы потрясающе! — взволнованно прошептала Хулия.

Необходимость возвращаться в Испанию была свершившимся фактом. И хотя ей было трудно решиться, пути назад уже не было. Фирма, где работал Пепе, переезжала обратно в

Мадрид, а вместе с ней и Хулия, Хулия и Пепе.

— Может, сходим в туристическое агентство — адрес мне дали организаторы лотереи — и посмотрим, что можно сделать? — предложила Хуана.

Час спустя три девушки с улыбками до ушей выходили из дверей турфирмы. Им удалось поменять даты и отели, и путешествие, которое изначально было предназначено для двоих, превратилось в путешествие на троих. Через три недели они взяли курс на Шотландию.

ГЛАВА 5

Поездка в Эдинбург превратилась в какой-то кошмар. Оказалось, что в одном вагоне с ними ехало несколько семей с маленькими детьми, и вся эта малышня мало того, что без умолку плакала, так еще и отдала девушкам ноги. К счастью, едва на следующий день они начали осматривать чудеса этого потрясающего города, все неприятности, постигшие их в пути, были мгновенно забыты.

Конечно же, в Эдинбурге они не могли не посетить расположенный в самом центре города великолепный замок и посмотреть на пушку, которая согласно традиции, стреляет каждый день ровно в час пополудни с тысяча восемьсот шестьдесят первого года, ну и разумеется, присутствовать при залпе. Как настоящие туристки они прогулялись по городским улицам и купили сувениров, на Хай-стрит задержались на площади Парламента, где расположено старое здание Шотландского парламента и главное религиозное сооружение Шотландии — собор Святого Эгидия.

После обеда девушки осмотрели старейшее здание в Эдинбурге, датированное одна тысяча четыреста девяностым годом, — дом-музей Джона Нокса, основателя пресвитерианской церкви Шотландии и непримиримого противника Марии Стюарт.

Выйдя на улицу, они с удивлением увидели, что вокруг идут съемки какого-то фильма. Видимо, «Метро-Голдвин-Майер» снимала картину о Марии Второй и Вильгельме Оранском. Не веря собственным глазам, они наблюдали за тем, что происходило прямо перед ними.

— Потрясающе! — прошептала Монце, глядя на все это.

— Ой, боже мой... смотрите вон там в одежде священника, это не Хавьер Бардем? — вскричала Хулия, заметив известного испанского актера.

Стоя вместе с остальными зеваками в сторонке, чтобы не мешать кинопроцессу, Монце с подругами с наслаждением наблюдали, как проходят съемки, а мимо них проходили статисты: одни были одеты в лохмотья, другие в одежду той эпохи. Печальные их лица были сильно испачканы, а спины, благодаря искусной работе гримеров, изуродованы «следами пыток».

На последний день они оставили Грассмаркет. Место, где в старину располагался рынок, на котором торговали домашним скотом, находилось у подножия величественного замка. Девушки прочли, что давным-давно сюда стекались массы людей, чтобы посмотреть, как на эшафоте казнили преступников, и, чтобы что-нибудь купить на блошином рынке. Сегодня на этих улицах все так же полно народа, а на нижних этажах домов открыто множество пабов и таверн, поэтому Грассмаркет до сих пор остается пульсирующим сердцем города.

От души веселясь, подруги сфотографировались на фоне фонтана Вест-Боу, спрятанного в стороне от шумных площадей в самом начале круто поднимающейся по спирали вверх одноименной улицы. Девушки пришли от него в восторг, а когда прочли, что фонтан был сооружен еще в тысяча шестьсот восемнадцатом году во время постройки первого в

Эдинбурге водопровода, их восхищению не было предела. Они гуляли, восторгаясь домами из темного камня, и с ужасом воображали, как всего несколько веков назад обе стороны этих улиц были заставлены виселицами, предназначенными для приговоренных к повешению преступников. Монце с подругами не раз заходили в таверны, чтобы отведать местного пива, и пообедали в «Уайт Харт Инн» — пабе, построенном в тысяча семисотом году, и считающимся самым старым подобным заведением в городе.

— Посмотрите, на этой улице торгуют антиквариатом. Давайте свернем, — взволнованно сказала Монце, обожавшая старинные вещицы.

— Ой... Кажется, будет дождь, — присвистнула Хулия, взглянув на небо, которое внезапно потемнело и стало угрожающим.

Они быстро повернули на эту улочку. В здешних магазинах можно было найти картины, гобелены, доспехи, копья. Всему, абсолютно всему было не по одной сотне лет. Пока Хулия и Хуана примеряли в одной из лавок браслеты, Монце как магнитом потянуло в один маленький магазинчик. Зайдя, она почувствовала запах свежего мха. И это ей очень понравилось. Улыбнувшись старенькой хозяйке, девушка начала рассматривать витрины. Там были и серьги, и кольца, и браслеты, Монце также заметила старинные лампы, покрывала и кроватиные изголовья. Но больше всего ей понравилось овальное зеркало в раме из меди и серебра. Она осторожно дотронулась до него и, сама не зная почему, улыбнулась.

— Ищете что-нибудь, мисс? — спросила женщина, подходя к ней.

— Нет. Просто восхищаюсь прекрасными вещами, которые вы продаете. У вас потрясающий магазин, — прошептала Монце, с любопытством разглядывая зеркало.

— Спасибо, — улыбнулась старушка. — Вижу, что вам нравятся старинные вещи.

— Очень, — подтвердила Монце. — Я считаю, что у них есть своя история, и в них продолжает жить душа, пока ими продолжают пользоваться.

Женщина молча, оставив Монце в недоумении, вернулась к прилавку, достала из бордовой сумки какой-то предмет, завернутый в синий бархат, и вернулась к девушке.

— Откройте, — сказала она. — Уверена, вам понравится.

Удивляясь происходящему, Монце взяла сверток, осторожно развернула бархатную ткань... и тут перед ней предстал изящный кулон. Он представлял собой половинку сердца, вырезанную из белого опала и вставленную в металлическую оправу. При виде подвески она восхищенно выдохнула:

— Какая красота!

— Да. Эту уникальную вещицу мой муж выловил в море несколько лет назад. Судя по огранке и надписи на гаэльском, она принадлежала одному древнему шотландскому роду.

Услышав это, Монце вздохнула. Конечно же, кулон стоит целое состояние, и она не может себе этого позволить.

— Нисколько в этом не сомневаюсь. Видно, что кулон необыкновенный и уникальный. Но думаю, что я не могу его приобрести. Мой бюджет не рассчитан на такие безделушки, — рассмеялась Монце, заставляя улыбнуться и старушку со светлыми глазами.

— Примерьте, — настаивала она. — Наденьте и посмотритесь в то зеркало, которое, как я заметила, так вам понравилось. Возможно, нам удастся договориться.

— Вы очень настойчивы, — сказала Монце.

Держа в руке подвеску, она подошла к зеркалу и надела ее на шею. В это мгновение магазин осветила вспышка молнии, и раскат грома испугал девушку, заставив ее подпрыгнуть от страха.

— Уфф... как же я испугалась. Как все загрохотало, — засмеялась Монце и схватила за сердце.

Глядя на нее в зеркало, старая женщина с улыбкой прошептала:

— Не бойтесь, мисс, но в одной шотландской легенде говорится, что такие бури, как эта, освобождают души.

— Души? — спросила девушка.

Седовласая женщина поглядела на нее и, словно старую знакомую, погладила по щеке, убирая упавшую на лицо челку.

— Моя прабабушка рассказывала одну шотландскую легенду, в которой говорилось о том, что когда луч молнии освещает небо, и одновременно гремит гром, прошлое возвращается, — объяснила она.

— Какие странные вещи вы говорите, — прошептала Монце, глядя на нее.

В этот момент у Монце зазвонил телефон. Бросив на него взгляд и обнаружив, что это ее бывший жених Джеффри, она вздохнула и тихим голосом чертыхнулась. Девушка выключила аппарат и попыталась о нем забыть. Какой же он зануда!

— Моя бабушка была великолепной рассказчицей старинных преданий, — сказала женщина, заставляя девушку посмотреть в зеркало. — Эта вещь вам очень идет.

И с заговорщицкой улыбкой прошептала:

— Как говорила моя прабабушка, когда тебе дарят подвеску, нужно загадать желание.

Монце удивленно улыбнулась и в шутку подумала: «Если бы это только было правдой... тогда бы я попросила, чтобы Джеффри влюбился в кого-нибудь другого и забыл бы обо мне. Навсегда!».

— Если вы купите у меня зеркало, — прошептала женщина, — я подарю вам кулон, чтобы желание, которое вы загадали, исполнилось.

Открыв рот от удивления, Монце посмотрела на нее.

— Но вы не можете этого сделать. Это антикварные вещи, они очень дорого стоят, и я...

Но старушка не дала ей закончить.

— Я делаю это, потому что обе эти вещи принадлежали одной и той же семье, и мне хочется, чтобы они попали в одни руки, — ответила она.

— Правда? — глядя в зеркало, прошептала Монце.

— Обещаю.

— Вы знаете, в каком веке они были сделаны?

— Думаю, что кулон в четырнадцатом, а зеркало — в шестнадцатом-семнадцатом. Но точно не могу вам сказать. Моя старая голова уже ничего не помнит. Хотя вспоминаю, что слышала от прабабушки, что зеркало принадлежало герцогу Вемиссу.

— Герцогу Вемиссу?

В этот самый момент в магазинчик зашли Хуана и Хулия. Заметив в глубине зала Монце, они быстро подошли к ней и прервали ее разговор с хозяйкой.

— Мать божья... девочка моя, разве ты не видишь, как льет! — сказала Хуана. — О... какая красивая подвеска! Ты хочешь ее купить?

— Не знаю. Сеньора пообещала мне, что если я куплю это зеркало, то она мне ее подарит. Но она пока не назвала мне цену зеркала. И судя по его возрасту, могу себе представить, что она будет просто неприлично высокой.

— Но зеркало, как и подвеска, по-настоящему прекрасно, — заявила Хулия.

Обменявшись взглядами с Хуаной, она спросила хозяйку, наблюдавшую за ними из-за

прилавка:

— Скажите, пожалуйста, сколько стоит это зеркало?

Женщина с милой улыбкой кивнула и уверенно произнесла:

— Специально для вас я готова уступить вам две вещи за четыреста девяносто шесть фунтов. Или шестьсот евро. Включая доставку туда, куда вы скажете.

— Продано! — удивив Монце, рассмеялась Хуана. — Пусть это будет наш с Хулией подарок тебе! Новая жизнь, новый дом, а?

Монце так разволновалась, что не знала, что сказать и, посмотрев на подруг, прошептала:

— Вы уверены? Это же целая куча денег и...

— Заткнись, — велела Хулия. — Тебе всегда нравились старинные вещи, а мы хотели купить тебе что-то особенное, и полагаю, что мы это нашли.

Старушка, приветливо улыбнувшись, кивнула им, и Монце, глядя на нее, тихо сказала:

— Вы их слышали, леди, я ее беру!

ГЛАВА 6

К вечеру погода разъяснилась, и, оставив хозяйке адрес Монце, девушки продолжили прогулку по городу. Исходив вдоль и поперек Королевскую Милю, подруги свернули на какую-то маленькую улочку и, пройдя по ней, оказались перед потрясающим собором с высоким готическим шпилем.

— Посмотрите, это же та самая здоровенная штуковина, что видна из нашего отеля, — сказала Хуана, указывая на темную башню.

— Штуковина? — усмехнулась Монце, дотронувшись до кулона.

С тех пор как она его надела, она делала это постоянно.

— Вообще-то у этого здания есть имя.

Хуана, отвечавшая за информационное сопровождение путешествия, заглянув в путеводитель, ответила:

— Оно называется Хаб. Это один из символов Эдинбурга. Тут говорится, что в нем располагается штаб Эдинбургского международного фестиваля.

— Матерь божья, сколько же ему лет? — прошептала Хулия.

— На самом деле оно не такое уж старое, — глядя на нее, ответила Хуана, — Здесь указано, что оно построено не в средние века. Очевидно, его построили примерно сто пятьдесят лет назад.

— Сто пятьдесят лет назад? — удивилась Монце. — Кто бы мог подумать. Оно кажется таким древним, что...

В этот момент зазвонил ее телефон, и, увидев, кто ей звонит, девушка чертыхнулась:

— Да пошел он к чертовой матери! Сколько уже можно надоедать? Когда он наконец оставит меня в покое?

После этих слов, можно было уже не спрашивать, от кого был этот звонок. Все поняли, что это зануда Джеффри, который продолжал донимать Монце даже на расстоянии. Поэтому Хулия взяла телефон, отключила его и, положив в сумку, усмехнулась:

— Пока-пока, чистоплюй.

Посмеявшись над шуткой, девушки устроились в одной из близлежащих таверн и, чтобы промочить горло, заказали себе пива.

— Как же в Эдинбурге красиво. Я так и знала, что мне непременно понравится, но это превзошло все мои ожидания, — вздохнула Хуана.

— Да это необыкновенное, волшебное место, — согласилась Монце, еще раз потрогав подаренный подругами кулон.

— А как вам здешние мужчины? — поинтересовалась Хулия.

— Уфф... ну, нормально. Хотя я еще не увидела ни одного горца, такого, от которого бы дух захватывало, как в тех романах, которые я покупаю, — рассмеялась Монце.

— Девочка моя... такие мужчины жили много лет назад, — усмехнулась Хулия — большая поклонница исторических любовных романов. — Современным не достает их мужества и пылкости. Хотя сегодня здесь присутствует несколько весьма достойных экземпляров.

Поболтав о сильном поле, наконец Монце спросила:

— В котором часу мы завтра выезжаем в Перт?

— Думаю, что нам лучше отправиться пораньше. Как насчет четырех утра? — сказала Хулия.

— Дочь моя, ты решила перед отъездом еще корову подоить? — пошутила Монце.

Услыхав эти слова Хулия с улыбкой ответила:

— Ладно... в пять, но не позже.

— Включая визит в замок Элчо, да?

— Ну, конечно. Сколько уже можно повторять?

Монце улыбнулась. Ей очень хотелось посмотреть вблизи на этот замок. Ей необходимо было собственными глазами увидеть место, которое так часто она видела во сне. Может быть, так она поймет, почему оно ей снилось.

— Хорошо, командуй, — усмехнулась Хуана, — каков же будет наш маршрут?

— Из Эдинбурга мы направимся прямо в замок де Элчо, а оттуда в Перт. Там мы пробудем несколько дней, осмотрим город, замок Хантингтауэр и замок Скон, потом вернемся в Эдинбург и в ночь перед отъездом сходим на вечеринку и ужин в средневековом стиле, вот и все — конец пути. И домой! Как вам мой план?

Хуана и Монце переглянулись и кивнули. Путешествие обещало быть интересным.

ГЛАВА 7

Когда девушки подъехали к замку Элчо, сердце Монце билось со скоростью тысяча ударов в минуту. Быть прямо перед замком и иметь возможность с трепетом прикоснуться к его камням — от чувств, переполнявших Монце, у нее защемило сердце. Перед ней раскинулась огромная средневековая крепость шестнадцатого века, которую она с детства видела во сне, и девушка едва могла вымолвить и слово, а лишь стояла и восхищалась увиденным. Увидев ее в таком состоянии, Хулия и Хуана улыбнулись. Монце много раз им рассказывала о своем необычном сне, и подруги понимали ее состояние.

— Ну, как он тебе нравится наяву и с близкого расстояния? — спросила Хулия.

— Потрясающе.

— Как ты себе и представляла? — сказала Хуана.

— Даже лучше, — пробормотала Монце, выходя из машины.

Вот замок, а вот и густой лес, заросший разноцветным цветочным ковром. А из-за этих деревьев в ее снах появлялся воин на вороном коне.

Девушки отправились на поиски смотрителей, чтобы купить билеты в замок. Встреченные ими двое стариков, предложили выпить с дороги невероятно вкусной прохладной воды и не взяли никакой платы за вход. Они объяснили это тем, что сегодня девушки оказались единственными посетителями, и поэтому просто пригласили их войти и

спокойно осмотреть крепость, ее сады и окрестности. Несмотря на то, что подруг это удивило, они с радостью приняли приглашение. Молодые женщины с любопытством обошли выставку, но, к сожалению, попасть на второй этаж не было никакой возможности — потолок там обвалился и ждал своей реконструкции. Из парадных залов они спустились на кухню и удивились тому, какой она была большой и просторной. Девушки осмотрели и комнаты прислуги и улыбнулись, когда Хуана, расшавившись, прыгнула рыбкой на одну из старых расшатанных кроватей. Возвратившись обратно в гостиную, они восторгались тем, как она красива в сиянии солнечных лучей, которые проникая сквозь большие прямоугольные окна, освещали ее каким-то особенным мягким светом.

Сделав несколько фотографий интерьеров, они прошли в другой зал, в котором тут же узнали парадный зал замка. В нем стояла старинная мебель, большой камин, а на стене висело множество портретов. Но внимание Монце привлек тот, что висел прямо над камином. На нем был изображен мужчина с длинными светлыми волосами и дерзкими голубыми глазами, которые, казалось, пронзают насквозь. Мужчина сидел на великолепном черном жеребце. Сердце девушки учащенно забилось, а волосы по всему телу встали дыбом. Нет. Этого не может быть. Или да? Но, тяжело сглотнув застрявший в горле комок, она поняла. Это он. Это был тот самый мужчина из ее снов. Тот самый, что скакал к ней на темном коне и страстно глядел на нее.

— Что с тобой, девочка моя? — спросила Хуана, заметив, что Монце с трудом дышит.

Впервые в жизни у Монце не было слов. Она не могла отвести взгляда от этого портрета, и в воцарившейся вокруг нее странной тишине ей был слышен тягучий, прерывающийся стук ее собственного сердца.

— Это он, — продолжала бормотать она. — Это мужчина из моих снов.

Ее подруги мгновенно сообразили, о чем идет речь, и Хулия со смешком сказала:

— Монце, душечка. Ты даже в снах умудряешься находить таких красавцев!

— Да уж, дорогая! — глядя на портрет, согласилась Хуана.

— Девочка моя, у меня не слов! — продолжала Хулия. — Ты, и правда, хочешь сказать, что этот потрясающий мужчина, настолько сексуальный, что с ним не сравнится даже Джордж Клуни, с детства вторгался в твои сны?

Монце, еще не отойдя от потрясения, кивнула, и удивленная Хулия прошептала:

— В следующей жизни я бы определенно хотела стать тобой.

Ничего не ответив, Монце подошла поближе к картине, чтобы получше ее разглядеть. Наконец она могла рассмотреть незнакомца, и ее охватила странная радость, когда она заметила, что на шее у мужчины висел кулон, похожий на ее собственный.

— Ой, боже! — вскричала она, пугая подруг.

— Что еще случилось?

— Взгляните, что у него на шее.

Хуана удивленно повернулась, посмотрела внимательно на портрет и произнесла:

— Ну да, он не удаляет волосы на груди, и теперь они торчат у него в вырезе рубашки. Но Монце, душа моя, в ту эпоху еще не было метросексуалов, а у мужчин на груди спокойно росли волосы.

А Хулия, улыбнувшись шутке подруги, объяснила:

— Это настоящий мужчина, из тех, что жили давным-давно, из тех, что мне всегда нравились.

Слушая Хуану и Хулию, Монце не могла, по крайней мере, не улыбнуться. Но настроение

у нее поднялось вовсе не от того, о чем они болтали, и, указав им на картину, принялась растолковывать:

— Я имела в виду не это. Посмотрите на подвеску, что висит у него на шее. Вам не кажется, что она похожа на ту, что вы мне подарили?

Все три девушки носами уткнулись в портрет и принялись рассматривать драгоценность.

— Да, красавица. Если не точно такая же, то очень похожая, — сказала Хуана.

Еще более смущенная Монце на несколько шагов отошла от картины, чтобы снова взглянуть на нее целиком. Но она все равно ничего не понимала. Она никак не могла догадаться, почему ей снился этот мужественный загадочный мужчина. Задумавшись, она не слышала последние, весьма легкомысленные комментарии подруг, а потом прошептала:

— Какой у него пронизывающий взгляд. Мне нравится!

— А кому бы ни понравился такой мужик? — ответила Хуана. — Ну, ради бога, девочка моя, ты сама-то заметила, как он выглядит? Этот горец так хорош, даже несмотря на такое мрачное выражение лица.

Три женщины, встав прямо напротив портрета, довольно долго обсуждали его, пока наконец Хулия, обняв Монце за талию, не сказала:

— Монце, впервые в жизни я одобряю с твой выбор мужчины. Он интересный и привлекательный. Настоящий горец из книг. Ой, боже! Он выглядит как настоящий мужчина, но из тех, что хороши не только снаружи, но и внутри. Мне такие нравятся. Но мне жаль тебе об этом говорить, этот воин с пронзительными глазами и безжалостным выражением лица, да, я имею в виду именно этого мужественного и привлекательного горца, отбросил коньки несколько веков назад.

Монце рассмеялась. О чем она только думала? Но в этот момент заговорила Хуана:

— В этой листовке говорится, что этого красавчика с потрясающим взглядом звали Деклан Кармайкл, герцог Вемисс.

При звуках этого благородного титула кровь в жилах Монце застыла.

— Герцог Вемисс? — тонюсеньким голоском спросила она, чувствуя, что сердце вот-вот выпрыгнет у нее из груди.

Монце вспомнила слова старушки из антикварного магазина.

— Так тут написано.

С испуганным взглядом девушка рассказала подругам, что хозяйка магазинчика поведала ей о зеркале, подвеске и герцоге Вемиссе. Они слушали ее, раскрыв рты, а потом принялись строить кучу догадок. После, отвлекшись от портрета, Хулия обратила внимание на старинную урну, стоящую у стены гостиной, и обнаружила в ней пожелтевший листок бумаги. Прочитав его, она произнесла:

— Ничего себе! Посмотрите-ка, что написано на этом пергаменте.

Девушки поспешно подошли к ней, и Монце прочитала:

— «Когда ты помотришь мне в глаза и услышишь стук своего сердца, ты поймешь, что это я». Подпись: Деклан Кармайкл, герцог Вемисс.

Все трое смущенно переглянулись, и точно в этот самый момент раздались раскаты грома.

— Пойдемте же отсюда поскорей! — подскочив, прошептала Монце.

Не оглядываясь назад, девушки выскочили из замка. Попрощавшись со зрителями, они направились к машине. Монце взглянула на потемневшее небо и увидела, как сверху

начали капать крупные дождевые капли. Она бессознательно повернула голову направо. Там простирался лес, который она видела во сне близ озера Тай. На какую-то долю секунды ей страшно захотелось, чтобы оттуда появился вороной жеребец вместе со своим хозяином. Но нет. Этого просто не могло произойти. Наконец они сели в арендованный автомобиль и выехали в Перт.

ГЛАВА 8

Те дни, что девушки провели в Перте, они наслаждались этим прекрасным, волшебным городом, и только Монце никак не удавалось расслабиться. Она никак не могла перестать думать о произошедшем и о необычности всей ситуации. Ей перестали сниться сны с тем мужчиной, но сама не зная почему, она никак не могла перестать думать о нем. Девушки посетили замки Хантингтауэр и Скон, но в Элчо больше не возвращались. Потому что не захотела Монце. Это место каким-то странным образом ее пугало, и она сама не знала почему.

Через несколько дней они вернулись в Эдинбург, где остановились в комфортабельном отеле «Нью Стайл Инн». Пока девушки устраивались и разбирали вещи, принимавшая в это время душ Хуана спросила:

— В котором часу начнется наш средневековый ужин?

— Автобус, который должен нас отвезти, отъезжает от гостиницы в половину шестого. Ужин начинается в семь в ресторане, расположенном где-то на берегу реки Лит.

— Все это означает, что нас не сдует ветром и не промочит насквозь дождем. Думаю, все пройдет замечательно, — сказала Монце, глядя в окно и при этом теребя амулет. — Вы видели, как сегодня дует?

В этот момент из ванной комнаты вышла Хуана и, рассмешив девушек, сказала:

— Вы же помните, что Эдинбург еще называют Городом Ветров. Ладно, надевайте уже ваши средневековые наряды и поедem повеселимся. Если нам хоть чуточку повезет, возможно, нам удастся задрать юбку какому-нибудь волынщику и посмотреть, носит он под ней трусики-танга или нет.

Все трое надели купленные специально для этого вечера платья, подобрали свои длинные юбки и спустились к выходу, где их уже ждал переполненный автобус, который и доставил их, как и несколько сотен других «безлошадных» гостей, в порт Лит. Девушки хотели хорошо провести время.

Ужин оказался весьма любопытным. Все были одеты соответственно случаю, и казалось, будто они очутились в настоящем Средневековье. Подруги сидели за столами и под звон мечей одетых в доспехи мужчин, воссоздававших средневековые битвы, наслаждались местной кухней. После представления все вышли на улицу, на маленький рыночек, где помимо разных безделушек можно было купить сыр, виски или ароматное мыло. У Монце зазвонил лежащий в кармане юбки телефон. Как и следовало ожидать, это был Джеффри. Вздохнув, Монце ответила.

— Привет, детка, как там твое путешествие?

— Великолепно, — коротко бросила она. — Чего ты хочешь?

Заметив, что он колеблется, девушка насторожилась. Она слишком хорошо его знала, и знала, что сомневаться было не в его привычке.

— Джеффри, чего ты хочешь?

— Я тут ужинаю с Мартой и Константино, и вдруг вспомнил о тебе. Ты ведь возвращаешься завтра? Давай я встречу тебя с поезда?

«Нет, ради бога... снова здорово», — в отчаянии подумала Монце.

— Послушай, Джеффри, я не знаю, когда приеду обратно и... — солгала она, но бывший жених оборвал ее на полуслове.

— Детка, когда ты вернешься, нам надо поговорить. Я хочу сообщить тебе кое-что лично. Пожалуйста, ну пожалуйста, когда будешь в Лондоне, позвони мне.

Интонации в его голосе встревожили Монце, и поэтому она спросила:

— Джеффри, что происходит?

— Поговорим, когда вернешься.

— Нет... — прошептала она. — Скажи сейчас. По твоему тону понятно, что это что-то важное.

Монце услышала в трубке тяжелый вздох, а потом ее бывший объявил:

— Монце, я кое с кем встречаюсь, и она мне очень нравится. Я только хотел тебе сказать, что между нами совершенно точно все кончено и...

— Но это же замечательно! — услышав его, рассмеялась девушка, хотя в это время при воспоминании о том, как она получила подвеску, ее сердце пропустило удар.

Старушка ведь сказала ей, что она может загадать желание. И она попросила именно об этом.

— Детка, я очень тебя любил, но в моей жизни появилась Ханна и...

Почувствовав в его голосе напряжение, Монце от счастья, что так все обернулось, повторила:

— Ты не должен мне ничего объяснять. Я думаю, что ты правильно сделал, что начал встречаться с другими женщинами и влюбляться в них. Наши отношения закончились, и ты об этом знаешь, ведь так, Джеффри?

— Да, знаю. Но я хотел быть искренним с тобой и рассказать все это лично.

Поболтав еще немного со своим бывшим женихом, Монце с улыбкой до ушей повесила трубку.

— Что случилось? — спросила Хуана.

— Девчонки, Джеффри влюбился! Он позвонил мне, чтобы сообщить, что познакомился с некоей Ханной, и я ему больше не нужна!

Услышав такие новости, ее подруги удивленно переглянулись и радостно захлопали в ладоши. Десять минут спустя, узнав всю историю до конца, Хулия прошептала:

— Ну... Ты перелистнула еще одну страницу своей жизни.

— Ай, девочка моя, как я рада, — с нежностью прошептала Хулия, глядя на преисполненную от таких новостей счастьем подругу.

Пока они гуляли, обсуждая произошедшее, Хуана указала:

— Смотрите, там яхта королевы Елизаветы.

Все повернули головы.

— Это «Британия»! Потрясающе! Как красиво!

— Великолепно. Настоящая роскошь. Жаль, что мой Пепе этого не видит, — заметила Хулия.

Монце взглянула на небо и не разглядела там ни одной звезды, а судя по тому, как быстро пролетали облака, то закрывая, то вновь открывая роскошную полную луну, она предположила, что скоро пойдет дождь.

— Думаю, нам надо вернуться в гостиницу, пока мы не промокли до нитки.

Но Хулия уже заметила что-то интересное и взволнованно закричала:

— Смотрите... там цыганка, которая гадает на картах таро! Ну, быстрее же!

И не дожидаясь ответа, она побежала к маленькому желтенькому магазинчику, и ее подруги за ней. Начал накрапывать дождик. Цыганка велела им сесть. Хоть она и глядела с любопытством на Монце, сначала она погадала по руке Хулии, а после и Хуане. Когда же подошла очередь третьей подруги, та лишь покачала головой.

— Нет, спасибо, сеньора. Я ничего не хочу об этом знать.

Женщина улыбнулась. Это была она! И взяв девушку за руку, цыганка спросила:

— Ты все так же не веришь в такие вещи, *принцесса*?

Услышав эти слова, Монце впервые обратила внимание на лицо цыганки. Оно постарело и покрылось морщинами, волосы поседели, но эти пронизательные фиалковые глаза подсказали девушке ее имя, и она закричала:

— Шотландка-Эрика!

— Да, солнышко, это я.

Тронутая искренней радостью, написанной у Монце на лице, цыганка встала и обняла ее. Их крепкие объятия были полны любви и душевного тепла. Любви, которую в течение многих лет цыганка великодушно дарила Монце за спиной ее отца на каждый ее день рождения, на каждое Рождество и каждый раз, когда у нее выпадал очередной молочный зуб.

— Вы знакомы? — удивленно поинтересовалась Хулия.

Обе согласно кивнули, и Монце взволнованно прошептала:

— Когда я была маленькой, Эрика была моим ангелом-хранителем. Именно она научила меня, что пение помогает забыть о собственных бедах и горестях.

Цыганка была очень тронута словами своей бывшей подопечной, но будучи по природе скромным человеком, она просто рассмеялась и, не отрывая глаз от подвески Монце, сказала:

— Не слушайте ее. Она выросла отважной необыкновенной женщиной. А я просто была рядом, чтобы приласкать ее.

Обрадованная такой встречей Монце посмотрела на женщину и, все еще не веря, что это правда, ответила:

— Но... но, что ты тут делаешь?

Сев на стул, цыганка поглядела на нее и сказала:

— Видишь ли... я вернулась домой, в Шотландию. А ты? Ты-то что тут делаешь? Последний раз, когда я про тебя слышала, говорили, что ты живешь в Лондоне.

— Да... да, я живу там. Работаю в сети магазинов одежды молодых дизайнеров, а здесь я на каникулах вместе со своими подругами.

Цыганка удовлетворенно кивнула и прошептала:

— Вижу, ты превратилась в красавицу, такую, как модели из модных журналов.

При воспоминании об этом Монце улыбнулась.

— Тебе нравится твоя работа?

— Да... Но я до сих пор не живу в замке, — пошутила она.

— Хорошо, солнышко. Два желанья из трех — это совсем не плохо, верно? И, кто знает, может, и третье тоже исполнится.

Рассмеявшись Монце обняла ее, и цыганка сказала:

— Пойдемте. Заходите в мой фургон.

Больше часа девушки разговаривали с Эрикой в ее жилище. Они рассказали все о своей жизни вплоть до сегодняшнего дня, и это могло долго продолжаться, пока их внимание не

привлекли завывания ветра снаружи.

— Уфф... ну и буря поднялась, — сказала Хуана, увидев, как раскачивается фургон.

— Не волнуйся, — рассмеялась цыганка. — Это вполне обычный ветер.

На мгновение погас и снова зажегся свет. Не хватало только, чтобы отключилось электропитание.

— Ай, боже, Эрика! — неожиданно закричала Монце. — Только не говори мне, что это тот же самый хрустальный шар, что был в моем детстве.

Цыганка кивнула, и Монце, поднявшись, подошла к ней. Рядом с цыганкой стоял тот самый прозрачный хрустальный шар, перед которым девушка столько лет испытывала настоящий трепет. И конечно, Монце не могла не прикоснуться к нему. Она улыбнулась, а в это время, пока сидя на маленьком диванчике, болтали Хуана и Хулия, цыганка подошла к ней и спросила:

— Хочешь загадать три желания? Тебе всегда это нравилось.

Монце улыбнулась, и тогда женщина, взяв в руки шар, отнесла его на столик так, чтобы его было всем видно. Когда женщины наконец расселись вокруг него, Эрика еще раз настойчиво задала вопрос:

— Хочешь загадать три желания, солнышко? Подумай, ведь два из трех когда-то загаданных тобой уже исполнились, и я продолжаю считать, девочка моя, что «твое будущее в прошлом». Не отрицай.

— ...если это означает, что я должна дать Джеффри еще один шанс, то... — пошутила Монце.

— Даже не думай, детка! — воскликнула Хуана.

Положив руки на шар, Монце насмешливо прошептала:

— Эрика, ты же знаешь, что я во все это не верю.

— Знаю, принцесса. Но ты в Шотландии — земле сказок и легенд. И здесь невозможное становится возможным, — прошептала женщина, глядя на амулет.

— Давай же, не будь занудой, — бросила Хулия. — Попроси для нас всех настоящее приключение. Что-нибудь невообразимое.

— И чтобы там обязательно были потрясающие мужчины, разврат и страсть, — уточнила Хуана.

— Невообразимое приключение с потрясающими мужчинами, страстью и развратом? — со смехом повторила Монце, и обе ее подруги дружно кивнули.

Придя от их пожеланий в бодрое расположение духа, девушка посмотрела на цыганку и спросила:

— Я могу загадать общее желание на всех?

— Да, — улыбнулась та. — Никогда не знаешь, что может из этого выйти.

В это мгновение вздрогнул от раската грома потолок, и Монце, сама удивляясь тому, что за этим последовало, закрыла глаза и произнесла:

— Я хочу познакомиться с мужчиной из моих снов.

— М-м-м... Как романтично? Ты не могла бы попросить еще одного для меня? — забавляясь, спросила Хуана.

— Ладно... и пусть в комплекте идет мужчина и для Хуаны, — смеясь, добавила она.

— Второе желание? — сверкая глазами, спросила цыганка.

В это время дождь уже яростно стучал по крыше фургона.

— Чтобы это приключение длилось несколько месяцев, и чтобы в нем приняли участие

не только я, но и мои подружки.

— О, да... Здорово! — сказала Хулия.

— Твое третье желание? — снова задала вопрос цыганка.

Но прежде чем Монце успела ответить, раздался какой-то адский грохот, погас свет. Женщины одновременно испуганно выскочили из фургона. Оказалось, что прямо рядом с машиной ударила молния, расколов пополам огромный старый дуб, ну и, кроме того, став причиной отключения электричества во всем Эдинбурге. Оценив ситуацию, Монце посмотрела на цыганку и произнесла:

— Думаю, мы лучше пойдем. Завтра ты еще будешь здесь?

— Не волнуйся, солнышко, ты меня найдешь.

— Отлично! Завтра, перед тем как отправиться в аэропорт, я заеду попрощаться.

Сказав это, Монце обняла женщину и вместе с подружками направилась к автобусу, который должен был отвезти их обратно в отель. Умирая от смеха, погруженные в темноту девушки, подобрали свои длинные, хитро скроенные юбки и побежали по набережной. Вдруг Монце обо что-то запнулась, и, стараясь сохранить равновесие, уцепилась за подруг, но не удержалась, и все трое упали в темные воды реки Лит.

ГЛАВА 9

— Монце, черт тебя подери! Ну как так можно?! — во весь голос заорала Хулия, когда ей удалось по маленькой деревянной лесенке выбраться из воды. — Куда ты смотрела?

— ...признаю, признаю. Я сожалею! — извинилась девушка, убирая с лица спутавшиеся волосы, в то время как вокруг нее все бежали люди, пытаясь укрыться от дождя. — Я, наверное, с кем-то столкнулась и... не знаю... я не знаю, что произошло.

— Ой, боже... Я продрогла. У меня соски, как две горошины, — прошептала Хуана, чье лицо было полностью скрыто волосами.

Внезапно все трое переглянулись и рассмеялись. Ситуация была более чем странной: они находились в порту Эдинбурга, промокшие до нитки, с растекающейся по всему лицу косметикой, да и в целом выглядели ужасно. Переведя дух, они поглядели туда, где всего несколько минут назад стоял автобус, который должен был отвезти их обратно напрямиком в отель.

— Отлично! Он уехал. Теперь нам придется ловить такси, и как только водитель услышит наш акцент, он обдерет нас как липку. Вот увидите, — усмехнулась Хулия.

— Мать божья, ну и темнотища, — прошептала Монце, глядя по сторонам. — Во всем городе нет света. Ну и ну!

— Уф... что-то не видно ни одной чертовой машины, — пожаловалась Хуана. — Но если я не ошибаюсь, по этой дороге мы можем подняться почти до самого замка.

— Но ведь льет, как из ведра! — всхлипнула Хулия.

И тут перед ними проехала какая-то старая повозка, вероятно принадлежащая ярмарочным торговцам. Остановив ее, Монце спросила:

— Вы едете в замок?

Иностранная, судя по акценту, супружеская пара, внимательно посмотрев на трех девушек, кивнула, и тогда Монце продолжила наступление.

— Вы не могли бы туда нас отвезти? Мы были бы вам так благодарны... так благодарны... очень сильно благодарны.

И вот уже через пять минут три девушки, насквозь промокшие и почти мертвые от холода, сидели в задней части едущей по дороге повозки. Спустя некоторое время телега

остановилась, и жена ярмарочного торговца, подойдя к подругам, сказала:

— Вам придется сойти здесь. Мы едем в Глазго. Но если вы подниметесь по этому склону, то попадете прямо к обратной стороне крепости.

Продрогшие девушки слезли с повозки и, поблагодарив обоих супругов, пошли туда, куда указала им женщина. Добравшись до крепостной стены, они немного прошли вдоль нее и оказались на какой-то вымощенной бульжником темной, пропахшей смрадом улочке.

— Ну и вонь! — пожаловалась Хулия.

— Да уж, пахнет хуже, чем в канализации, — пошутила Монце.

Остальные, зажав пальцами носы, с нею согласились. Где же они оказались, что тут так воняло тухлятиной? Спустя пять минут, оставив отвратительное зловоние позади, они начали подниматься вверх, и Хуана радостно воскликнула:

— Мы правильно идем. Вы помните этот проулок и эту арку?

Ее подруги отрицательно замотали головами, и она продолжила:

— Если мне не изменяет память, только на днях мы останавливались здесь, чтобы полюбоваться Хабом, или, как сказала Хулия, «этой штуковиной», той самой, которой всего сто пятьдесят лет. Вспомнили?

— А, да. Помню, — согласилась Монце.

— Живее, идемте, девочки. Наша гостиница прямо за Хабом.

— Ой, боже, — прошептала Хулия. — Как же я хочу оказаться в отеле, снять эту одежду и принять горячий душ.

Оказавшись в проулке, все трое остановились. Первой заговорила Хулия:

— Я ничего не вижу. Видно, свет отключили во всем Эдинбурге.

Монце и Хуана вытерли воду с лица. Чудно, но перед ними была лишь темнота. Шпиля Хаба нигде не было видно.

— Странно, — прошептала Хуана, вглядываясь в дождь. — Я была готова поклясться, что Хаб должен был быть здесь.

— Ну, тогда одно из двух: или он резко уменьшился под дождем, или его тут нет, — сказала Хулия.

— Может, ты ошиблась улицей, — вздохнула Монце, доставая из кармана свой фиолетовый смартфон. — Продолжим идти.

Пока они брели в темноте, она попыталась его включить. Но это было бесполезно. Побывав в воде, аппарат безнадежно промок.

— Дьявол! Ну и где эти чертовы таксисты? Вечно, когда надо, их нет, — проворчала Хуана, оглянувшись вокруг.

На улице было темно, хоть глаз коли. Не было видно ни одного прохожего за исключением нескольких мужчин и женщин, выглядевших так отвратительно, что к ним страшно было подойти.

— Мой телефон не включается, он сдох! Проверьте ваши мобильники, они ловят сеть? Тогда мы сможем вызвать такси.

Хуана достала свой из кармана и, попытавшись включить его, чертыхнулась:

— Вот дерьмо! Мой промок и не работает. За ту кучу денег, что я за него отвалила...

— Мой тоже не работает, — вздохнула Хулия. — Но меня это не удивляет. Ничего необычного, если учесть ту «ванну», что мы приняли в порту. Могло быть и хуже.

Внезапно Хуана что-то узнала и закричала:

— Посмотрите! Это же Грассмаркет. А там фонтан Вест-Боу.

Безумно обрадовавшись тому, что наконец нашли хоть что-то знакомое, все три девушки побежали к фонтану. Уж здесь-то наверняка должно проехать какое-нибудь такси. Но к их удивлению, там их ожидал совершенно мрачный и пустырь.

— Уф... честно говоря, ночной Эдинбург — не очень-то веселенькое местечко, — вздохнула Хулия, оглядываясь по сторонам. — У меня от него волосы дыбом встают.

— И не только у тебя, — согласилась с подругой Монце.

Неожиданно до них донеслись какие-то крики и, не теряя времени даром, девушки побежали на их звук. Выше по улице четверо мужчин грабили женщину с девочкой. Жертвы нападения жалась к стене, и по их лицам Монце стало понятно, что они ужасно напуганы. Какой-то мужчина, спустившись с кареты, запряженной лошадьми, попытался было им помочь, но нападавшие ударили его, и он повалился на землю. Один из грабителей забрался на козлы и, хлестнув лошадей, исчез в темноте. Монце, не раздумывая бросилась на разбойников и, не давая им опомниться, крикнула:

— Эй, вы! Какого черта вы тут делаете?

Мужчины посмотрели на нее. Тот, кто, по-видимому, был главарем банды, приблизился к Монце, а та, увидев его чумазое перепачканное лицо, прошептала:

— О, боже, ну и грязнуля!

Но никто кроме нее самой и Хуаны больше не засмеялся. Грабители, оставив своих жертв, подошли к Монце и встали лицом к лицу к ней ее подругам.

— Три девахи и, как я погляжу, совсем не прочь хорошенько повеселиться, — произнес другой мужчина, становясь рядом с главарем.

Удивившись тому, как выглядели бандиты, Хуана прошептала подругам:

— Откуда они такие взялись?

— Судя по их виду и исходящей от них вони из ближайшей сточной канавы, — ответила Монце, внимательно следя за каждым движением разбойников.

Было ясно, что на них собирались напасть.

Один из бандитов попытался обойти девушку сзади, она, не давая ему времени на маневр, ударила атаковавшего ногой в живот, и он повалился без сознания. Потрясенные мужчины поглядели на Монце, но уже в следующее мгновение на нее набросился с дубинкой второй мужчина. Монце с невероятным мастерством искусного бойца, уклонилась от удара и, выбив дубинку из рук нападавшего, ударила ею же его по ногам так, что мужчина упал ничком на землю. В этот момент, проследив за взглядом Монце, Хулия бросилась к старушке.

— Успокойтесь, сеньора, — прошептала женщине Хулия, усаживая ее на ступеньки. — Она одна из лучших каратисток.

Женщина как-то странно на нее посмотрела, а потом заверила, что с ней и с девочкой все в порядке. Она хотела о чем-то спросить, когда их внимание привлек яростный крик третьего грабителя. Отважная девушка схватила его за шею и легко, как перышко, повалив его на мостовую, нанесла короткий, глухой удар кулаком в грудь. А после пришла очередь и четвертого, которого она смела с ног одним единственным ударом, и, Хуана, подняв отброшенную Монце дубинку, стукнула его по спине. Мужчина так и остался лежать на земле рядом со своими товарищами.

Когда опасность миновала, Монце поглядела на подругу.

— Ну и удар! Здорово ты врезала этому косматому бандиту, — смеясь, сказала она.

Хуана, улыбаясь, выпустила из рук палку и прошептала:

— При первой же возможности, помой руки, девочка моя. Эти типы грязней, чем свиньи.

Обменявшись ироничными взглядами, они направились к Хулии и остальным, ошеломленно глядевшим на них.

— Как вы себя чувствуете? — поинтересовалась Монце, подходя к женщине и девочке, пока Хулия занималась бросившимся на их защиту мужчиной, к которому, кажется, возвращалось сознание.

Незнакомки посмотрели на нее, все еще не веря увиденному, и старшая из них, седовласая женщина, встревоженным голосом заговорила:

— Девушка, с тобой все в порядке?

— Да, мадам. Не волнуйтесь. Вот и мои уроки карате на что-то сгодились.

Из-за юбок женщины вышла светловолосая девочка лет шести-семи с прекрасными голубыми глазами и с очаровательной улыбкой сказала:

— Ты такая же сильная, как мой папа.

— Спасибо, солнышко. Если бы не эта одежда... — ответила Монце, указывая на свое платье. — Потому что, если бы на меня напали, когда я в джинсах и кроссовках, я бы разделалась с ними одной левой.

Хулия помогла мужчине подняться. Осмотрев рану на его голове, она сказала:

— Думаю, вам придется наложить пару швов. Лучше было бы, если бы вас как можно раньше осмотрел доктор. Вы меня поняли?

Мужчина согласился, и седовласая женщина спросила:

— Томас, как ты себя чувствуешь?

Ощупав свою огромную, растущую буквально на глазах шишку, мужчина прошептал:

— Хорошо, миледи... но... но... они украли ло...

Услышав слово «миледи» Монце и Хуана с улыбкой переглянулись. Женщина, нахмурившись, подошла к пострадавшему и с тревогой на лице ответила:

— Томас, ни о чем не волнуйся. Самое главное, что ты жив и здоров, и эти каналы сбежали.

— Но карета... миледи, я... — прошептал тот, и старушка снова оборвала его на полуслове:

— Это неважно, Томас. Главное, что с нами со всеми все в порядке. Заходи, пусть Маргарет осмотрит эту ужасную рану. А потом прикажи, чтобы готовили другой экипаж. Я хочу как можно скорее покинуть Эдинбург.

— Вы тоже возвращаетесь со средневекового ужина? — спросила Хулия.

Ее одежда была похожа на одежду незнакомок, но отличалась в лучшую сторону качеством кроя, ткани и пошива. Но больше всего привлекло ее внимание то, что они были абсолютно сухими.

— Мы отправлялись в путешествие, когда на нас напали эти мужчины, — ответила пожилая женщина.

— Они украли у вас экипаж? — спросила Хулия, и те кивнули.

— Вот сволочи! — прошептала Хуана.

Начало моросить, и старушка, слегка нервничая, спросила:

— Не желаете пройти в дом и немного обсохнуть?

Девушки переглянулись и поняли друг друга без слов. Поэтому Монце, когда они уже поднимались по улице, ответила за всех них:

— Большое спасибо, сеньора, но нам бы не хотелось причинять вам еще больше беспокойства, особенно когда вы собираетесь в дорогу. Кроме того, честно говоря, я жду не дождусь момента, когда окажусь в своем номере, приму горячий душ, выпью обжигающий кофе и устроюсь под теплым одеялом.

— Бродить по этим улицам — не самая хорошая идея. Грядут дурные времена, — упорствовала женщина, оглядываясь по сторонам.

— Не волнуйтесь. Не повезет тому, кто посмеет на нас напасть, — улыбнулась Монце.

На этом они распрощались, и девушки продолжили свой путь, а седовласая женщина, стоя у дверей, с тревогой вглядывалась им вслед.

ГЛАВА 10

— А это еще кто? — глядя на подруг, спросила Хулия, пока Монце, достав свой телефон, вновь пыталась его включить.

Свернув за угол, они очутились на маленькой площади. Там, сидя прямо на земле, с печальными лицами отдыхали около двадцати женщин, все они были связаны, а недалеко от них несколько громогласных, неотесанных мужланов пили пиво.

— Наверняка это те же съемки, что и вчера. На этих старинных улицах, должно быть, часто снимают разные исторические фильмы и сериалы, — глядя на связанных женщин и царившую повсюду грязь, ответила Монце, бросив попытки включить смартфон.

— Матерь божья! — засмеялась Хуана. — Обстановочка здесь еще та. Никогда бы не подумала, что это декорации.

— Говорю же тебе. Все это для того, чтобы выиграть «Оскар», — согласилась Хулия.

Девушек необычайно увлекло увиденное, и Хуана продолжила:

— Посмотрите на того мужика, который разговаривает с женщинами. Вы обратили внимание на его лицо? Даже его шрамы кажутся настоящими...

Без утайки высунувшись из-за угла, все трое принялись разглядывать человека, о котором говорила Хуана. Внешность у него была пугающей, на вид — настоящий грязный оборванец. А когда он, чтобы что-то возразить, открыл рот, они заметили, что во рту у него не хватает нескольких зубов. Впрочем, их не хватало у всех, кто его окружал.

— Вероятно, это главный злодей. Он больше всех на него похож, — увлеченно сказала Монце.

— Полностью с тобой согласна, — кивнула Хулия и, оглянувшись вокруг спросила: — А кто играет главного героя? Слушайте, если это Джерард Батлер, я с места не сдвинусь, пока не получу его автограф и крепко не расцелую его в обе щеки.

Наклонившись, Хуана украдкой коснулась плеча одной из женщин и попыталась с нею заговорить:

— Извините, пожалуйста, а что снимают?

Услышав голос у себя за спиной, девушка обернулась. Несмотря на темноту, было видно, какое у нее грязное лицо. Пошептавшись, она со странным шотландским акцентом сказала:

— Не стойте здесь, идите, куда шли. Бегом!

— Что? — ничего не понимая, спросила Хуана.

— Если вас заметит Джон Килган, вам уже не сбежать. Уходите же!

Хуана с недоумением поглядела на своих подруг. Монце, тоже наклонившись к девушке, спросила:

— А кто такой Джон Килган?

Повернув голову в сторону мужчины, который за ними наблюдал, она ответила, не

показывая на него:

— Вот этот. И если вам не нужны проблемы, постарайтесь, чтобы он вас не заметил.

С каждой фразой Монце понимала все меньше. Все это выглядело настолько реальным, что у нее по спине побежали мурашки. Тогда вмешалась Хулия:

— Ладно, мы поняли. Мы влезли прямо посреди съемок. Скажите только, это будет фильм или сериал?

Девушка поглядела на нее так, будто не понимала, что ей говорят, и уже собиралась ответить, как вдруг на площади появились несколько мужчин на лошадях, и начался большой переполох. Остальные мужчины не менее неряшливого вида, чем первый, отшвырнули кружки, выхватили шпаги и бросились на нападавших. Это было впечатляюще.

— Бежим, бежим, пока есть возможность!

Улыбнувшись, Монце с подругами бросились прочь. На площади началось целое представление, и что за представление! Им совсем не хотелось испортить съемку.

— Невероятно, — рассмеялась Хуана, когда они шли вниз по улице. — Теперь мне ясно, почему, когда мы смотрим фильмы по телевизору, все кажется таким реальным. Это было круто! Ты видела, как этот мужик владел шпагой? Уф... Кажется, будто он занимался этим всю жизнь.

Но то, что поначалу показалось забавной шуткой, постепенно становилось все более реальным. Мимо них бежали люди с выражением ужаса на лицах, и, завернув за угол, Хуана, остановилась и прошептала:

— Ай, девочки, меня сейчас инфаркт хватит.

Перед ними, там, где должна была стоять современная часть Эдинбурга с его электрическими огнями и мостами, насколько хватало взгляда, виднелись деревья, костры и старенькие деревянные домишки с соломенными крышами.

— Ну, что с тобой? — устав шагать по мощеным улицам, прошептала Монце и поглядела на женщину, которая, кажется, что-то кричала на незнакомом языке.

Встав прямо перед подругами, продолжавшими неотрывно наблюдать за мимо пробегающими людьми, Хуана в истерике заорала:

— Где все, что тут должно быть? Предполагается, что здесь должен начинаться Новый город. И... и... и... Но... но, боже мой, где же все дороги, светофоры, машины?

— Мы в старой части города. Не закатывай истерику. Ты вероятно ошиблась, — подходя к ней тихо ответила Монце.

Но Хуана, достав из кармана юбки карту города, осторожно, потому что та была еще мокрой, развернула ее, и отчаянно завопила:

— Нет... Я не ошиблась. Я прекрасно знаю, где мы, и здесь должен быть Новый город, а не эти соломенные хибары стран третьего мира, — сказала она, тыча в промокшую карту. — Вот тут должен стоять МакДональдс, в котором мы несколько дней назад ужинали. — продолжала Хуана, — а там, магазин, где Хулия купила Пепе шотландский виски. И... и... там должен быть наш отель... Там!

— Ай, мать божья! — оглянувшись, прошептала Монце.

— Черт! — завизжала Хуана в ужасе, указывая направо, — там... там... Хаба тоже нет.

Монце и Хулия испуганно переглянулись, и от странного ветерка, пробежавшего по их спинам, вся кожа у них покрылась мурашками.

— Ой, боже, — прошептала Хулия, взглядевшись вперед и увидев там лишь убогие хижинки.

Монце повернулась назад, чтобы посмотреть на мрачную громаду Эдинбургского замка, вздымавшуюся на вершине холма, и тихо спросила:

— Тогда где же мы?

ГЛАВА 11

Но времени, чтобы поразмыслить над этим вопросом, у нее совершенно не было. Многочисленная группа людей, среди которых Монце узнала и нескольких увиденных ранее женщин, шла вниз по улице в их направлении. Неожиданно люди бросились бежать.

— А теперь-то что случилось? — затаив дыхание, спросила Хулия, когда они оказались посреди толпы.

— Не знаю... но вперед, — закричала Монце, подталкивая Хуану.

Стоял невероятный гул. Мужчины, женщины и дети бежали с одной стороны улицы на другую и обратно, а всадники на лошадях их преследовали. Внезапно тишина и покой этого места сменилось безумием. Хижины запылали, люди вокруг падали все в крови, и девушки не представляли, куда им бежать. Потрясенные, как никогда в жизни, они замерли перед человеком, размахивавшим шпагой перед своим соперником, и в этот момент Монце услышала крик женщины. Обернувшись, она увидела ту же девушку, с которой разговаривала всего несколько минут назад, и попыталась обойти мужчин. Она, не раздумывая подошла к ним, и, ударив одного в живот, отчего тот согнулся пополам, а второго отправив ударом кулака в нокаут, посмотрела на несчастную и крикнула:

— Что здесь происходит?

С отразившимся у нее на лице ужасом девушка завизжала и бросилась бежать по направлению к лесу.

— Если хотите остаться в живых, скорее за мной!

Монце не раздумывая подтолкнула своих ошеломленных подруг, заставив их следовать за незнакомкой. Ветви деревьев царапали им лицо и руки, но они бежали и бежали, не оглядываясь, слыша позади себя треск пожирающего хижины огня и испуганные крики людей. Они и сами не знали, сколько времени бежали за той девушкой, но, кажется, их ноги просто не могли остановиться. Начало светать, судя по тому, как торопилась незнакомка, они чувствовали, что за ними гонятся, и они должны скрыться от преследователей. Неряшливого вида девушка остановилась и обвела напряженным взглядом окрестности. Вдруг она подпрыгнула и, убрав листву и ветки с какого-то камня, закричала:

— Залезайте сюда, быстро!

Хуана и Хулия залезли первыми, за ними последовали и Монце с незнакомкой, которая, оказавшись внутри, замаскировала вход. Они находились в такой маленькой пещерке, что паутина, свисавшая с ее стен, тут же залепила им глаза и прилипла к волосам, и если бы Хуана не зажала ладонью рот Хулии, та бы заорала во всю глотку. Она ненавидела насекомых. Приложив палец к губам, девушка попросила их помолчать, и они, все еще ничего не понимая, беспрекословно ей повиновались. Через несколько секунд они услышали стук копыт и мужской голос, громко приказывавший:

— Вы, скачите по этой дороге. А мы поедем направо.

Немного погодя шум копыт стал удаляться, и лес погрузился в тишину. Съездившись в крошечном пространстве, Хуана и Хулия изумленно переглянулись и заметили, что девушка, за которой они бежали, тяжело дышит. За все это время никто не произнес ни слова. И тут сквозь листву в пещеру проникли первые лучи солнца. Тогда Монце, попытавшись привлечь к себе внимание неизвестной, прошептала:

— Я не знаю, ни кто ты, ни почему нас преследовали эти люди, но хочу, чтобы ты немедленно все объяснила.

Восстановив дыхание, незнакомка кивнула, села на землю и, убирая с лица грязные, спутанные волосы, прошептала:

— Меня зовут Эдель Дживенс, я живу недалеко от Перта. Несколько дней назад мы с моим братом Колином из-за похорон родственника решили ненадолго отложить наше возвращение в замок, и тут на нас напали эти бандиты.

С глазами, полными слез, она прошептала:

— Думаю... думаю, что они убили моего брата, а меня, судя по тому, что я слышала в их разговорах, Джон Килган собирался продать тому, кто даст наибольшую цену. Потом появились вы, стали задавать ваши странные вопросы, вскоре на Джона Килгана напали воины, и мне удалось сбежать. Остальное... вам уже известно.

Три подруги недоверчиво переглянулись. Воины? Бандиты? О чем вообще болтает эта девчонка? Увидев, что они молчат, девушка встала и зашептала:

— Я должна вернуться домой и рассказать о том, что случилось. Не хочу, чтобы дома переживали еще больше, чем уже есть. О, боже... хозяйка была права. Нам следовало вернуться в замок вместе с ней и там ждать, когда разрешится вопрос с Короной.

— Вопрос с Короной?

— Да. Когда кланы объединятся и решат, примут они Марию и Вильгельма Оранского в качестве сюзеренов.

Хуана удивленно спросила:

— Оранского? А кто это?

Услышав вопрос, девушка поглядела на них с изумлением и ответила:

— Те, кто хотят низложить Якова II. Его дочь Мария и Вильгельм...

— Глупости! — оборвала ее Хулия. — Я конечно не большой знаток истории, но даже мне из «желтой» прессы известно, что сейчас правит Елизавета II. Ну, знаешь, эта, бывшая свекровь леди Ди и Сары Фергюсон.

Теперь уже удивленной выглядела девушка, которая, глядя на них с непроницаемым выражением лица, прошептала:

— Кто такие Елизавета II, леди Ди и Сара Фергюсон?

Девушки переглянулись, а их спасительница продолжила:

— Мария и Вильгельм Оранские хотят править Шотландией так же, как уже правят Англией и Ирландией. О чем вы говорите?

Надо было видеть в этот момент лицо Хуаны. Монце уже собиралась заговорить, но ее опередила Хулия:

— Ой, боже мой, а это кто еще такие?

Девушка решила, что ее подруги по убежищу приехали из еще большего захолустья, чем она сама, и поэтому, собирая волосы в косу, начала их просвещать:

— Послушайте, не знаю, о каком монархе вы говорите, но даже мне известно, что Мария II — дочь Якова II из династии Стюардов, а Вильгельм происходит из Оранской ветви. Несколько лет назад они поженились и...

— Эдель — прервала ее Монце. — Который сейчас год?

— Тысяча шестьсот восемьдесят девятый.

— Боже, меня сейчас удар хватит, — всплеснув руками, прошептала Монце.

При этих словах Хуана подскочила, как ужаленная, и лихорадочно завопила:

— Как? Как это?! Но... но... О чем болтает эта чокнутая? Как мы можем быть в тысяча шестьсот восемьдесят девятом году, если мы в две тысячи десятом.

— В две тысячи десятом? — прошептала Эдель и открыла рот от удивления, пока малютка-Хуана продолжила.

— Да ладно. Испания только что выиграла чемпионат мира по футболу. Уже клонируют овец. Обама — президент США, а Хью Гранту исполнилось пятьдесят. Как мы могли оказаться в бог весть каком году?

Хуана что-то достала из кармана, посмотрела на девушку и закричала:

— Смотри... это Блекберри последнего поколения, и насколько я знаю, в те времена, о которых ты говоришь, таких штук еще не было? Или я ошибаюсь?

— Ой, а как же мой Пепе! Как же он разозлится! — вспомнив о муже, зарыдала Хулия.

Эдель с любопытством поглядела на предмет, который держала в ладони Хуана. Ей никогда не приходилось видеть ничего подобного, она удивленно села и услышала следующее:

— Цыганка... это все из-за этой чертовой цыганки, — прошипела Хулия и, взглянув на подругу, спросила: — Какого дьявола ты загадала?

— Я? — побелев, как снег, прошептала Монце.

— Да, ты. Не прикидывайся дурочкой, ты загадывала желания, — закричала Хулия.

Осознав все безумие ситуации, Монце в истерике завизжала:

— Хочу вам напомнить, красавицы, что ты захотела невообразимое приключение, а ты — мужчин, страсти и разврат.

— Пресвятая богородица! — тихо сказала Хуана. — Вот мы все это и нашли на свои головы!

— Но... но я замужем! О, мой Пепе! Он же решит, что я его бросила, — всхлипнула Хулия.

Ситуация была хуже, чем в любом третьесортном фильме. Тогда Монце поглядела на подруг и как всегда, когда она оказывалась в трудной ситуации, она начала напевать. Это ее успокоило. Но заметив злобный взгляд Хулии, судя по лицу, готовой ее убить, Монце заткнулась.

— Это ты попросила встретиться с мужчиной из своих снов, и чтобы это длилось несколько месяцев. До Рождества! — с ехидством сказала Хуана. — Ай, девочка моя, ущипни меня хорошенько, может, тогда я проснусь. Наверное, я сильно ударила голову, раз мне снятся такие фантазии.

— Не искушай меня, не искушай, — еще не оправившись от потрясения, усмехнулась Монце.

— Мы все умрем! — театрально всхлипнула малютка-Хуана.

— Я загадала два желания, у меня осталось еще одно! — воскликнула Монце и продолжила: — Эрика, послушай меня. У меня есть еще одно желание, и я хочу, чтобы мы вернулись в наше время. Вот! Ты меня слышишь, дьявол тебя дерь?

Несколько секунд девушки напряженно смотрели друг на друга и, увидев, что ничего не происходит, Хуана тихо сказала:

— Мне кажется, тебя не слышат.

— Эй ты, цыганка! — завопила Хулия. — Покажись, дай посмотреть тебе в глаза!

Впервые осознав, что все это происходит на самом деле, Монце прошептала:

— Эрика тогда сказала, что это Шотландия, земля легенд, и невозможное может стать

ВОЗМОЖНЫМ, И...

— Как мы тут выживем? — расстроено запричитала Хулия. — Как будем существовать? И, главное, что я скажу Пепе, когда вернусь?

— Ради бога, перестань уже талдычить о своем Пепе, — зарычала Монце.

— Ни за что, — крикнула Хулия.

— Я не останусь здесь даже на один день. Не дождетесь! — возмутилась Хуана.

Эдель, до сего момента молчавшая, слушавшая их речи, перемежавшиеся непонятными иностранными словами, и наблюдавшая, как они оживленно машут руками и делают странные жесты, произнесла:

— Что с вами такое? К чему весь этот гвалт?

Услыхав ее, женщины повернулись и начали пытаться объяснить ей то, что сами еще не могли до конца понять.

ГЛАВА 12

Поспорив, поговорив, поплакав и посмеявшись, спев не одну песню, но так и не поняв на самом деле, что же произошло, девушки решили выйти из своего маленького убежища. Им просто необходимо было размять ноги и потянуться. Первой покинула пещерку Эдель, за ней последовала Монце, а после и остальные.

— И что нам теперь делать? К каким чертям идти? — спросила Хуана.

— Разве ты не хотела приключений? Вот тебе, пожалуйста! — пожав плечами, промурлыкала Монце.

— Я хочу вернуться к Пепе, — в замешательстве продолжала Хулия.

— А я проголодалась, замерзла и хочу обратно в отель.

Более не в состоянии выслушивать от своих подруг подобные жалобы Монце в конце концов закрыла глаза, вздохнула и под их ворчание сказала:

— Ладно! Мне жаль. Я понимаю, что по моей вине вы попали в такие невероятные неприятности, что кому рассказать, не поверят. Клянусь вам, что в тот день, когда снова увижу Эрику, как бы хорошо я к ней не относилась, я заставлю ее за все заплатить!

— А я тебе помогу, — добавила Хуана.

И Монце продолжила:

— Думаете, я шокирована меньше, чем вы? О, боже, какая гадость! Это. это... что-то невероятное... — взвизгнула она, отбросив какого-то червяка, взбиравшегося вверх по ее юбке. — Дайте мне время подумать! Я так же потрясена и напугана, как и вы, и не знаю, что еще сказать или сделать, кроме как пойти вместе с Эдель туда, куда и она.

И жалобный стон вырвался у нее из горла после этих слов.

В этот момент ее подруги поглядели на нее. Монце никогда не плакала и не жаловалась. Она всегда сохраняла хорошее настроение и была сильной женщиной. И тогда, обменявшись с Хуаной многозначительными взглядами, Хулия зашептала:

— Твои слезы меня пугают. Не плачь, пожалуйста, и прости нас.

Хуана принялась ласково утешать подругу:

— Мы тебя подначивали специально, чтобы ты загадала желания. И давай, вытри эти слезы. Я убеждена, что все это случилось не просто так. Взглянем на это с другой стороны.

Монце посмотрела на нее и хотела спросить: «С какой?», но у нее из груди вырвался лишь отчаянный стон. Не было тут никакой другой стороны, кроме плохой.

— Хорошо, все могло быть гораздо хуже. Кроме того, если я не ошибаюсь, ты в своем желании попросила мужчину и для меня. Для меня! — вызвав у подруг смех, повторила

уроженка Канар. — Не будем огорчаться, ведь теперь у нас есть подруга по имени Эдель.

Услыхав свое имя, девушка поглядела на них и, заметив, что все они улыбаются, вздохнула, желая разделить их радость.

— Можно у вас кое-что спросить?

Девушки кивнули.

— Как вас зовут? Потому что вы знаете, что меня зовут Эдель Дживенс, но я до сих пор не знаю, как вас называть.

Все трое переглянулись, и, вытерев слезы, Монце улыбнулась, чем дала понять, что за этой улыбкой не последует ничего хорошего.

— Эдель, мое имя — Синди... Синди Кроуфорд! — ответила она.

Подруги потрясенно посмотрели на нее, но тут, воспользовавшись моментом, Хуана добавила:

— А я — Пэрис Хилтон!

— А я — Норма Дюваль! — уверенно подхватила Хулия.

Эдель глядела на них и не понимала столь радикальной смены настроения. Подумав о путешествии, которое им предстояло, девушка вздохнула и произнесла:

— Очень хорошо. Синди, Пэрис и Норма, мы можем отправляться в путь?

ГЛАВА 13

Уставшие, со сбитыми ногами, измотанные девушки шли уже несколько часов кряду и были сыты по горло этой дорогой, когда Хулия, сев прямо на землю, воскликнула:

— Все, сдаюсь. Я больше не могу. Если мне суждено умереть, я хочу сделать это сейчас. Хватит!

Удивленные ее демаршем женщины повернули головы, и Монце ответила:

— Немедленно поднимай свою задницу, если не хочешь, чтобы я тебя убила своими собственными руками.

Хулия собиралась что-то ответить, как вдруг издалека донесся стук копыт. Вслед за Эдель девушки быстро поспешили спрятаться в густом лесу за стволами огромных дубов. Показалась дюжина конных всадников, и, судя по их виду, это были свирепые, безжалостные бандиты. У Монце сжалось сердце. В итоге все оборачивалось не очень-то хорошо. Но тут совершенно неожиданно Эдель закричала:

— Алистер! Алистер Сазерленд!

Ехавший во главе отряда мужчина с медно-рыжими волосами остановил своего внушительного вида жеребца и обернулся. Внимательно взглядевшись в девушку, выкрикивавшую его имя, он, будто не веря своим глазам, прошептал:

— Эдель! Эдель Дживенс?

Увидев знакомое лицо, девушка взволнованно кивнула и всхлипнула. И уже через мгновение, спустившись с коня, этот гигант спешил, чтобы обнять ее.

— Эдель, как ты?

— Хорошо, — кивнула она.

— Ради всего святого, девочка, Колин так за тебя переживает. Он...

— Колин жив? — воскликнула она.

— Да, — ласковым голосом подтвердил Алистер, одновременно заметив еще женщин. — Его раны хорошо заживают. Не тревожься. О нем заботится Деклан.

От волнения Эдель прикрыла ладошкой рот, чтобы сдержать стон. Ее брат, ее любимый брат был цел и почти невредим.

Чувствуя, как ее тело трясется от страха, Монце подошла к Хуане и шепотом спросила:

— Это горцы?

Ее подруги кивнула и шепотом пошутила:

— Ай, детка... да. Думаю, что только что сбылась моя часть желания.

Пока его люди разглядывали трех женщин, испуганно таращившихся на них, Алистер, внушительных размеров мужчина с медно-рыжими волосами и светлыми глазами, почувствовав оживление Хуаны, улыбнулся.

— А это кто такие? — спросил он.

Убрав с лица волосы, Эдель подошла к девушкам и сказала:

— Это Синди, Пэрис и Норма. Мы вместе бежали от безжалостного Джона Килгана и... и... мне бы хотелось взять их с собой в замок. Им нужен ночлег.

— Приветик! — закричала Хуана, маша руками и приветствуя хмуро глядящего на нее Алистера.

Подойдя к ним, рыжеволосый внимательно оглядел каждую. Судя по их грязному и оборванному виду, эти молодые женщины, как и Эдель, прошли через ад, и зацепившись глазами за невысокого роста девушку, которая помахала ему рукой, он произнес:

— Какая вы маленькая.

Услыхав это, Хуана улыбнулась и сладким голосом объяснила:

— Не маленькая, а миниатюрная.

В ответ на это горец рассмеялся.

— Кто вы такая? — глядя на нее сверху вниз поинтересовался он.

Взглянув на Монце и увидев, что та, кивает ей головой, разрешая ответить, Хуана вздохнула и с улыбкой сказала:

— Ну... я... меня зовут Пэрис... Пэрис Хилтон.

— Какое у вас странное имя, девушка.

— Правда, шикарное? — улыбнувшись, выпалила Хуана и пожала плечами.

Смешавшись, мужчина остановился перед ней и, наклонив голову на бок, спросил:

— Шикарное?! Что означает «шикарное»?

— Это значит, что это красивое имя. Разве тебе не нравится?

Оставив вопрос без ответа, рыжеволосый с явным интересом снова поинтересовался:

— А этот твой акцент, откуда он?

Убирая с лица темную челку, Хуана посмотрела ему прямо в глаза и со своей обычной непосредственностью, нисколько не испугавшись, ответила:

— Уф... мой акцент, как бы тебе объяснить? Послушай, детка...

— Детка? — снова спросил смутившийся воин.

— «Детка» — это такое ласкательное выражение, которое широко используется у меня на родине, — улыбнулась Хуана и продолжила. — Дело в том, что уроженцы Канар очень любят уменьшительно-ласкательные выражения. А что касается твоих вопросов... сейчас я живу в Лондоне, но родилась на Канарских островах, отсюда и мой мягкий акцент. А они...

«Боже, во что она ввязалась», — подумала Монце, и чтобы закончить эти безумные излияния, отвлекая внимание рыжеволосого великана, объяснила:

— Мы испанки.

— Испанки, — это было понятно и ему, и его товарищам, которые сразу же начали перешептываться.

Увидев замешательство на их лицах, Хулия подошла к подругам и, умирая от страха,

прошептала:

— Мне кажется... кажется, что они, не задумываясь, перережут нам горло.

— Пожалуйста, не болтай глупостей, — тихо пробормотала Монце, испугавшись того, как глазели на них мужчины.

— Этот громила не понимает ничего из того, что мы говорим, это написано у него на лице, — простионала Хулия. — Если так будет продолжаться, мне кажется... кажется, этот тип собирается нас прикончить.

— Кстати о «прикончить», — усмехнулась Хуана, безо всякого страха глядя на рыжеволосого мужчину.

Но продолжить ей не удалось, Монце заставила ее замолчать и спросила:

— Как тебе в голову пришло нести всю эту чушь? Он решит, что мы сумасшедшие!

Поняв, что имеет в виду подруга, Хуана улыбнулась.

— А что ты хотела, чтобы я ему сказала? — ответила она. — Я сказала ему правду. Ну... не всю, — еще раз улыбнулась она, вспомнив про имя. — Матерь божья, Монце, вот это мужик. — и, заметив в его одежде клетчатый узор тартана, прошептала: — Этот горец — мечта любой женщины.

— Забирай его себе, — проворчала Хулия. — Потому что мне никогда не нравились рыжие волосы и топорные лица. Мне больше нравится мой Пепе.

— Аааа, твой Пепе, а потом сама же будешь на него жаловаться, — с ехидством сказала Хуана, закатив наверх глаза.

— Закройте пасть! — приказала Монце.

Рыжий послушал-послушал их болтовню на незнакомом для него, вероятно испанском, языке, потом посмотрел на Эдель и спросил:

— Ты уверена, что этим женщинам стоит доверять?

На мгновение бросив на них взгляд, Эдель выдавила из себя улыбку, кивнула и ответила:

— Да, Алистер, уверена.

ГЛАВА 14

Продолжать путь на спинах коней было гораздо удобнее, а главное, быстрее. Хулия успокоилась. Эти лохматые дикари казались вполне цивилизованными. Алистер попросил своих людей посадить женщин на своих жеребцов, и сам, естественно выбрал смуглую девушку по имени Пэрис Хилтон. По дороге Хуана спрашивала его обо всем, что только могло прийти ей в голову, и Алистер увлеченно ей отвечал. Так они постепенно обогнули озеро и углубились в горы.

Поначалу все было прекрасно, и поездка верхом дала отдых уставшим ногам. Но через несколько миль езды верхом у них начало ныть все тело.

— Алистер, еще долго? — спросила Хуана.

— Нет, сеньорита, — ответил он. — Обещаю вам, что еще до...

— А почему ты обращаешься ко мне на «вы» и не зовешь меня по имени, как я тебя?

Он улыбнулся, кивнул и, глядя в блестящие темные глаза своей спутницы, сказал:

— Хорошо, Пэрис. Обещаю тебе, что еще до того, как с неба исчезнут последние лучи солнца, мы будем на месте.

Так и получилось. Дорога была спокойной, и когда солнце перестало согревать землю, внезапно послышался вскрик Монце:

— Боже мой, это ведь замок Элчо?!

Удивившись тому, что Монце знакома эта маленькая крепость, Эдель поглядела на нее.

— Ты узнала замок? — спросила она.

Монце в ужасе перевела взгляд на подруг, а потом посмотрела на девушку. Как ей объяснить, что она много раз видела эту крепость во сне? А главное, что всего несколько дней назад они заезжали туда, но было это на несколько веков вперед. Наконец, предпочтя промолчать, она просто кивнула головой. Так будет лучше.

Подъехав, лошади остановились, и женщины спустились на землю. Алистер отошел от радостно улыбавшейся Хуаны, чтобы поздороваться с мужчинами, которые очень бурно приветствовали отряд. Вдруг раздался крик:

— Эдель?!

Развернувшись, девушка побежала и принялась обнимать замотанного в бинты молодого человека, который едва мог идти.

— Колин! — воскликнула она. — Ой, братец, как я за тебя волновалась.

Они бросились друг другу в долгожданные, счастливые объятия, все вокруг за ними наблюдали, а три наших путешественницы во времени так разволновались, что на глаза у них невольно набегали слезы. Спустя несколько минут, взяв Колина под руку, Эдель представила ему своих новых знакомых.

— А где все? — оглянувшись вокруг, спросил Алистер.

Осторожно ступая в сторону внутреннего двора, радостный Колин ответил:

— Они в западном крыле, укрепляют одну из стен. Ночью в нее попала молния.

Все кроме Монце направились туда, одна она, оцепенев стояла и смотрела на лес, темневший вокруг замка. Ее лес. Лес, который постоянно ей снился. И это терзало ее еще больше. Она боялась идти дальше, боялась того, что там увидит. От охвативших ее тревоги и волнения она начала напевать, пока ее резко не оборвала Хулия:

— Что случилось?

Услышав ее пение, подруги поняли, что Монце очень переживает.

— Это же Элчо.

— И не говори! — съязвила Хуана.

— Но... но... я должна отсюда бежать. Ты разве не помнишь мое желание?

— Помню, дочка, помню, — прошептала Хулия, — как тут забыть.

— Я всю жизнь мечтала об этом месте, и теперь... я здесь.

— Да, красавица, да, цыганка хорошо над нами подшутила, — усмехнулась Хуана.

Чем дальше, тем она больше успокаивалась, видя, что те, кто на них глазают, выглядят достаточно цивилизованными людьми.

Монце опять начала петь. Слушая ее, Хуана ухмыльнулась:

— Не могу поверить. Ты боишься?

Невероятно, но Монце кивнула, и ее подруга продолжила:

— Не хочу тебя еще больше расстраивать, но позволь напомнить, что нам тут еще торчать три месяца, потому что цыганке, с которой, клянусь, когда я ее снова увижу, собственными руками заживо сдеру кожу, вздумалось одарить тебя таким абсурдным желанием.

— И не напоминай! — запротестовала Монце.

— Послушай, красавица. Не знаю, как ты это сделаешь, но эти люди выглядят вполне воспитанными, — прошептала Хулия. — Если уж мне придется на какое-то время задержаться в этом чертовом веке, я бы предпочла жить здесь, а не в Эдинбурге среди дерьма, чумы и воров. Поэтому смиришься с тем, что ты пожелала, и оставь страхи, не думаю,

что этот мужик из твоих снов тебя съест.

Ее подруги были правы. Из-за нее они оказались здесь, и пути назад нет. Дрожащая, но не желающая отступать Монце, решительно последовала за всеми и удивилась, увидев за поворотом больше сотни потных мужчин, таскающих огромные камни на некое подобие строительных лесов.

Заметив незнакомок, те в свою очередь удивленно уставились на них. И их взгляды не сулили ничего хорошего.

— Я чувствую себя как на витрине, — прошептала Хуана.

Внезапно Монце услышала скрип. Одно из перекрытий, находившееся ближе всего к ней, кажется, вот-вот рухнет под весом гигантского валуна. Оценив высоту и направление падения, она не раздумывая ринулась туда, где, ничего не подозревая, стоял Алистер и разговаривал с другим мужчиной, и толкнула его, а когда свист падающего камня раздался над ее ухом, бросилась на второго и упала, покотившись с ним по земле. Каменная глыба с невероятным грохотом рухнула на землю. Вокруг наступило испуганное оцепенение. Монце открыла глаза и увидела над собой разозленный мужской взгляд, узнав мужчину, она прошептала:

— Ты!

— Я?! Что я? — недоуменно спросил тот.

Над ней собственной персоной нависал Деклан Кармайкл, герцог Вемисс, и глядел на нее, совсем недружелюбно нахмутив брови. Ничего общего со взглядом мужчины из ее снов. У этого были жестокие, холодные глаза. Встав, он не помог Монце подняться, а вместо этого грубым голосом зарычал на нее, желая своей огромной комплекцией внушить девушке страх:

— Черт побери, женщина, что вы натворили?

Опешив от подобного обвинения, она не испугалась и закричала:

— Что я натворила?

— Да, вы!

— Но... — не веря собственным ушам, прошептала она. — Может, ты настолько тупой, что не заметил тот камень, что собирался раскроить тебе череп, а, грубиян?

Увидев, как смотрит на нее мужчина, Монце сама поднялась с земли и, отряхивая пыль с грязной юбки, проворчала:

— Ах, да, и спасибо, что помог мне встать. Очень любезно с твоей стороны.

А тот, пораженный тем, что какая-то грязная оборванка, которую он едва понимает, смеет орать на него, схватил ее за руку, и со злостью выплюнул:

— Когда вы, женщина, обращаетесь ко мне, я требую от уважения. Я лэрд этих земель, и относится ко мне надо соответственно.

Монце удивленно на него взглянула, а он с сердитым видом продолжил:

— Я не знаю, кто вы, и не желаю об этом знать... Убирайтесь с моей земли немедленно, если не хотите, чтобы вас выпороли и отрезали ваш грязный язык!

Возмутившись тому, как мужчина на нее смотрит, а особенно, презрению, которое Монце почувствовала в его словах, она молниеносным приемом освободилась из его хватки. Все были удивлены, включая Деклана, который хотел схватить ее еще раз, но, ловко отпрыгнув, девушка избежала плена.

— Не вздумай трогать меня своими граблями, а о моем языке можешь забыть.

Растерявшись от такого нахальства, герцог Вемисс подошел к незнакомке.

— Вы хотите, чтобы вас наказали? — прошипел он.

— Смотрите-ка на него, каков наглец! — завопила она, глядя на подруг, которые с выражением ужаса на лицах, умоляли ее заткнуться.

— Что вы сказали, женщина?

Готовая к атаке, Монце готова была ответить, но между ними встала побледневшая Эдель и, глядя на злобного мужчину, сказала:

— Мой лэрд, Синди...

— Замолчи, Эдель! — потребовал Деклан, отодвигая ее в сторону, чтобы снова встретиться лицом к лицу с тяжело дышавшей Монце.

Все вокруг глядели на них во все глаза. Никто не смел так разговаривать с лэрдом, а особенно, такая непонятно откуда взявшаяся грязная шлюха. Грохот падающего камня привлек внимание всех, кто жил в замке, и его обитатели поспешили на этот шум.

— Сынок, что произошло? Все хорошо?

Пришедший в ярость Деклан чертыхнулся, но увидев испуг на лице седовласой женщины коротко ответил:

— Успокойтесь, мама. Все в порядке.

Хуана и Хулия подошли к подруге, и последняя прошептала ей по-испански:

— Синди Кроуфорд, закрой пасть, разожми кулак и перестань глупить. Не надо шутить с этим мужиком. И пожалуйста, если не хочешь, чтобы нас забили камнями, зови его на «вы», а если он попросит, пой, пляши и скачи на одной ножке, как ему будет угодно, пожалуйста!

Впервые осознав, что Хулия права, Монце расслабила руки. И прямо в этот момент послышался детский голосок.

— Отец... это женщины, которые помогли нам в Эдинбурге, они спасли нас от плохих людей, которые на нас напали.

Подойдя к Монце, девочка улыбнулась и сказала:

— Привет! Ты меня помнишь?

«Отец?!», — удивленно подумала Монце, но, смягчив тон, ласково ответила:

— Привет, принцесса, конечно, я тебя помню. Как поживаешь?

Наклонившись, чтобы оказаться на одном уровне с девчушкой, она убрала с ее лица прядь волос и заткнула ее за ухо.

— Подойди ко мне, Мод, — зарычал Деклан на дочь.

Звучащая в его голосе сталь заставила девочку стереть с лица улыбку и, опустив взгляд в пол, подойти к отцу. Глядя на малышку, Монце вспомнила свое детство, и вся ее кожа покрылась мурашками. Не моргнув взглядом, она поднялась и с презрением посмотрела на герцога. Почему он с ней так разговаривает?

Бывший до того немым свидетелем разыгравшейся сцены Алистер подошел к Деклану и что-то ему прошептал, тот удивленно на него посмотрел. Переговорив между собой на гаэльском, герцог взглянул к Монце, крепко схватил дочь за руку но, проходя мимо, остановился и объявил:

— Я благодарю вас за то, что вы сделали для моей семьи в Эдинбурге, но не позже чем послезавтра я хочу, чтобы вы покинули мои земли, вам понятно?

Монце разочарованно кивнула. Как мужчина из ее снов мог так с ней поступить?

— А пока, надеюсь, что вы больше никому не доставите неприятности.

— Конечно, сеньор, — ответила она, но не удержалась и добавила: — Если я вам так мешаю, я уйду сейчас же. Не хочу никому создавать неприятности.

— Было бы великолепно, — ответил герцог и удалился.

Монце хотела было ответить, но, обменявшись взглядом с подругами, предпочла заткнуться. Ради них она вынесет все в этом доме. Если бы не они, она бы ему еще показала. Старушка, молча наблюдавшая за стычкой своего сына и темноволосой девушки, подошла к подругам и, прижав руки к груди, прошептала:

— Ради всего святого, девушки, что с вами произошло?

ГЛАВА 15

Приказав всем возвращаться к своим делам, пожилая женщина отвела девушек в замок и позволила им привести себя в порядок в одной из комнат для прислуги. После она приказала служанкам приготовить для неожиданных гостей ужин. Судя по лицам, они очень устали. Зайдя внутрь, Монце обратила внимание на одну приоткрытую дверь. Там находилась гостиная, в которой она несколько дней назад в другом веке увидела портрет Деклана Кармайкла.

Когда подруги спустились по черной лестнице, одна милая рыжеволосая девушка по имени Агнес отвела их в какую-то комнату и оставила там одних.

— Мать божья... мать божья. Ты показала себя во всей красе перед мужчиной твоей мечты, — усмехнулась Хулия, распутывая волосы.

— Это ты о ком? — мрачно прорычала Монце, стягивая с себя старую рваную юбку фиолетового цвета. — Ты хотела сказать чудовища из моих кошмаров? Ты видела, какой он грубиян?

— Да, девочка моя, — согласилась Хуана. — На редкость неприятный, вечно недовольный тип, да еще и орет по любому поводу.

— Ради бога, — продолжила Монце, снимая подвеску, которую для сохранности спрятала в карман своей помятой юбки. — Он бы, конечно, предпочел, чтобы этот камень прилетел мне на голову. Кто мог подумать, что я собиралась бросить в него камень? Только идиот! А теперь из-за него у меня содраны все локти, — прошептала она, разглядывая ссадины.

— Монце, попридержи язык или...

— Синди, — прерывая ее, напомнила та. — Здесь я Синди. Не забывай!

Расхохотавшись, Хуана продолжила:

— Попридержи язык, Синди Кроуфорд, или *сэтим горцем* у тебя будут большие проблемы. И зови его на «вы», потому что мне кажется, что этот тип тебе не по зубам. Он совсем непохож на тех мужиков, с которыми ты имела дело в наше время.

— Ну, вот еще! Я же тебе уже сказала, что знать его не хочу.

В это мгновение в дверь постучали, и не успели девушки ответить, как она уже отворилась.

— Можно войти? — уставившись на них, спросила девочка.

— Ты уже вошла, — улыбнулась Хуана, подмигнув малышке.

— Конечно, солнышко, заходи, — увидев ее, ответила Монце.

Обрадовавшись, девочка закрыла дверь, и, подойдя к Монце, которая сидела на кровати и изучала рану на своем локте, спросила:

— Больно?

— Нет, не больно, — улыбнулась Монце, глядя на девочку с голубыми глазами и золотистыми, как спелая пшеница, волосами. — Как тебя зовут, принцесса?

— Мод Камайкл.

— Мод? Какое красивое имя, — кивнула Хулия.

— А вас? — спросила малышка.

— Меня зовут М... Синди... Синди Кроуфорд, — произнося это имя, она снова улыбнулась. — Это Пэрис Хилтон, а ту, что расчесывается, зовут Норма Дюваль.

Девочка радостно подскочила к Хулии и попросила:

— Норма, ты меня причешишь?

Хулия с удовольствием усадила Мод на кровать и принялась расчесывать ее прекрасные длинные светлые волосы. Через несколько мгновений послышался шум открываемой двери, и в комнату зашла седовласая женщина. Увидев девочку, она зашептала:

— Мод, я же тебя просила не беспокоить наших гостей.

— Не волнуйтесь, сеньора. Она нисколько не мешает, — улыбнулась Монце, увидев герцогиню.

Та только вздохнула.

— Извините за поведение сына, — сказала она, подойдя к ней. — У него отвратительный характер, но Деклан хороший человек, просто в последние дни ему пришлось особенно тяжело.

— Почему? Что произошло? — спросила Хулия, заработав тяжелый взгляд от подруг за желание посплетничать.

— Если коротко, то скоро будет восемь лет с тех пор, как умерла Элизабет, его жена. — И, глядя на Монце, шепотом продолжила: — Уверена, когда он поймет, как плохо обошелся с тобой, то немедленно постарается исправить причиненный им вред...

— Не волнуйтесь, — пошутила Монце, взглянув на наблюдающую за ними девочку. — Хоть мне и очень хотелось взять другой камень и хорошенько ударить его по его упрямой голове! Только, пожалуйста, ему об этом не рассказывайте, иначе тогда он сам меня пристукнет этим камнем.

Пожилая женщина и девочка переглянулись и, прикрыв ладонями рот, улыбнулись. Фиона подумала, что это одна из самых забавных вещей из тех, что она слышала о своем сыне.

— В Эдинбурге у нас не было возможности поблагодарить вас за то, что вы тем вечером сделали для нас. Если бы вы тогда не появились, нам бы точно не поздоровилось. Моя бедная крошка Мод... — с увлажнившимися от слез глазами прошептала старая герцогиня. — Девушки, я вам бесконечно благодарна.

Тронутая словами женщины Монце подошла к ней и, обняв ту к абсолютному замешательству последней, тихо ответила:

— Сеньора, мы с радостью вам помогли. И сделали бы это еще хоть тысячу раз. Уверю вас.

Не привыкшая к таким откровенным проявлениям чувств дама, тем не менее была благодарна Монце за теплые объятия, улыбнувшись, она сказала:

— Пожалуйста, зовите меня Фиона.

— Да ладно, прямо как жену Шрека, — выпалила Хуана, но, заметив лица подруг, смущенно пробормотала, — Фиона... какое красиво имя.

Уже давно смирившаяся с тем, что проводит все свое время одна, за исключением компании внучки, герцогиня обрадовалась и предложила:

— Вы можете, когда захотите, подняться в столовую и поужинать. Конечно, мы не ждали гостей, поэтому уж не обессудьте за скромную трапезу.

— О, не беспокойтесь. Мы так голодны, что слона готовы съесть, — ответила Хулия, вызвав у женщины улыбку.

Десять минут спустя три девушки в сопровождении старой герцогини и девочки вошли в маленькую столовую, где был накрыт стол, полный изысканных роскошных яств.

— По-моему, Фиона говорила про скромный ужин? — шепнула Хуана, увидев подобное изобилие.

Не менее удивленная Монце, пожав плечами, улыбнулась, тем временем Хулия завела с герцогиней разговор о цветах — теме, которая весьма увлекала их обоих. Прошло немного времени, и в качестве исключения Фиона пригласила Эдель, которая смущенно вошла в комнату под руку со своим братом Колином. Она выглядела счастливой, и Монце это понравилось. Эта скромная девушка, которую они едва знали, поверила им и, несмотря на то, что их рассказ мог показаться полной нелепицей, заступилась за них. Ради нее они должны держать себя в руках.

Но хорошее настроение тут же пропало, как только она увидела, как в столовую входят рыжий Алистер вместе с Декланом Кармайклом. Она растерянно замерла, не отводя взгляда. Мужчина, который столько лет тревожил ее сон, с которым она так страстно хотела встретиться, оказался высокомерным идиотом, не заслуживающим ни ее слова, ни ее взгляда. Хотя она и не могла отрицать того, что он был в высшей степени привлекателен. Темно-синий камзол и темные панталоны, которые он надел к ужину, сидели на нем так, будто он сошел с рекламного плаката «Армани».

— Мама, что они здесь делают? — раздраженно поинтересовался герцог, увидев незваных гостей.

Пожилая герцогиня ответила, не поворачивая головы:

— Они наши гости, Деклан. Будь с ними любезен.

С недовольным лицом мужчина сердито сел за стол. Ему совсем не нравилось находиться с этими женщинами в одном помещении. Поэтому хоть и, проявляя уважение, когда герцог вошел, Монце поднялась, она не смогла не заметить:

— Сеньор, если вам так не нравится наша компания, мы можем пойти ужинать на псарню вместе с собаками. Уверена, они не будут возражать.

Мужчина поднял на нее взгляд. Подобная беспардонность совсем не понравилась герцогу, но едва он собрался возразить, Алистер, усаживаясь, легонько толкнул его в плечо, прося успокоиться, и он промолчал. Деклан и рыжеволосый еще некоторое время переглядывались, и наконец Алистер улыбнулся.

— Ай, смотрите, какой он красавчик. Мне везет, как утопленнице, — вздохнула Хуана. — Если бы мы тут задержались, я бы точно закрутила роман с Алистером, нисколько в этом не сомневаюсь. Вы заметили, как он на меня смотрит?

Монце поглядела на подругу и, стараясь сесть как можно дальше от герцога, с ухмылкой прошептала:

— Нет, но я заметила, как ты на него смотришь, а уж тебя-то я знаю.

Сначала подали бульон со специями, который им очень понравился, а после него мясо в каком-то вкусном соусе. Девушки с жадностью накинулись на еду, а Мод, увидев малиновый бисквит, захлопала в ладоши. Все заулыбались, и Монце с удивлением заметила, как выражение лица Деклана смягчилось на те несколько секунд, что он глядел на дочь. Но это были лишь какие-то секунды; мгновение, и вот он снова напрягся, а его лицо приняло угрюмый вид.

В течение всего вечера Монце украдкой его разглядывала. Ростом он был, должно быть, около двух метров, что в сочетании с широкими плечами делало его фигуру просто громадной. У него были потрясающие небесно-голубые, хоть в данный момент и напряженные, глаза, квадратный подбородок, прямой нос и светлые волосы, которые он собирал сзади в хвост, что на вкус девушки придавало его внешности сексуальность и делало ее современной.

Монце едва могла расслышать, о чем он разговаривал с Алистером. Вероятно, это было что-то важное, потому что они ни на секунду не переставали перешептываться. И тут Деклан поднял взгляд и пристально посмотрел на нее своими холодными светлыми глазами, она буквально окаменела и быстро перевела взгляд в другую сторону.

Ужин подошел к концу. Эдель увела Мод спать, а остальные перешли в небольшую гостиную. Оказавшись там, Хулия сразу же погрузилась в разговор с Фионой. Хуана не сводила глаз с Алистера. А тот вместе с Декланом и Колином, кажется, разговаривал о политике. Заскучав, Монце извинилась, хотя ее, по всей видимости, никто и не услышал, и вышла. Ей было необходимо выйти и вдохнуть свежий воздух. Пройдя немного, она столкнулась с Эдель, которая прогуливалась под руку с Агнес и рассказывала той о своих злоключениях.

— Синди, идите сюда, — позвала Эдель. — Это Агнес.

— Приятно с тобой познакомиться, Агнес, — улыбнулась Монце.

— Взаимно.

— Хочешь пройтись с нами? — предложила Эдель, и Монце с радостью согласилась.

Из разговора она узнала, что, девушки, как и Колин, и все остальные служат в замке Элчо. Что Изабелла, мать крошки Мод, умерла в возрасте всего лишь двадцати лет от родовой горячки на следующий день после рождения девочки, и что с тех самых пор герцог Вемисс перестал улыбаться.

— Простите нас, сеньорита Синди, — тихо сказала Агнес, увидев, что Монце открыла рот. — Наверное, мы вас совсем утомили нашими разговорами.

— Конечно, нет, Агнес, и пожалуйста, зови меня просто Синди, — улыбнулась та. — Но я уже два дня глаз не сомкнула, и сейчас коньки отброшу от усталости.

— Отбросишь коньки? — испуганно ахнула Эдель.

Заметив, какими глазами на нее глядят девушки, Монце прикусила язык. Ее фраза была слишком современной, и девушки просто не поняли ее значения.

— Простите меня. Иногда я использую выражения, которые говорят у меня на родине. Я имела в виду, что устала, потому что последние несколько ночей плохо спала.

Теперь, поняв все и успокоившись, подруги сказали:

— Значит, тебе нужно пойти отдохнуть.

С улыбкой на губах Монце кивнула и вернулась в замок, хотя прежде чем войти, оглянулась и увидела, что девушки направились к группке воинов. Оказавшись в темноте, она потерялась. Куда же ей идти? Она добралась до той гостиной, с которой начала свое путешествие. Заглянула внутрь и увидела, что она пуста. Только оранжевые языки пламени без устали пылали в очаге. Поняв, где находится, Монце направилась к лестнице, забыв, что на ней длинная юбка, опустила ногу на ступеньку, наступила на подол, упала и покатила вниз.

— Вот дерьмо! Ну, и тупица же я! — прошептала она, приподнявшись и почувствовав металлический привкус крови на языке.

— Что случилось? — спросил мужской голос.

«О, нет, только этого мне еще не хватало», — подумала она, узнав его.

Разозлившись на саму себя за неуклюжесть, она ловко вскочила и обернулась, чтобы посмотреть на говорящего. Перед ней стоял мужчина, всего лишь несколько часов назад обвинивший ее в попытке ударить его гигантским булыжником по голове. Зная, что он в плохом настроении и не желая с ним спорить, Монце, едва взглянув на него, ответила:

— Не беспокойтесь, сеньор, ничего не случилось.

И, развернувшись, подхватила юбку и продолжила спускаться по лестнице. Но ее остановила сильная рука, и с нежностью проведя по ее губам, герцог произнес:

— Вы разбили себе губы, женщина. Вам необходимо поскорей обработать рану.

Выскользнув из его хватки, Монце, отведя глаза, ответила:

— Я же сказала, не беспокойтесь, сеньор!

И молча продолжила свой путь. Девушка зашла в комнату, где безмятежно спали ее подруги и, прополоскав рот холодной водой, остановила кровотечение. Когда она наконец упала на взбитую перину, то подумала: «Пожалуйста, пожалуйста, пожалуйста, пусть, когда я проснусь, все это окажется лишь дурным сном».

ГЛАВА 16

Той ночью всем трем девушкам приснился один и тот же сон. Они увидели цыганку с ярмарки в Эдинбурге, ту самую шотландку Эрику, которая напомнила им, что они очутились здесь потому что сами того попросили и что домой они попадут лишь в последнюю ночь уходящего года.

— Нет, нет, нет. Этого не может быть! — закричала Монце, открыв глаза и увидев темноту и скромную обстановку комнаты, в которой они находились.

— Закрой рот и не зли меня, потому что у меня слишком болит голова для того чтобы злиться, и нет парацетамола. Ну и ночку мне устроила эта чертова цыганка, — пожаловалась Хулия, сидевшая на маленьком стульчике у окна.

— И тебе тоже? — удивилась Монце.

Хулия кивнула и отчаянно завопила.

— До Рождества! Почти три месяца я не увижу Пепе. Боже, как я ему объясню, что со мной произошло. Он мне точно не поверит и сдаст в лечебницу для умалишенных.

Растрепанная Монце приподнялась на кровати, но когда она собралась встать, длинная юбка запуталась у нее в ногах, и девушка снова упала на пол.

— Что за дерьмо! — рассерженно крикнула она. — Мне нужны штаны и двойной эспрессо.

Встав со стула, Хулия, которая теперь оказалась с ней лицом к лицу, в ужасе завизжала:

— Твою же мать! Что с твоей губой?

— Упала ночью на лестнице, — пожаловалась Монце, трогая припухлость у рта. — И все из-за этой чертовой юбки. Как тебе удастся целый день ходить в ней и ни разу не запнуться?

Проворно развязав удерживающие юбку тесемки, она позволила той упасть на пол, и закричала:

— В жизни больше ее не надену. Лучше буду голой ходить, но не надену *это* ни за что на свете!

— Хорошенькие трусики! — разглядывая ее, усмехнулась Хулия. — Полагаю, что если ты в таком виде выйдешь из этой комнаты, то герцогу, с которым у тебя такие

«замечательные» отношения, несомненно, будет что сказать.

В этот момент дверь спальни открылась, и в комнату зашла сияющая Хуана.

— Девочки, доброе утро!

— Для тебя возможно! — фыркнула Монце.

— Карамба! К чему это ты так приложились, что у тебя теперь губы, как у Анджелины Джоли?

Но увидев выражение ужаса на лице подруги, когда та посмотрела в зеркало, Хуана, стараясь ее успокоить, шепотом продолжила:

— Ну ладно, я немного преувеличила. Кстати, вы знаете, что сегодня ночью мне приснилась эта дурацкая цыганка?

— И тебе тоже? — спросила Монце, и Хуана кивнула.

— Милая, что с тобой произошло?

— Она утверждает, что ночью упала с лестницы, — прошептала Хулия, — но, зная ее, я бы не удивилась, если бы узнала, что она опять с кем-то подралась.

— Мне необходим двойной эспрессо, — пробормотала Монце, осторожно трогая лицо.

— Ай, боже, Синди Кроуфорд, ты случайно не сцепилась с герцогом? — заорала Хуана.

Повернувшись к подругам, Монце убрала волосы с лица и ответила:

— Нет, но не от недостатка желания.

Рано проснувшись из-за сна с цыганкой Хуана, увидев настроение подруги, вздохнула и, сев на одну из шатающихся кроватей, лукаво произнесла:

— Этим утром я гуляла с Алистером...

— Рыжим? — спросила Хулия.

Хуана кивнула и зашептала:

— О, боже, даже его имя звучит прекрасно... Алистер Сазерленд.

Увидев, что обе ее подруги никак не прореагировали, она удивилась:

— Вы что не слышали, что я только что сказала? Его зовут как одного из моих любимых актеров. Представляете, как бы звали наших детей? Сазерленд Хилтон...

Ее подруги изумленно переглянулись. О чем болтает эта ненормальная?

— Боже, что мне приходится выслушивать на мою больную голову, — застонала Хулия.

— Я уже сказала, но теперь мне нужен тройной эспрессо.

А Хуана, прикинувшись глухой, со вздохом сказала:

— Мы с ним поехали на его великолепном коне, и он меня отвез в одно прекрасное место. Там мы поговорили, и, девочки, представляете, он даже не пытался залезть мне под юбку!

— Как предусмотрительно с его стороны, — пошутила Хулия.

— ... и он мне сказал, что на следующей неделе отвезет нас на рынок в Перт, чтобы мы смогли купить что-нибудь из одежды. Как вам наш план?

— Потрясающе! — проворчала Монце, поднимая с пола юбку. — Одежды! А скажи-ка мне, красавица, где мы достанем денег, чтобы купить эту самую одежду? Потому что, насколько я знаю, у нас нет ничего, абсолютно ничего, чтобы заплатить за покупки. И напоминаю тебе, что этот идиот-герцог хочет, чтобы мы поскорее отсюда убрались. Или об этом ты забыла?

— Об этом не беспокойся, я уже все уладила, — кивнула Хуана.

— Это ужасно, мне кажется, что моя головная боль усилилась, — пробормотала Хулия и, с перекошенным лицом глядя на подругу, заорала, — Что ты уладила? Что ты наделала?!

— Хулия, успокойся, пожалуйста, — попросила Монце, которую неизвестно по какой причине разбирал смех. — И как же ты, Пэрис Хилтон и будущая сеньора де Сазерленд, все уладила?

— Я поговорила с Фионой, и она решила дать нам работу. Много мы не заработаем, но этого будет вполне достаточно, чтобы не протянуть ноги.

— Что?! — завизжали Монце и Хулия.

— То, что слышали. Мы убираемся у нее в доме, а она взамен дает нам еврики, чтобы...

— Конечно, только евриков нам и не хватало! — простонала Монце.

— Что ты придираешься, пенни и фунты... Подруга, ты иногда бываешь просто невыносима!

— Ты с ней договорилась только из-за того, что нам нужна работа? — съязвила Хулия, и Хуана рассмеялась.

Но Монце, которая теперь страдала не только от боли в челюсти, зашипела:

— А ты разве не слышала, что этот гребанный герцог сказал мне вчера относительно пребывания здесь? Ты забыла, как она злился, сидя с нами за одним столом?

— Конечно же, я помню.

— И?! — закричала Монце.

Убрав с глаз свои темные волосы, смуглянка спокойно ответила:

— Фионе в ее доме нужна помощь. Этот замок не ее дом. Он принадлежит ее сыну, а она приезжает сюда лишь на время, чтобы он повидался с Мод. Ее дом расположен в нескольких милях отсюда. Это не такой большой замок, как этот, но, судя по тому, что она мне рассказала, и не бедняцкая хижина.

После такого объяснения Монце согласилась и даже к удивлению подруг захлопала в ладоши. Это могло стать неплохим решением их проблем: протянуть здесь до конца года и, главное, держаться подальше от герцога.

ГЛАВА 17

Тяжело, когда не знаешь, чем себя занять. Именно это и произошло с Монце. К несчастью для нее, этим утром, обсудив с подругами возможность перебраться к матери герцога, Хуана снова ушла завоевывать Алистера, а Хулия, едва завидев Фиону, с головой ушла в разговор о растениях. Своем любимом хобби.

С любопытством разглядывая все вокруг, Монце бродила по замку. Не в силах устоять перед искушением она зашла в Большую гостиную и напрямик направилась к портрету герцога. Казалось, что Деклан Кармайкл следит за нею холодным взглядом. Девушка опустила руку в карман юбки и нащупала там смартфон и подвеску. Дрожащими руками она достала украшение и принялась его разглядывать. Оно было точно таким же, как на картине.

— Что же это все означает? — в смятении прошептала она.

Не получив ответа, она продолжила еще некоторое время изучать картину, а потом решила покинуть комнату. Выйдя в сад, она тут же наткнулась на Мод.

— Привет, принцесса, — приветливо поздоровалась она.

— Привет, Синди, поиграешь со мной?

— Во что?

Девочка, грациозно вздернув подбородок, сказала:

— Я играла в куклы.

Усаживаясь рядом с ней на пол, Монце улыбнулась, увидев маленьких куколок и изящные крошечные фарфоровые чашечки, стоящие на подносе. Она довольно долго играла с

девочкой и смешила ее. Мод выглядела прелестно, когда улыбалась, и очень походила на своего отца, хотя тот и был отвратительным типом. Немного позже к ним подошла Хуана и спросила:

— Можно мне с вами?

И все трое вместе наслаждались солнечным, хоть и прохладным сентябрьским утром, пока Колин не предупредил малышку, что ее ищет бабушка. Оставшись одни, Монце и Хуана решили сходить на конюшни.

— Матерь божья, как они прекрасны. Ты заметила ту белую? Как она грациозна и величественна. Это просто чудо.

— Да, дорогая. Жаль, что мы не умеем на них ездить, хотя думаю, что это не так уж и сложно. Легкотня!

Монце рассмеялась:

— Я бы ни за что не согласилась залезть на такого скакуна. Ты видела, какого они все роста?

Подруги еще долго глазели на лошадей, и вдруг с удивлением заметили, что рядом стоят несколько осликов темного окраса. С улыбкой на губах поглядев на подругу, Монце произнесла:

— Эти гораздо меньше. Ну, ты как, готова?

— Ни в коем разе!

Монце приблизилась к одному из животных и, погладив его по носу, прошептала:

— Если ты не сдвинешься с места и позволишь мне на тебя забраться, обещаю, что в следующий раз принесу тебе с кухни чего-нибудь вкусенького.

Осел, едва шевельнувшись, равнодушно взглянул на девушку. Настроенная решительно Монце сначала попыталась забраться на него справа. Ничего не вышло. Потом слева. Еще хуже. Она попросила помощи у Хуаны, и та ей помогла. Но подтолкнула так сильно, что Монце перелетела через осла и неуклюже грохнулась на землю с другой стороны. Умирающих от хохота подруг посреди грандиозного бардака, обнаружила Агнес, одна из служанок.

— Что с вами произошло? — спросила она.

Монце, у которой от смеха над абсурдностью ситуации уже болел живот, поднялась и, стряхнув с волос соломинки, глядя на девушку, ответила:

— Ай, Агнес, представляешь, смех, да и только, я пыталась забраться на осла, но так как никогда раньше этого не делала, у меня ничего не вышло. Поэтому с лошадью я даже не буду пытаться, чтобы не свернуть себе шею.

— Да она как слон в посудной лавке, — все еще смеясь, пошутила Хуана.

Агнес удивленно посмотрела на них. Они никогда не сидели на лошади, ни даже на осле? Но она очень торопилась и поэтому сказала:

— Пойдемте на кухню, поможете нам с готовкой.

Зашуршав юбками, девушки кивнули и со смехом и шутками отправились за служанкой. Зайдя на кухню, Монце спросила:

— А что у нас сегодня на обед?

— Курица в соусе из ароматных трав, — ответила Эдель, которая как раз в этот момент заходила, держа в руке пучок свежей зелени.

— Хм, как вкусно! — облизнувшись, воскликнула Хуана. — Посмотрим, может, однажды я приготовлю вам один соус, который варят у меня на родине. Он называется

«Мохо пикон».

— «Мохо пикон»? — удивленно спросила Эдель.

— Да, — улыбнулась Хуана. — Это такой канарский соус, который мы добавляем к множеству местных блюд, но особенно хорош он с картофелем в мундире. О нем даже сложили песню...

И без промедления Монце и Хуана затянули песню, под которую и принялись плясать, а две бедные девушки смотрели на них, как на сумасшедших.

Мохо пикон... мохо пикон

вкусный канарский соус зовется

мохо пикон...

Десять минут спустя, после того как в итоге подруги заставили двух умирающих от хохота служанок танцевать вместе с ними, развеселившаяся Агнес спросила:

— Ну, так как вы относитесь к курице?

— Замечательно! — кивнула Монце. — Чем мы можем помочь?

— Идите за мной.

С улыбками на лицах все четыре девушки, захватив корзину, отправились на птичник, Агнес открыла дверь курятника и, абсолютно шокировав гостей, велела:

— Поймайте трех куриц, отрубите им головы, а когда ощиплете, отнесите их на кухню.

— Что?! — в один голос закричали подруги.

— Поймайте трех куриц, а когда обработаете их, отнесите на кухню, мы их приготовим.

Девушки переглянулись. Как они собираются убивать трех бедненьких курочек?

— Я ни за что на свете никому не буду рубить головы, — прошептала Монце по-испански Хуане.

— Ай, подруга, я тоже не смогу этого сделать, — ответила смуглянка, разглядывая птиц.

Заметив, что в курятнике девушки оцепенели, Агнес и Эдель, обменявшись взглядами, поинтересовались:

— Что случилось?

Растерянно и расстроено глядя на них, Монце объяснила:

— Я... я не могу отрубить голову курице. Бедняжка! Я никогда этого не делала и не чувствую в себе для этого достаточно ни моральных, ни душевных сил. Более того, если я это сделаю, то до конца жизни не смогу спать спокойно.

— Бедные птички. Неужели вам их не жалко? — чуть не плача, прошептала Хуана.

Усмехнувшись, Агнес проворно схватила курицу и под изумленными взглядами не успевших опомниться испанок одним ударом отрубила ей голову. Крик ужаса, который те испустили, не мог не произвести впечатления и на Агнес, и на Эдель.

— Ай, боже мой, что она наделала, — заорала Монце.

— Я не могу... не хочу на это смотреть! — в ужасе воскликнула Хуана.

— Кажется... кажется, меня сейчас стошнит, — прошептала Монце, прислонившись к стене курятника.

От вида этой бедной божьей твари, еще совсем недавно весело скакавшей по двору, а теперь безвольно свисающей с рук служанки, у них выворачивало желудки. Агнес и Эдель не могли поверить собственным ушам, и первая, положив курицу в корзину, спросила:

— Синди, ты же говорила, что тебе нравится курица?

— Да, нравится. Но я...

— Я не понимаю. Вы не умеете забираться на лошадь, и даже на осла, не можете забить

курицу. Откуда, вы говорите, приехали? — поинтересовалась Агнес.

— Из Испании.

— А в Испании не водятся куры?

— Водятся, но я никогда их не брала прямо из курятника, — тихо ответила Монце.

— Где же ты их брала? — задала вопрос Эдель, вспоминая странный разговор, состоявшийся у них в тот день, когда они познакомились.

— В супермаркете, — ответила Хуана.

— В супермаркете?! — в один голос повторили девушки.

— Да... ну это такой рынок, — пояснила Монце. — Там мы, как вы здесь, покупаем все необходимое.

Увидев, как на них смотрят девушки, и, догадавшись, что они ничего не поняли, Хуана, как смогла, объяснила:

— Знаю, что это звучит странно, я готовлю курицу, когда она уже мертва и ощипана. Мне остается ее только разделать.

С каждым словом Эдель и Агнес понимали все меньше. Откуда взялись эти женщины?

— Ай, боже, — подойдя к ним, пожаловалась Монце. — Вижу, что вам ничего не понятно, но мы и правда в жизни не убили ни одной курицы, ни любого другого животного. Понимаю, что это звучит странно, но это чистая правда.

— Значит... вы из королевского рода? — удивленно выпалила Агнес.

— Нет! — воскликнула Монце, осознавая, как трудно объяснить то, что с ними произошло и при этом не прослыть сумасшедшими.

— Нет... нет, совсем нет, дорогая, — замотала головой смуглянка. — Мы такие же простые девушки, как и вы, но куры, как и любые другие животные, попадают к нам в руки уже мертвыми. У нас существуют люди, которые их убивают, а потом отправляют нам. Теперь вы поняли?

— Ты продолжаешь утверждать эту чушь, что вы прибыли из две тысячи десятого года, — рассмеялась Эдель.

Монце и Хуана переглянулись. Ну что им сказать? Но прежде чем они успели вымолвить и слово, девушки пожали плечами, и в конце концов чтобы сменить тему Монце добавила:

— Мы хорошо умеем убираться и наводить чистоту. Там, откуда мы, мы отвечаем за уборку. Давайте, мы займемся порядком, а вы будете готовить. Как вам такая идея?

— Какая замечательная мысль! — захлопала в ладоши Хуана.

Но после двух с лишним часов, проведенных на коленях с тряпкой и мылом в руках, замечательная идея перестала быть таковой.

— Ай, боже, я уже ног не чувствую! — садясь на пол, пожаловалась Монце. — И вдобавок у меня отвалились три накладных ногтя.

— «Мы хорошо умеем убираться... мы хорошо умеем убираться», — передразнила Хуана. — Как тебе в голову пришло такое сказать? Я ненавижу убираться.

— Предпочитаешь рубить головы курам?

— Нет.

— Значит, прекрати жаловаться и продолжай работу.

В этот момент одна из дверей открылась, и в нее вошел Деклан Кармайкл, который, увидев распластанных на полу девушек, поинтересовался:

— Вы тут моете или чешете языками?

— Еще одно слово, и я его убью, — завидев его, прошептала Монце.

Но оглянувшись, прикусила язык. Если она ему ответит, ничего хорошего из этого точно не выйдет.

Вот только Деклан что-то услышал и, подойдя к этой бесстыжей брюнетке, уверенный в собственном превосходстве, спросил:

— Мне кажется, вы что-то сказали. Повторите!

Хуана украдкой поглядела на Монце и показала, чтобы та заткнулась.

— Я же сказал вам, что не хочу видеть вас на своих землях, а уже тем более смотреть, как вы болтаетесь без дела и сплетничаете в моем собственном доме. Или вы забыли?

Это было сказано таким отвратительным тоном, что переполнило чашу терпения Монце. Она вскочила с колен и встала перед герцогом лицом к лицу.

— Конечно, мы помним, *сеньор*. Как тут забыть?

— Вы продолжаете все так же дерзко себя вести? — произнес он, одновременно разглядывая на ее лице следы ночного падения.

— Нет, *сеньор*. Я всего лишь вам отвечаю.

В течение нескольких секунд они безотрывно смотрели друг другу в глаза, и у Монце почти остановилось сердце. Этот мужчина не был самым красивым из тех, что она видела в своей жизни, но он был настолько привлекателен и от него исходила такая харизма, что она почти потеряла сознание. Почувствовав ее откровенный взгляд, Деклан смущенно взглянул на нее. Эта женщина в старом платье, с ужасными манерами чем-то его неотвратимо влекла. Сила ее взгляда приводила его в замешательство. Впившись взглядом в ее губы и увидев рану, полученную от ночного падения, он заговорил с ней более мягким голосом:

— Болит?

Разгоряченная (и не только спором) Монце, поднесла пальцы к губам и помотала головой.

— Впредь вам следует быть более осторожной.

— Я буду, — смущенная таким бархатным голосом, прошептала она.

— А теперь возвращайтесь к работе, — и, вновь становясь серьезным, резким голосом указал, — раз уж вы все еще здесь, и я даю вам кров и пищу, делайте ее хорошо.

Будто очнувшись от короткого, но яркого сна, Монце подняла глаза и рыкнула:

— Как умеем, так и делаем. Вы разве не видите?

Герцог опустил взгляд на пол и, пожав плечами, пробормотал:

— Если бы вы больше практиковались, у вас бы лучше получалось.

— Он что, дурак? А не пошел бы он на... Я сейчас ему все выскажу, и будь, что будет, — фыркнула Монце по-испански.

— Что вы сказали? — спросил Деклан, злясь, что не может понять, о чем она говорит.

Хуана, прекрасно понимая, что из этого может выйти, если она не остановит свою подругу, поднялась и ответила:

— Извините, *сеньор*, Синди сказала, что мы будем стараться сильнее.

Деклан выслушал ее, но не поверил. Достаточно было увидеть лицо этой бесстыжей, чтобы понять, что она сказала что угодно, только не это. Поэтому он взглянул на нее и ледяным голосом прошипел:

— Будьте осторожны с тем, что говорите, или ваше поведение не останется безнаказанным. Вы меня слышали?

— Да, *сеньор*, — ответила Монце, с остервенением натирая пол.

— Сеньор, что касается нашего отъезда, продолжила смуглянка, — не беспокойтесь. Мы сделаем это в самое ближайшее время, как только ваша матушка возвратится в свой замок.

— Моя мать? А какое она имеет к этому отношение?

— Она предложила там нам работу, — сквозь зубы произнесла Монце, сдерживая желание пройтись грязной тряпкой герцогу по лицу.

Услышав такие новости, Деклан кивнул и, затоптав только что вымытый пол, широким шагом, не говоря больше ни слова, удалился из гостиной.

— Да он... да он... да я бы ему показала, как... он бы у меня получил... — поднимаясь, возмутилась Монце.

Снова склонившись над полом, Хуана вздохнула. Она опустила тряпку в ведро с водой и, отжав ее, взглянула на подругу, которая продолжала стоять, воинственно сжав кулаки.

— Давай споем «Мохо пикон»! — сказала, смуглянка.

Монце повернулась к ней и улыбнулась.

ГЛАВА 18

За прошедшую неделю губы Монце вернулись в нормальное состояние. И все это время она постоянно то там, то тут сталкивалась с герцогом. Казалось, будто их магнитом тянет друг к другу, и их обоих это раздражало. Порой утром Деклан наблюдал за странной гостьей из окна, когда она выходила через заднюю дверь и начинала делать странные движения руками и ногами. А однажды с изумлением увидел, как она крутит какую-то палку. Ее движения были похожи на те, что он иногда проделывал со шпагой, и ему это понравилось. Кажется, эта девушка знала, как за себя постоять.

В один из таких дней Монце решила выйти на утреннюю пробежку. Чтобы прийти в себя и снять стресс, ей необходимо было нечто большее, чем рассекать кулаками воздух. Осторожно, чтобы не разбудить подруг, она вышла из комнаты, и, оказавшись за стенами замка, вздохнула. Небо было окрашено в бронзовый цвет, и это был самый красивый рассвет, который она видела в своей жизни. Так она шла, пока не дошла до тропинки, но, увидев раскинувшийся перед нею густой лес, не задумываясь, решила в него углубиться.

Монце принялась бежать, но быстро поняла, что в таких длинных юбках делать это неудобно. Однако, твердо решив придерживаться своего плана, она подоткнула их за пояс так, что теперь они заканчивались у колена, и со счастливой улыбкой снова начала бег.

Ее лицо и волосы постепенно покрывались потом, но ей было все равно. Голова была свободна, и в ней крутилась только одна мысль: вперед, вперед, вперед. Так прошло больше часа, когда Монце услышала стук копыт, приближающейся к ней лошади. От усталости она остановилась и с упавшей к ногам от удивления челюстью встретила с встревоженным лицом герцога, который, увидев ее бегущей, вообразил, что с ней что-то случилось.

— Что произошло? За вами кто-то гонится? — спросил он, слезая с коня со шпагой в руке.

Монце подняла руку, прося дать ей отдышаться, и, выровняв дыхание, ответила:

— Ничего со мной не случилось. Почему вы так решили?

— Вы бежали, а люди никогда не бегают просто так.

Раскрасневшаяся и истекающая потом девушка убрала прилипшие к лицу волосы и с улыбкой ответила:

— Мне жаль вас разочаровывать, но я бегу, потому что мне так хочется.

Итак, перед ней стоял Деклан Кармайкл, одетый, в отличие от предыдущих дней, в

коричневые кожаные штаны, сапоги и распахнутую на груди кремовую рубашку. Он был красивым и непринужденным. Распущенные, спутанные от ветра волосы придавали ему мужественности и сексуальности.

«Бога ради, Монце, о чем ты думаешь?», — одернула себя девушка, когда вдруг услышала:

— Хочется?

— Да. Мне захотелось пробежаться, чтобы ненадолго отвлечься. Я частенько так делаю, поэтому если снова увидите, как я бегаю, не волнуйтесь.

Услыхав такой ответ, Деклан растерянно засунул шпагу в ножны, вернулся к лошади и, достав какую-то бутылку, предложил девушке.

— Не хотите немного воды?

— Уф... Если честно, это было бы круто.

— Круто?! Что вы хотите этим сказать?

Монце улыбнулась. На это у нее мог уйти целый день. Поэтому, взяв бутылку, она ответила:

— «Круто» означает хорошо, здорово. Понимаете?

Мужчина кивнул, и она сделала маленький глоток, потом еще один, и наконец отхлебнула большой глоток, пока герцог сосредоточился на ее ногах. Почему у нее задрана юбка? Закрыв бутылку, Монце протянула ее обратно и, проследив за направлением его взгляда, прошептала:

— Обычно я занимаюсь футингом в...

— Футингом?!

Прикрыв рот ладонью, чтобы не засмеяться над его растерянным видом, она ответила:

— Футинг — это оздоровительный бег. Обычно я бегаю в штанах, но так как здесь у меня их нет, и меня никто не видит, я решила закрепить юбку повыше, чтобы не споткнуться и не упасть. Но не переживайте, сеньор, сейчас я ее опущу.

— Никогда не слышал ничего подобного, — с улыбкой удивился он.

Монце поразились, увидев его таким непринужденным, и весело сказала:

— Рада узнать, что вы умеете улыбаться, сеньор.

— Почему вы так говорите?

— Потому что я впервые вижу, как вы это делаете.

Деклан промолчал. Он просто повернулся и положил бутылку обратно в свою сумку.

— Э-э-э, ладно... Думаю, мне пора возвращаться, — сообщила Монце. — Уверена, что меня ждет захватывающий день, посвященный мытью окон, пола или еще чего-нибудь такого.

Эти слова заставили его вновь улыбнуться, и герцог ровным голосом предложил:

— Вас подвезти обратно в Элчо?

Удивившись его любезности и такому предложению, Монце посмотрела на него, но вместо того чтобы ответить, спросила:

— На вашей лошади?

— Да, а что?

Монце подняла глаза и уставилась на возвышавшегося перед ней огромного чистокровного жеребца, нервно и угрожающе переступающего с ноги на ногу.

— Э-э-э... нет. Лучше не надо.

— Почему? — удивившись ответу, поинтересовался Деклан.

— Потому... потому что это не очень хорошая идея.

— Почему вы не хотите, чтобы я вас отвез? Отсюда довольно долго идти пешком до Элчо, а по вам заметно, что вы устали.

На самом деле она умирала от усталости. Но ехать с ним верхом была плохая идея. Решившись на откровенность, Монце посмотрела в глаза герцогу и пробормотала:

— Хоть вы мне и не поверите, и мне стыдно признаться в том, что я собираюсь сказать, я боюсь лошадей, потому что не умею на них кататься.

У Деклана это признание вызвало улыбку. Как это такая женщина, как она, с таким характером и силой могла бояться лошадей, а уж тем более, не умела на них ездить?! Не произнеся больше ни слова, он повернулся, одним легким прыжком запрыгнул на спину своего темного скакуна и, протянув ей руку, сказал:

— Дайте мне руку и залезайте.

— Нет.

Получив такой прямой отпор, он нахмурил брови, и повторил:

— Не будьте ребенком и дайте мне руку.

— Послушайте, не обижайтесь, но я предпочитаю идти пешком.

— Хотите убежать от меня и моего коня? — неожиданно пошутил он.

Развернувшись и с вызовом посмотрев на него, девушка со злостью бросила:

— Нет, *сеньор*, я не убегаю. Я просто сообщаю вам, что не хочу ехать верхом и точка.

Но не успела она сделать и шагу, как он наклонился, легко, как перышко, подхватил ее и посадил перед собой.

— Ой! — закричала Монце, почувствовав под собой животное. — Я сейчас упаду!

— Спокойно. Не упадете, я вам этого не позволю.

— Вы не можете этого знать. Несчастные случаи происходят по...

— Успокойтесь, — шепнул он ей на ухо.

— Неееее могууууу! — завизжала девушка, отчаянно хватаясь за герцога.

— Ай! — пожаловался тот на боль. — Вы мне сейчас из ноги кусок мяса вырвете.

Мужчина был прав.

Схватившись за него, Монце пальцами вцепилась в его правое бедро и теперь, с силой выкручивая их, пыталась вырвать из него часть плоти. Придя в ужас, она его отпустила и, заметив как с его лица сошла маска боли, прошептала:

— Извините... я не хотела.

Деклан промолчал, а ограничился лишь тем, что с силой сжал ее в объятиях и одним движением ноги перевел коня на шаг.

— Она движется... движется... это двииииижется.

— Естественно, я ему приказал, и он пошел, — улыбнулся Деклан.

— Но... но за что мне держаться?

— Я вас держу.

— Ради бога, умоляю вас, не отпускайте меня! — в истерике завизжала она, снова заставив его улыбнуться.

Так несколько миль он с интересом наблюдал за тем, как она машет руками. Наконец герцог решил попытаться отвлечь девушку, чтобы она перестала обращать внимания, где находится, и спросил:

— Так как, вы говорили, вас зовут?

— Синди... Синди Кроуфорд, сеньор, — находясь на грани сердечного приступа,

прошептала Монце.

— А чем вы тут периодически занимаетесь по утрам?

Заметно занервничав, когда конь перешел на рысь, девушка спросила:

— О чем это вы?

— Иногда по утрам я видел, как вы делали какие-то странные движения руками и ногами, как будто с кем-то деретесь.

— Это называется «карате».

— Карате? — удивленно повторил он.

— Карате — это такое боевое искусство.

Ничего не поняв из того, что она только что сказала, но заметив, что она перестала дрожать, горец снова поинтересовался:

— А когда вы вертите в руках палку это тоже карате?

— Вы имеете в виду бо?

— Бо?! — повторил он.

— Да, бо. Так называется палка, которую обычно используют, чтобы заниматься... — но, переключившись на лошадиный аллюр, Монце опять прошептала:

— Боже, я сейчас упаду!

Герцог улыбнулся и, крепко схватив ее, заметил:

— Почему бы вам не перестать смотреть на землю и, наконец не посмотреть вокруг. Тут очень красиво, не правда ли?

— Нет. Не знаю... я ничего не вижу...

Деклан наслаждался ее нервозностью, ее взволнованным голосом, изяществом ее жестов, и тогда он, попытавшись смягчить тон, прошептал:

— Конечно, видите. Вам только необходимо расслабиться и довериться мне. Уверяю вас, что мы с моим конем оба настоящие джентльмены, хоть и не родственники.

Это отвлекло внимание Монце. Неужели этот мужчина улыбнулся и пошутил, и все это в один и тот же день? Ухватившись за гриву коня, она обернулась, чтобы что-то сказать, но забыв, что скачет верхом, подпрыгнула и сильно ударила герцога по голове. Почувствовав удар, тот убрал с ее талии руку и пощупал нос.

— Ах! Я падаю! — закричала девушка, и он быстро снова схватил ее.

Почувствовав себя в безопасности, она осторожно повернулась к нему и простонала:

— Ой, господи, ты, боже мой! Я вас больно ударила?

— Не беспокойтесь, это мелочь.

Но убежденная в обратном Монце дотронулась ладонями до его лица и, повернув его к себе, произнесла:

— Пойдите... ну пойдите же, я вам говорю. Дайте мне посмотреть.

Не шевельнувшись, Деклан позволил, этой незнакомке, абсолютно чужому для него человеку, прикоснуться к его лицу. Вот уже много лет у него не было ни с кем подобной близости, за исключением проституток, к которым он изредка обращался, чтобы удовлетворить свои естественные потребности. Хотя их прикосновения не имели ничего общего с тем, как встревоженно эта женщина осматривала его лицо и прикасалась к нему своими нежными, очень нежными руками.

— Ну, вроде бы шнобель в порядке, — облегченно выдохнула она.

— Шнобель?! — кивнул удивленно он, радуясь этой близости.

— Нос, сеньор, нос.

Они на несколько секунд замолчали, пока она не поинтересовалась:

— Как зовут вашего коня?

— Кросс.

— А сколько ему лет?

— Весной исполнится пять.

Всю оставшуюся дорогу Деклан рассказывал Монце о своих лошадях, и хотя она ничегошеньки не понимала из того, о чем он говорил, но наслаждалась этим разговором и тем, что он рядом. Сейчас он смеялся и шутил, и казалось странным, что это был тот же самый человек, который в замке постоянно одаривал ее лишь неодобрительными взглядами. Поэтому, когда впереди показался замок Элчо, Монце загрустила. Она понимала, что эта случайная встреча была лишь исключением, и маловероятно, что она когда-нибудь повторится. Подъехав к конюшне, герцог осторожно слез с лошади, а потом протянул руки девушке, чтобы помочь ей спуститься.

— Спокойно, сеньорита Кроуфорд, верьте мне.

Почувствовав под собой землю и радуясь тому, что не выбила по дороге все зубы, Монце похлопала коня по спине.

— Вам нужно научиться ездить верхом, — сказал он.

— Мне?! Нет... нет. Нет такой необходимости.

— Нет такой необходимости? — с удивлением повторил он.

— Нет.

— Если вы хотите, я мог бы вас научить.

— Покорнейше благодарю, но нет. Уверена, что когда я отсюда уеду, мне это больше не понадобится, — сказала она, подумав об удобствах, доступных в двадцать первом веке.

Но, заметив, как на нее посмотрели, подытожила:

— Я действительно вам очень благодарна, сеньор Кармайкл, но нет. Огромное вам спасибо за прогулку. Было приятно с вами прокатиться.

Он ничего не ответил, а ограничился лишь кивком головы, а после она ушла.

ГЛАВА 19

Но перемирие между ними после этой случайной встречи длилось совсем не долго. В тот же день после обеда, когда Монце шла, чтобы развесить постиранное белье, она наткнулась на маленького беспородного щенка. Пожалев малыша, она его подобрала, решив подарить малютке Мод. Девочка была слишком одинока, и такой маленький дружок пришелся бы вполне кстати. Увидев его, девочка обрадовалась и запрыгала от счастья. Она сразу же назвала его Фицем. Но радость быстро испарилась, когда в гостиную зашел ее отец и увидел ее играющей с этим крошечным существом. Откуда взялось это животное? Выйдя из себя и позабыв о какой-либо сдержанности, он орал на малышку, требуя убрать щенка из замка. Чуть не плача, девочка умоляла его оставить собаку, но герцог был непреклонен. Проходя мимо по коридору и услышав знакомые голоса, а в особенности плач девочки, Монце не раздумывая вошла в гостиную и встала лицом к лицу с мужчиной.

— Эй, послушайте, не надо так. Разве вы не видите, как плохо Мод? Не будьте таким жестоким, ради бога, она же ваша дочь!

— Сделайте одолжение, не вмешивайтесь, иначе, обещаю, у вас появится здесь много проблем, — глядя на нее нахмутив брови, бросил Деклан.

— А я вам обещаю, — язвительно ответила она, — что если вы продолжите подобным образом разговаривать с дочерью то, когда она вырастет, вы останетесь один, как перст. Да

как вы смеете на нее так орать? Разве вы не видите, что она еще ребенок и ей нужна ласка?

Герцог ледяным взглядом вперился в малютку Мод, которая пряталась за юбками этой сумасшедшей, которая посмела ему противостоять, и прошептал:

— Кто вы такая, чтобы указывать мне, как я должен разговаривать с дочерью? Да кем вы себя возомнили?

— В отличие от вас, сеньор, я никем себя не возомнила. И спорю с вами, потому что знаю, о чем говорю. Мой отец был... был... — но, понимая, что ей совершенно не хочется об этом откровенничать, пробормотала: — Мод прекрасная девочка, которой только необходима ласка, понимание и любовь, а вы, когда говорите с ней подобным образом, во всем этом ей отказываете.

— Мод, немедленно убери отсюда это животное, — завопил герцог.

Со щенком на руках и с заплаканным лицом Мод, заметив, что взрослые замолчали, тихо сказала:

— Отец, пожалуйста, позвольте мне оставить Фица. Я совсем одна, а с ним мне будет весело, я буду с ним играть. И еще, начинает холодать, а он еще слишком маленький, на улице он не выживет.

— Я же сказал нет, Мод. Я не желаю никаких животных в замке.

И, заметив, что у девочки появились на глазах слезы, добавил:

— Он может остаться снаружи, во дворе, но внутри я его видеть не хочу.

— Но... на улице идет дождь, и я не смогу с ним играть.

— Играй с куклами, они для этого и предназначены, — без малейшей жалости ответил герцог.

— У вас потрясающее чувство такта, — язвительно проворчала Монце, не веря собственным ушам. — Вы, что, не видите, что ей нужна компания? Вы слепой? Мод даже зовет вас «отец»! Не «папа» или «папочка»... О, господи... Какое невероятное равнодушие!

— Не вмешивайтесь туда, куда вас не просят, — прорычал в конец разозленный герцог.

— Но кто-то же должен защищать права вашей дочери. Кто-то же должен вам сказать, чтобы вы сделали, наконец, милость и поняли, что Мод прекрасная девочка, которой нужна дружба и ласка, и что вы ее чертов отец.

С каждым словом Монце Деклан все больше приходил в ярость и лишь диву давался, какой у этой женщины длинный язык. Затем он подошел к ней и угрожающе зашипел прямо в лицо:

— Вон отсюда, или клянусь вам, что...

— Или вы что?

Решив преподать девушке хороший урок, Деклан под испуганным взглядом крошки Мод грубо схватил Монце за руку, но в это мгновение до него донеслось:

— Деклан, отпусти ее ради бога.

Фиона, мать герцога, встревоженная доносившимися из гостиной голосами, увидев плачущую Мод со щенком на руках, грозно поинтересовалась:

— Сын мой, что ты собираешься сделать?

Тот в ярости сердито отпустил девушку, которая, не теряя самообладания, повернулась к девочке. Взяв ее на руки, она прошептал:

— Я заберу Мод на кухню. Уверена, что вкусное печенье вернет на ее лицо улыбку.

Когда они вышли из комнаты, взбешенный Деклан посмотрел на мать и прокричал:

— Я требую, чтобы эта проклятая, назойливая баба убралась с моей земли, или я за себя

не отвечаю!

— Эта, как ты выражаешься, проклятая баба, единственная, кто заставила тебя обратить внимание на свою дочь.

— Никто ее об этом не просил.

— Знаю, но она первая осмелилась бросить тебе вызов, видя, как ты несправедлив по отношению к малышке.

Он взглянул на нее.

— Все эти годы мы молча наблюдали за тем, как ты замыкался в себе и едва смотрел на ребенка. Ты считаешь нормальным, что Мод гораздо дольше живет у меня, чем здесь с тобой, хотя ты ее отец? Ты никогда не задумывался над тем, почему она тебя боится? Ты хоть раз сказал ей, что любишь ее? Какая она красивая? Или хотя бы просто выполнил какое-нибудь ее желание?

— Мама, не думаю, что...

Но Фиона твердо решила раскрыть сыну глаза, даже сознавая, что это еще больше его разозлит, и поэтому стояла на своем:

— К несчастью, Элизабет умерла. Я вижу, что тебе все еще больно, но ты когда-нибудь задумывался, какой была бы сейчас жизнь Мод, если бы ее мать все еще была жива? Считаешь, Элизабет бы понравилось, если бы она увидела, что ты творишь с ребенком?

Герцог молчал.

— Деклан, ты еще молод, тебе всего тридцать один год, и ты должен постараться обрести новое счастье.

— Ради чего? — ответил он. — Чтобы опять, когда все начнет налаживаться, проклятье Кармайклов все уничтожило. Нет, мама, нет. Я больше не хочу винить себя за смерть еще какой-либо женщины.

— Но, Деклан, у меня на примете...

— Если ты имеешь в виду Роуз О'Каллахан, забудь. Эта капризная зануда скорее станет головной болью, чем новым счастьем.

— Но, посмотри, если она тебе даже не нравится, может, тогда проклятье не подействует?

— Ради всего святого, мама, что вы пытаетесь мне сказать?

И тогда, решительно сев на стул рядом с камином, Фиона слегка улыбнулась сыну и тихо проговорила:

— Сынок, ты прав. Роуз невыносима. Но давай будем оптимистами, она может родить тебе наследника и...

— И довольно, мама. Я не желаю продолжать этот разговор.

Произнеся это, герцог Вемисс вышел из гостиной, оставив свою мать в горьких раздумьях о том, какое одинокое и несчастное будущее ожидает ее сына.

ГЛАВА 20

Этот день Монце провела с девочкой. Благодаря ей на лицо Мод снова вернулась улыбка, затем она научила малышку играть в крестики-нолики, рисовать мелом на полу и прыгать в «классики», а когда пришла ночь, и настала пора отправляться в постель, пообещала, что Фиц не будет спать на улице, а останется с ней. Когда Мод ушла, и Монце осталась со щенком одна, тот от избытка переживаний мгновенно заснул у нее на руках. Девушка ласково посмотрела на него и поцеловала в маленький лобик. Только она собралась зайти на кухню, как услышав голос герцога, разговаривающего с Агнес, в страхе убежала. У

нее не было ни малейшего сомнения, что тот пришел туда только чтобы к чему-нибудь придраться, а ей этого совсем не хотелось. Поэтому она направилась к конюшне; немного тишины и покоя в окружении животных ей бы совсем не помешали.

Понаблюдав какое-то время за маленькими осликами и их очаровательными мордочками, Монце наконец села. И тут до нее донесся голос Хуаны.

— Что ты здесь делаешь одна?

— Осликотерапия.

— Какая хорошая идея! Запатентуй ее, когда вернемся в двадцать первый век, — рассмеялась девушка, поглядев на животных.

Подруги еще немного весело поболтали, и тут Хуана прошептала:

— У меня проблема.

— Какая?

Тяжело вздохнув, смуглянка посмотрела на нее и ответила:

— У меня начались месячные. Как это не вовремя!

— А что тут такого?

— Потому что я попросила у Эдель, что-нибудь в качестве прокладки и...

Увидев выражение лица подруги, Монце улыбнулась и прошептала:

— Боже! Но женщины в этом веке должны были чем-то пользоваться.

— Ну да! Чем-то. Эдель мне дала целую простыню и...

Умирая от смеха, Монце подтрунивала над подругой:

— Неужели у них нет ни ультратонких прокладок с крылышками, ни тампонов.

Расхохотавшись, Хуана толкнула ее локтем и прошептала:

— Нет, подруга, нет. Мне выдали какую-то свернутую простыню, и теперь я хожу в раскоряку, как ковбой с Дикого Запада.

Тут Монце прыснула от смеха, а Хуана тем временем продолжала:

— Зачем они их делают такими огромными. Это же ужас, как неудобно!

Они еще поболтали, смеясь, вспоминая всякие неловкие и неожиданные ситуации, в которые здесь попадали, пока Хуана, посмотрев на подругу, не спросила:

— Ну что, твое раздражение на шее прошло?

— Да, немного. Но, клянусь, что я не переношу этого мужчину, он выводит меня из себя. Я его не перевариваю. Пусть мне больше не придется с ним пересекаться, а то иначе, боюсь, я его убью! Жду не дождусь, когда мы отсюда уберемся, и он не будет маячить у меня перед глазами!

— Ай, девочка моя, какая же ты упертая.

— Упертая?

— Да... Когда тебе что-нибудь втемяшится в голову, потом это нипочем не выбить.

— Ты меня, конечно, извини, красавица. Но должна тебе напомнить, что это он вел себя грубо, резко и перешел всякие границы. Он, а не я!

— Ну... Это ты так считаешь, а, может, он полагает, что все наоборот. В конце концов, это ты вмешиваешься в его жизнь, а не он в твою.

Изумившись подобной отповеди, Монце посмотрела на нее и тихо сказала:

— О чем ты говоришь? Этот грубиян разговаривал с Мод так, как она совсем не заслуживала и...

— А ты, не спросив у него разрешения, подарила девочке щенка, даже не поинтересовавшись, понравится ему это или нет. Извини, деточка, но думаю, что это ты

бесцеремонно влезла в его дела. Это его дом, а не твой. Если тебе тут хочется что-то поменять, первым делом ты должна спросить, а не заниматься самоуправством. И если уж тебя поставили на место, не надо злиться и закатывать скандал.

— Ушам своим не верю. Ты на стороне этого зануды с вечно кислым лицом?

— На этот раз да. Мне многое в нем не нравится, но в этом случае я должна тебе сказать, что он прав. Повторяю: это его дом, его дочь и его решение, а ты сама все решила, даже не поставив его в известность.

Такие речи разозлили Монце, и она собиралась было что-то возразить, но промолчала. В глубине души, нравилось ей это или нет, она понимала, что это справедливо; поэтому, тяжело вздохнув, девушка произнесла:

— Ладно. Согласна... ты права. Но все равно я считаю, что он не должен был так на это реагировать, и кроме того, я...

В это мгновение до них донесся свист, Хуана встала, и быстро поцеловав Монце в щеку, сказала:

— Пожалуйста, прости, что приходится бросить тебя в самый разгар этого разговора, но меня зовут. Это Алистер, ну знаешь, этот великолепный мужской экземпляр, и мне безумно хочется снова с ним встретиться.

— Тогда поторопись... беги и хорошо проведи время, — сказала Монце, с любопытством глядя на нее.

Оставшись одна, она посидела еще минут пять в обществе осликов со щенком на руках, поднялась, крепко прижала кроху, согревая собственным телом, и, возвращаясь в замок, предупредила:

— Фиц, если ты вдруг сделаешь свои дела мне на кровать, завтра я надену на тебя гигиеническую прокладку, пусть даже без крылышек.

ГЛАВА 21

С момента той неприятной ссоры Монце больше не ела в большой столовой. Она отказывалась. Ей не хотелось видеть то досадливое выражение, которое появлялось на лице герцога, каждый раз, когда он на нее смотрел, не ведая о том, какое неосознанное удовольствие доставляло ему это созерцание. Так прошла неделя, и Монце заговорила об этом с Фионой.

— Мне действительно жаль по поводу щенка, но клянусь, что как только я его увидела, сразу подумала о Мод и о том, как она обрадуется, — сидя в большой гостиной, извинялась она.

— Не переживай, — кивнула женщина. — Мой сын — мужчина с крутым нравом, и иногда этот нрав заставляет его вести себя невежливо.

— Если бы это была просто невежливость, — фыркнула Монце и улыбнулась герцогине. — Фиона, я вам обещаю, что попридержу язык, потому что иначе...

Женщина с любопытством посмотрела на сидящую перед ней девушку. Ее манера говорить без обиняков, много при этом жестикулируя, была весьма необычна, но герцогине это нравилось. Более того, малышка Мод никогда в жизни так весело не смеялась — даже со слугами — как в присутствии этой девушки. Несомненно, она со своим безрассудным поведением принесла радость в жизнь ее внучки, да и всего замка, но не в жизнь ее сына.

— Я тебе еще раз повторяю, Синди, не переживай, и раз уж мы тут совсем одни, позволь мне поблагодарить тебя за то, как ты изменила жизнь Мод.

Вспомнив о девочке, Монце улыбнулась и, изящным жестом убрав назад волосы,

сказала:

— Мод — потрясающий ребенок. Мне так нравится ее живость, нравится, как она радуется, когда узнает что-то новое или когда чему-то удивляется. Видеть, как улыбаются эти голубые глазки... Обожаю! Хотя и не могу сказать того же самого о вашем сыне. Фиона, только между нами, иногда кажется, что он жаждет задушить меня и бросить на корм свиньям.

— Ай, Синди, боже, не смей меня! С тобой невозможно оставаться серьезной, — рассмеялась женщина.

Встав со своего места, Фиона подошла к огромному камину и, протянув ладони к огню, глядя на висящий над камином портрет сына, объяснила:

— Жизнь не особенно жаловала Деклана. Он слишком рано потерял отца, а потом и жену. И это неизбежно повлияло на его характер, он стал грубым и резким. Я знаю, что у него огромное сердце, но думаю, что мой сын заковал его в броню, чтобы больше не позволить его разбить.

Монце встала, подошла к герцогине и, взглянув на потрясающий портрет, спросила:

— Вы считаете, что ваш сын стал таким из-за смерти жены?

— В определенном смысле, да. Деклан никогда не хотел знаться с женщинами: ни с Элизабет, ни с какой другой. С детства он весьма недвусмысленно дал мне понять, что не хочет становиться причиной ничьей смерти и...

Эта фраза удивила девушку и, взяв пожилую женщину за руки, она спросила:

— Становиться причиной чьей смерти? Что вы имеете в виду?

Та раздосадовано кивнула и, глядя прямо в глаза, начала рассказ:

— Вот уже много веков на нашей семье лежит ужасное проклятье. Едва любой из Кармайклов испытает со своей парой наивысшее счастье, как это человек умирает. Так происходит уже более трехсот лет, и он... он знал об этом и...

— Минуточку, Фиона, — сказала Монце. — Вы имеете в виду, что когда кто-нибудь из Кармайклов влюбляется, и эта любовь достигает апогея, его спутник или спутница умирает?

— Да, девочка моя. Мой отец умер на следующий день после моего рождения. Муж — на следующий день после рождения Деклана, а Элизабет — на следующий день после того, как родила Мод.

— О, боже, какой ужас! — прошептала Монце, снова садясь рядом с герцогиней. — Но... но... Как такое может быть?

— По легенде, передающейся от отца к сыну, в день помолвки Робертсов из Абердина устроили турнир по стрельбе из лука. И когда от случайного выстрела погиб Брендан, сын колдуньи Кивы, радостный день обернулся кошмаром. Эта ведьма разгневалась и отомстила, отняв жизнь у мужа Аланны Кармайкл. Но на этом она не успокоилась, и чтобы наша семья больше никогда не знала счастья, она украла у Аланны половинку фамильного кулона в форме сердца, который та носила на шее, и прокляла нас, обрекая на вечное одиночество до тех пор, пока половинки этого сердца не соединятся вновь. После этого Кива бросилась в море со скалистого берега Абердина, и больше никто никогда не видел ни ее, ни этот кулон.

— Кулон Кармайклов?

— Да, — и, указывая на картину, изображавшую Деклана, прошептала, — Видишь эту подвеску на шее у моего сына?

С бешено колотящимся сердцем Монце подняла глаза и, увидев, что имела в виду герцогиня, пересохшими губами тихо проговорила:

— Да.

— Это половинка кулона Кармайклов. Ограниченный нашими предками кельтский камень. В старые времена, когда перворожденный сын из рода Кармайклов просил руки своей невесты, в качестве залога своей любви он надевал одну половинку сердца ей на шею, а вторую носил сам. Но одну из них унесла с собой Кива, и с тех пор на нашей семье лежит проклятье, и поколение за поколением мы терпели мучительные страдания.

«Этого не может быть... этого не может быть... не может быть, чтобы это было именно то, о чем я думаю», — сказала себе Монце, услышав эту ужасную историю и почувствовав, как кровь густеет у нее в жилах.

На дрожащих ногах она поднялась со стула и подошла к картине. Ее сердце забилося чаще, а она сосредоточила взгляд на подвеске, висящей на шее Деклана, и ухватилась за камин, чтобы не упасть.

— Что случилось, дочка? — заволновавшись, спросила Фиона, бросившись ей на помощь.

Когда девушка вновь села, та протянула ей стакан воды, который Монце взяла дрожащими руками.

— Тебе лучше?

— Да... нет... да... ну... не знаю.

Испугавшись ее бледности, герцогиня встала было, чтобы позвать кого-нибудь из слуг, но, удержав ее за руки, Монце не дала ей двинуться с места.

— Фиона... я...

— Не волнуйся, детка. Я позову кого-нибудь, чтобы тебя проводили до твоей комнаты. Думаю, тебе необходимо отдохнуть и...

— Нет...

— Нет? — удивилась женщина.

— Я в порядке... просто это все так странно.

— Знаю, дочка... История Кармайклов всегда вызывает ужас.

Но Монце решила окончательно разобраться с этим делом, она посмотрела на женщину, сунула руку в карман юбки, дотронулась до той вещи, о которой она рассказывала и, доставая ее, произнесла:

— Фиона, не знаю, как это объяснить, но, пожалуйста, закройте глаза и дайте мне ладонь.

И, заметив, как удивленно посмотрела на нее герцогиня, с улыбкой прошептала:

— Пожалуйста, доверьтесь мне.

Не заставляя девушку повторять просьбу, она закрыла глаза и протянула ладонью вверх правую руку. Монце достала руку из кармана и, посмотрев на подвеску, которая, кажется, действовала на нее успокаивающе, положила ее в руку герцогини и прошептала:

— Теперь можете открыть глаза.

С улыбкой на губах женщина открыла глаза и, увидев в руке украшение, тихо проговорила:

— Святые угодники...

Перед ней, прямо на ее ладони лежал кулон Кармайклов. Тот самый, из-за которого умерло столько людей и который своим появлением должен разрушить проклятье Кивы.

— Фиона... я...

Закрыв лицо ладонями, женщина разразилась рыданиями, и Монце мгновенно

бросилась к ней.

— О, боже, Фиона, что с вами? Я... я не думала, что вы...

— Благослови тебя бог, дочка. Ты только что принесла счастье нашему клану, — промолвила женщина, взяв за руки испуганно глядевшую на нее Монце.

— Нет... я ничего не знала и...

Разволновавшись, Фиона встала и, горячо поцеловав и обняв девушку, вышла с подвеской из гостиной. Совершенно потрясенная Монце последовала за ней и увидела, как Деклан, напуганный криками матери, быстро двигался навстречу. Ей не было слышно, о чем они говорили, но даже издалека она видела, как он был поражен, увидев кулон, и как обнял мать.

Несколько секунд спустя Деклан пристально посмотрел на девушку, и та в ужасе стала искать глазами выход, но напрасно: герцог схватил ее за руку и, приводя в замешательство, взволнованно прошептал:

— Я буду благодарить тебя всю жизнь за то, что ты вернула такую дорогую нам вещь. Огромное спасибо, Синди Кроуфорд... огромное спасибо.

— Деточка! Ты наше солнышко! — заплакала Фиона, целуя Монце руки, когда их окружили прибежавшие на шум слуги и от радости хлопали в ладоши.

Увидев вокруг себя Деклана, его мать и других обитателей замка, у девушки пересохло во рту, она была на грани обморока, и тогда она просто пожала плечами и тихо пробормотала:

— Спасибо... но... но я ничего не сделала.

Улыбающийся от счастья Деклан Кармайкл перед всеми обнял ее и прошептал тихонько на ухо:

— Ошибаешься, Синди Кроуфорд, ты только что принесла благоденствие всему семейству Кармайкл, а особенно малютке Мод.

ГЛАВА 22

В ночь появления драгоценной подвески Кармайклов, в замке Элчо было устроено празднование с танцами и весельем. Даже сам герцог, казалось, воспрял духом, ведь случилось то, что принесло счастье в каждый дом.

— По словам Фионы, ее сын предложил нам перебраться в более удобные покои, — взволнованно прошептала Хулия.

— Нет уж, дудки! Я еще не совсем выжила из ума, — воскликнула Монце. — С этим варваром одну крышу делить не собираюсь. Уверена, эйфория скоро пройдет, и он вновь примется отравлять мое существование. Нет, даже не уговаривайте, я пас. Буду жить там, где прежде, и покончим с этим.

Подруги одарили ее взглядами, полными сомнений.

— Ай, девочка моя, ну разве ты не видишь, что герцог теперь смотрит на тебя иначе? — пробормотала Хуана.

— Да. И мне это совсем не по душе, — испуганно пробормотала Монце.

Если она и почувствовала перемены, так это во взгляде Деклана Кармайкла, но, что хуже всего, где-то в глубине души ей нравилось, как он на нее смотрит. Что-то в его карих глазах, трогало сердце и не могло оставить равнодушной.

Но, уже спустя мгновение, Монце отбросила эти мысли в сторону и с головой погрузилась в зажигательный танец с Колином, братом Эдель. Широкая улыбка не сходила с ее лица, пока она наслаждалась празднованием, а в это время Деклан Кармайкл, держась на

расстоянии, не сводил с нее глаз.

Следующим утром, сразу после пробуждения, Монце изложила подругам принятое ею решение: она не станет перебираться в другие покои и трапезничать продолжит на кухне. Ни Хуана, ни Хулия не разделяли ее позицию, но, уважая решительность, не пожелали оставлять Монце жить в одиночестве и согласились, как и прежде ночевать вместе. Однако дали понять, что обедать и ужинать предпочитают в замке.

Фиона попыталась переубедить Монце, но быстро поняла, что ее старания тщетны и более решила не настаивать. Когда же о решении Монце стало известно Деклану Кармайклу, то он пришел в бешенство и ни для кого не стало неожиданностью, что они снова повздорили.

— Какой невыносимый мужлан, — Монце металась по комнате, которую делила с подругами и маленькой собачкой по кличке Фитц. — Деспотичный фанатик и тиран.

— Не преувеличивай, — рассмеялась Хулия, собирая волосы.

— Ай, девочка моя, — усмехнулась Хуана. — Порой ты так невообразима, как трусы с диснеевскими героями.

— Это я-то невообразима и все преувеличиваю? Вы же сами видели, каким тоном он говорил со мной и как смотрел всего несколько минут назад? Дай ему волю, он бы меня придушил!

— Меня бы это не удивило, ты же вечно с ним препираешься, — упрекнула ее Хуана.

— Ладно! Допустим, я иногда слегка вспыльчива, но меня просто выводит из себя то, что Деклан не обращает внимание на свою дочь. Он же ранит ее чувства.

— Думаю, всему виной твои взаимоотношения с отцом. Ты видишь, как Деклан обращается с дочерью и ставишь себя на место Мод, — заметила Хуана, взяв Фитца на руки.

— Согласна... Поэтому, при каждой встрече с ним мне хочется дернуть его за ухо и сказать: «Очнись, идиот! С таким отношением ты никогда не дождешься от дочери любви». Но, если я это сделаю...

— Если ты это сделаешь, несмотря на всеобщее обожание за возвращенную вчера реликвию, нас сразу же вышвырнут на улицу, — заметила Хулия. Поэтому не забывай, что деваться нам некуда. Так что, к сожалению для всех, мы еще на какое-то время застряли в этом столетии.

— О боже, жду не дождусь, когда этот дурной сон закончится. Как же я хочу оказаться в своей квартире и принять расслабляющую ванну с солью, — прошептала Монце, лежа на кровати.

— А мне не терпится увидеть моего Пепе...

Монце пропустила ее слова мимо ушей и продолжила перечислять свои пожелания.

— После ванны я сделаю себе миску попкорна, от души его приправлю и, усевшись на диване в своей скромной гостиной, буду смотреть фильмы.

— О да, — кивнула Хулия. — Какую-нибудь смешную комедию, где торжествует любовь. Хочу держать за руку своего Пепе, грызть фисташки и запивать кока-колой.

— Тьфу, умираю, как хочу очнуться от этого кошмара и вернуться в нашу реальность. — Монце ударила рукой по кровати. — Вот. Больше не позволяйте мне загадывать желания, если только они не касаются богатства. Хочу быть очень, очень богатой!

— Рискую нарваться на твои проклятия, но не соглашусь с тобой, — произнесла Хуана. — Я так рада тому, что оказалась здесь и познакомилась с Алистером.

— Совсем мозги растеряла, — невесело заметила Хулия.

— Да, моя дорогая, но мозги я растеряла из-за него, — согласилась Хуана, заставив Монце рассмеяться. — Вы видите, с каким почтением он относится ко мне?

— Да, деточка, так оно и есть. До тех пор, пока он не залезет тебе под юбку и не получит того, что хотят все мужчины. — Нотация Хулии вызвала у девушек смех. — Эй красотка, послушай моего совета — будь с ним поосмотрительней. Этот мужчина воспитан в другую эпоху.

Выйдя из комнаты в отличном настроении, они втроем поспешили на помощь Агнес и Эдель.

Каждый вечер на закате, после тяжелого дня, стража Кармайкла сменялась в карауле. Времена были сложные, никто не хотел быть застигнутым врасплох, поэтому территорию близ замка Элчо постоянно патрулировали.

Закончив работу, Монце присела возле конюшен вместе с Агнес и Эдель. Те наблюдали за своими возлюбленными, суровыми загорелыми горцами Перси Бразером и Недом Кулманом.

— О, Синди, — возбужденно прошептала Агнес. — Когда я вижу его так близко, то чувств готова лишиться.

— Это ты называешь близко?! — усмехнулась Монце ее словам. — Агнес, ради всего святого, их глаза нельзя различить на таком расстоянии. Как ты можешь упасть в обморок, если даже не уверена, посмотрел ли он на тебя?

Однако ответа не последовало. Агнес, глупо улыбаясь, смотрела на предмет своего обожания.

— Нед сегодня такой красивый, — прошептала Эдель, глядя на то, как тот ухаживает за лошадью.

Устав от нелепицы из их уст, Монце поднялась, чтобы посмотреть девицам в глаза.

— Давайте-ка выясним, вы им давали какие-нибудь намеки? Они знают, что вы на них запали?

Эдель и Агнес молча переглянулись.

— Запали? Куда запали? — спросила первая, закусив губу.

— Скажу проще, — улыбнулась Монце. — Я имела в виду, знают ли они о ваших к ним чувствах?

— Да.

— И? — спросила Монце.

— Иногда мы вместе прогуливаемся. А на свадьбе Роджера и Марты нам даже удалось потанцевать.

— Фантастика! — воскликнула Монце, но запнулась, заметив недоумение на их лицах. — Хорошо, что не так?

— Всякий раз, завидев служанок мисс Роуз О'Каллахан, они тотчас забывают о нас. Более того, последний визит этих девиц совпал с празднованием крещения сына Тома и Голы, и мы снова остались не у дел. Девицы приковали все их внимание, — гневно объяснила Агнес.

— Кто такая Роуз О'Каллахан? — поинтересовалась Монце.

Горничные обменялись многозначительными взглядами.

— Дочь Роджера О'Каллахана.

— Неприятная, самодовольная дама, которая ведет себя так, словно хозяйка этого дома, — поделилась Агнес. — Время от времени она навевается сюда и ходят слухи, что

скоро станет женой нашего лэрда, хотя он ничего не подтверждает. Ой! Мужчины идут к нам!

Закончив чистить лошадей, горцы направились в их сторону.

Монце кивнула, приветствуя их, и решила со стороны понаблюдать за поведением служанок. Словно последние дурочки, Агнес и Эдель не сводили с парней влюбленных глаз. Когда предметы их обожания удалились, Монце была готова отвесить девицам тумачков.

— Ей-богу, что вы так перед ними стелитесь?! Им же ясно, как божий день, что вы облизываетесь на них, как кот на сметану. Берите пример со служанок этой, как ее, мисс Роуз. Не улыбайтесь им, как две деревенские дурочки всякий раз, когда они соизволят глянуть в вашу сторону. Этим заносчивым горцам надо платить той же монетой.

— Той же монетой? — непонимающе переспросила Эдель.

— Именно. Отвечайте им тем же, и они поймут, что с вами играть нельзя. Если вы собираетесь и дальше терпеть их неподобающее к себе поведение, то как собираетесь заставить влюбиться в вас?

Девушки переглянулись и пожали плечами. Может в словах Монце есть смысл?

— И как нам теперь поступить? — спросила Агнес.

Но в этот самый момент к ним подбежала малышка Мод. Увидев ее заплаканное личико, Монце позабыв о подружках, присела перед ней.

— Что стряслось, принцесса?

— Это Фитц, — рыдая, проговорила девочка. — Он там, в кустах.

Боль отразилась на ее ангельском лице и Монце схватила ее за руку.

— Давай, покажи мне, где Фитц.

Мод повела всех через ряды дубов на небольшую поляну. По негромкому поскуливанию они быстро отыскали пса у кромки леса. У него была поранена лапа.

— Милая, не надо смотреть, — прошептала Эдель, прикрыв глаза малышке.

— Подождите здесь. Пойду погляжу, что с ним, — приказала Монце.

Подхватив подол старенькой юбки, она медленно направилась к болонке. Завидев ее, Фитц заскулил еще громче и замахал хвостом, словно просил помощи. Склонившись над ним, Монце увидела, что собака угодила лапой в капкан и, что хуже всего, истекала кровью.

— Привет, Фитц. Я постараюсь тебе помочь, — прошептала она, погладив его по голове.

Монце осмотрела капкан и попыталась разжать, но одной ей это оказалось не под силу. Лапа оставалась в тисках. Придется дотащить пса до замка и поискать что-то, что поможет освободить его.

Не раздумывая, Монце сняла шаль, что была на ней, расстелила ее на земле и уложила животное. Хоть она пыталась действовать осторожно, каждое движение заставляло собаку выть от боли.

— Тихо, малыш. Я не причиню тебе вред.

На руках она донесла пса до того места, где ее ожидала Мод со служанками.

— Мод, посмотри, с Фитцем все будет в порядке, — успокаивая девочку, наклонилась к ней Монце.

— Можно мне погладить его? — кивнув, спросила она.

— Конечно, милая. Но осторожно. Ему больно.

— Что с ним случилось, Синди? — спросила Мод с глазами полными слез.

— Его лапа попала в ловушку. Но не волнуйся, я освобожу ее, как только мы доберемся

до замка.

Девочка с облегчением кивнула и, ухватив за руки Агнес и Эдель, направилась к крылу прислуги. Они вошли на кухню и Эдель расчистила стол. Монце положила на него Фитца, потерявшего к тому времени еще больше крови.

Монце огляделась в поисках чего-нибудь, чем могла бы разжать капкан, но ничего подходящего на глаза не попало, поэтому она поспешила наружу.

— Я сейчас вернусь. Не двигайте его.

И, подобрав юбки, побежала к конюшне. Она не подозревала, что в это время Деклан Кармайкл внимательно наблюдал за ее передвижениями из окон своих покоев. Добравшись до конюшни, Монце схватила пару кузнечных зубил и поторопилась обратно.

— Я вставлю оба зубила между створками капкана. Когда скажу, ты ухватишься за один из них и потянешь вправо, что есть силы. Я же потяну влево, а тебе, Агнес, поручаю вытащить лапу, как только она освободится. Понятно?

Глаза малышки Мод широко распахнулись.

Распределив обязанности, Монце приставила зубила к капкану и подозвала Эдель. Вдвоем они оттянули пружины, но, после того как лапа была свободна, из раны во все стороны брызнула кровь. Агнес поспешно оттащила собаку, чтобы девушки смогли отпустить дуги капкана.

Все обрадовались, что Фитца освободили, но Монце забеспокоилась, обнаружив, что на щеки и платье малышки попали капли крови.

— Милая, разве я не говорила тебе держаться подальше? Посмотри, как ты испачкалась.

— С Фитцем все будет хорошо? — спросила Мод, не обращая внимания на ворчание.

Но, не успели они успокоить девочку, как перед ними, с бесстрастным выражением на лице, появился Деклан Кармайкл. Заметив пятна крови на лице и платье своей дочери, он забыл обо всем на свете.

— Ради всех святых, Мод, что с тобой случилось?

«Ну, здравствуйте... на нас значит ему плевать», — подумала Монце, смотря как Деклан дрожащими руками пытался стереть кровь с личика и волос дочери.

Убедившись, что его малышка не пострадала, Деклан впился убийственным взглядом в женщин.

— Почему моя дочь вся в крови? — прорычал он.

Служанки от страха побледнели, будто вот-вот лишаться чувств. Поэтому Монце, выступив вперед, решила ответить за всех.

— Это кровь не Мод, не стоит так волноваться; хотя вы своими криками немало напугали ее. — Монце указала на девочку, которая буквально съежилась подле отца.

Деклан глянул на свою дочь и за плечо притянул к себе. Однако Монце не собиралась смиренно дожидаться того момента, когда он обрушит на них весь свой гнев.

— Уверена, у вас, сэр, найдется для нас много оскорбительных и неприятных слов, но сейчас, если не возражаете, нам надо заняться Фитцем, прежде чем он до смерти истечет кровью. — Не давая времени на ответ, Монце повернулась к Эдель и подтолкнула ее. — Срочно отыщи Норму. Скажи ей, что она мне нужна. Уверена, она точно знает, как помочь псу.

Испуганная служанка уставилась на своего лэрда, который, лишь взглянув на животное на кухонном столе, одним взмахом руки позволил ей идти.

Итак, Эдель побежала в поисках Нормы, а Монце, не обращая внимания на суровый

пристальный взгляд герцога, склонилась к неподвижно лежащей собаке и шепнула:

— Не волнуйся, Фитц, мы тебя вылечим. Поверь мне.

Намочив пальцы в чистой воде, она осторожно смочила ими рот и язык Фитца. Увидев, как обессиленное животное, поскуливая облизало руку, Мод разрыдалась. Деклан, при виде слез дочери, застыл на месте. Он не знал, как реагировать в таком случае, поэтому Монце повернулась к девочке и подошла к ней.

— О нет, не плачь, принцесса. Не время рыдать, мы должны решить эту проблему. Если Фитц услышит, как ты плачешь, он расстроится и будет переживать, а ему сейчас нужен покой, чтобы выздороветь.

Деклана приятно удивил позитивный настрой Монце. Всего несколькими словами, произнесенными мягким голосом, молодая женщина прекратила поток слез, катящихся без остановки по щекам его дочери.

— Все будет хорошо, правда, Синди?

Монце широко улыбнулась и кивнула.

— Конечно, милая. И когда он поправится, я обещаю, мы будем прекрасно проводить с ним время. Договорились?

В этот момент на кухню в сопровождении Эдель вошла Хулия. Она поспешила к животному, по-испански прошептав подруге:

— Должна напомнить, что я врач общей практики, а не ветеринар.

— Что ж, тем лучше для тебя. Этот пациент не сможет пожаловаться, если ты совершишь ошибку. Так что прикуси язычок и приступай к работе, — ответила Монце, почувствовав на себе бдительное око Деклана. — Уверена, ты сумеешь сделать больше, чем я.

Признав, что подруга права, Хулия вздохнула и принялась осматривать животное. Через пару секунд она уже отдавала приказы.

— Мне нужны виски, горячая вода, чистые тряпки, иголка и нитка.

Обе служанки снова уставились на своего господина, который только молча кивнул головой. Обе запорхали по кухне.

— Принцесса, — обращаясь к Мод, Монце посмотрела на ее отца. — Думаю, тебе стоит пойти с папой и сменить платье. Я уверена, Фитц захочет увидеть тебя красивой, как только ему станет лучше.

Не произнеся ни слова, Деклан увел дочь вслед за собой.

Как только они остались одни, Монце подошла к Хулии.

— Сделай все возможное. Фитц единственный друг Мод, — взмолилась она.

Спустя несколько часов, Хулия, довольная результатами проделанной операции, наконец присела. Эдель и Агнес они отпустили отдохнуть.

— Ну, думаю, пациент будет жить. Хотя, уверена, хромота останется с ним на всю жизнь.

— От этого Мод не перестанет его любить, — улыбнулась Монце, посмотрев на пса.

Оглядевшись, Монце потянулась к бутылке виски, который они использовали и взяла ее в руки, чтобы прочитать этикетку.

— Как думаешь, сколько бы эта бутылка стоила в двадцать первом веке?

— Ух, думаю много. Дорого бы мой Пепе отдал, чтобы отведать стакан этого виски.

Монце принесла два маленьких кубка и улыбнулась.

— Не знаю на счет твоего Пепе, но нам с тобой точно надо выпить по стаканчику,

потому что мы заслужили.

Развеселившись, они подняли кубки, чокнулись ими и осушили до дна.

— Вау! — воскликнула Монце, почувствовав, как золотистая жидкость обожгла ее горло.

— Уф-ф! Как моему Пепе это может нравиться? — Хулия усмехнулась, оценивая напиток.

— У тебя будет время посмаковать и распробовать его вкус. Кстати, где будущая мать Сазерленда Хилтона? — со смехом спросила Монце.

— Гуляет с будущим отцом, — пошутила Хулия.

Когда виски перестал жечь ее горло, Монце кивнула на бутылку.

— Правда в том, что он способен воскресить и мертвого.

— Кстати, о мертвых. я смертельно устала! — зевнула Хулия. — Ты идешь в кровать?

Монце, посмотрев на Фитца, потянулась и вздохнула.

— Ты отправляйся, я скоро приду.

Хулия не стала настаивать и через несколько секунд исчезла за дверью. Монце встала и посмотрела в окно. Ветер качал верхушки деревьев. Она подошла к кухонной двери и открыла ее, чтобы воздух охладил лицо. На несколько секунд закрыла глаза и подумала обо всем, что с ними происходит, и о том, как хорошо им удастся справляться. Осторожно подошла к собаке, чтобы проверить ее. Животное мирно спало, поэтому Монце снова уселась за стол и налила из бутылки еще одну порцию виски. Подняв кубок, она глянула на собаку.

— За тебя, Фитц. — И выпила виски одним глотком.

Шумно выдохнув, поставила кубок, опустила голову на стол и закрыла глаза. Она так устала. Очень устала. Тепло огня в очаге, вместе с жаром от напитка убаюкали Монце. Она не знала, как долго она спала, пока не услышала:

— Мисс Кроуфорд. Мисс Кроуфорд...

Громкий шепот, раздавшийся прямо возле уха, испугал Монце до чертиков. Разлепив веки, она увидела перед собой ледяной взгляд Деклана Кармайкла. Несколько секунд они молча таращились друг на друга, пока она не вскочила, убирая с лица разметавшиеся во сне волосы.

— Черт! Я заснула и ... — пробормотала она.

— Я заметил, — проговорил он со своим обычным серьезным выражением на лице. — Мне бы хотелось поговорить с вами, пожалуйста, присядьте.

Монце не стала спорить и опустилась на то же место, с которого подскочила несколько секунд назад.

— О чем *Вы* хотите поговорить?

Прежде чем ответить, Деклан Кармайкл прислонился к дверному косяку.

— Здесь, мисс Кроуфорд, вопросы задаю я.

Услышав эти слова, она вымученно улыбнулась.

— Ладно, но не могли бы *Вы* поторопиться, я очень устала.

— Вас когда-нибудь упрекали в дерзости?

— Да. *Вы*. Прямо сейчас. *Вас* устроит такой ответ или *Вы* предпочли бы, чтобы я придумала другой? Потому что, уверяю *Вас*, я много чего могу нафантазировать.

— Вы еще смеете дразнить меня!

— Я?! — Насмешливый тон Монце почти свел Деклана с ума.

Раздраженный ответами, он шагнул ей навстречу.

— Потрудитесь выбирать выражения.

Смиренно вздохнув, Монце замолчала. Казалось невероятным, что перед ней стоит тот самый мужчина, с которым она несколько дней назад наслаждалась верховой ездой.

— Я хочу знать, кто вы и откуда? А также, почему у вас оказалось сокровище Кармайклов? И мне хотелось бы услышать правду, если вы меня понимаете.

«Ох, мамочки, если я выложу ему все начистоту, он убьет меня прямо на этом месте. Хотя, он вряд ли поверит моим рассказам. В любом случае, поднимет на смех все, что бы я ни сказала», — подумала Монце, принимая вызов. И не вдаваясь сильно в подробности, начала повествование, пытаясь сохранить уважение к раздражающему протоколу того времени.

— Вам уже известно мое имя. — Он кивнул. — Что касается вашего второго вопроса, откуда я, уверена, вы не поверите ни единому слову, что я скажу, сэр. Но вы требуете от меня правды, и поэтому вот она. И мои подруги и я, перенеслись к вам из будущего, из двадцать первого века. Мы живем и работаем в Лондоне. Так уж случилось, что после соревнований по карате, Пэрис Хилтон выиграла поездку в Шотландию...

Деклан сидел совершенно ошеломленный. Он не понял и половины из сказанного Монце, но позволил ей продолжить рассказ.

— Украшение Кармайклов мне попало на глаза в антикварном магазине в Эдинбурге. Дама в магазине настояла на том, чтобы я купила его вместе с зеркалом, и подруги захотели сделать мне подарок, поэтому заплатили за него, обрадовав продавщицу. Эту дрянную одежду, которая сейчас на мне, мы купили для участия в обеде в средневековом стиле в порту Ли. Клянусь! — прошипела Монце, когда увидела тень недоверия на лице Деклана. — И вот я очутилась в прошлом. Ирония судьбы, устроенная Эрикой, цыганкой, которая, чтобы вы понимали, вроде ведьмы или колдуньи в этом веке. Когда я была ребенком, Эрика относилась ко мне как мать, и, полушутя, как-то предложила мне загадать три желания. И я... О, Боже, как глупо с моей стороны, воодушевленная сумасшедшими подругами, пошла у нее на поводу. — Монце опустила часть правды. Она не собиралась говорить Деклану, что хотела оказаться рядом с ним. — Первым желанием было совершить невозможное приключение по этим местам, вторым — чтобы Пэрис обрела любовь и...

— А что было третье? — он усмехнулся ее словам.

— Я не успела загадать. Ударил молния, расколол дерево надвое, и свет погас. Мы были испуганы и хотели вернуться в отель, но я споткнулась, и мы вместе упали в воды гавани Ли. Как только нам удалось выбраться, мы... мы оказались здесь. Боже мой! Я и сама не могу поверить своим словам! Потом мы встретили Эдель и вместе сбежали от каких-то ужасных на вид мужчин. По правде говоря, я понятия не имею, кто они такие, и даже не хочу это знать. По пути нас нашел Алистер и привел сюда, в Элчо. И это, сэр, суцая правда о том, кто я и откуда. Каким бы безумным, невероятным и необъяснимым ни казался вам мой рассказ.

Деклан долго молчал. Эта история, полная непонятных для него слов, стала самым безумным повествованием, что он когда-либо слышал. Как можно отнестись к этому серьезно, даже если эта девушка вернула кулон Кармайклов? Поэтому, Деклан сложил два и два и сделал вывод, что эта молодка на самом деле напилась. Указав на бутылку виски и пустой стакан, он спросил:

— Как я погляжу, вы любите виски?

— Вы решили, что я наклюкалась? — возмутилась Монце, чувствуя, куда он клонит.

— Наклюкалась?! — непонимающе повторил он.

— Да, то что я пьяна, — раздраженно пояснила Монце. — Но эй, умник, что вы хотите этим сказать?

Мужчина отвел взгляд и с легкой улыбкой поставил бутылку на каминную полку.

— Ничего. Я ничего не хочу сказать. Просто слушаю и придерживаюсь фактов, — ответил он, не глядя ей в глаза.

— О да, конечно, — фыркнула Монце. — Послушайте, выводы, которые вы делаете, совсем не верны. Я рассказала правду. О чем ты... вы меня просили. Почему вы тогда не верите мне?

— Может от того, что я не пил виски? — усмехнулся Деклан. — Простите, но вся ваша история, — это либо фантазия сумасшедшей женщины, или безумные выдумки менестреля после ночной пьянки.

— Знаете что? — Монце посмотрела на него, приподняв бровь. — Мне все равно на ваше мнение! Меня не волнует, верите вы мне или нет. И знаете почему? Потому что через несколько дней я, надеюсь, вернусь в свой век, и мне никогда больше не придется лицезреть вас. Самое невоспитанное, подлое и жестокое существо, которое я имела несчастье знать за всю свою жизнь. И я... я просто хочу... Выбросьте из головы то, что я была здесь, — крикнула Монце, вскочив. Ее совсем не заботило то, как Кармайкл посмотрел на нее. — Надеюсь, что за остаток всей моей гребаной жизни, ни вы, ни это проклятое место, ни разу не возникнут больше в моих снах.

— То, как вы сейчас возбуждены, заставляет меня поверить, что вы нездоровы, мисс Кроуфорд.

— О, боже, дай мне терпения, — простонала она, закатывая глаза.

Этот жест отчаяния, так рассмешил Деклана, что у него дрогнули губы. Он не поверил ни единому сказанному ею слову, но его привлекла в ней страстность в рассказе и живость в споре с ним. Но, не желая доставлять ей удовольствие, он обратил внимание на ее растрепанный вид.

— Думаю, вам стоит привести себя в порядок. Вид ваш прискорбен.

Деклан выразительно посмотрел на ее юбку и рубашку, залитую кровью собаки.

— Вы со всеми себя так отвратительно ведете? Или только я удостоена такой чести?

— Только вы... Боже упаси, даже не думал! — Деклан засмеялся так, что Монце захотелось пнуть его, но она сдержалась. Нападение на него все бы только усложнило.

— Вы. вы.

Но прежде, чем Монце успела подобрать подходящее оскорбление, Деклан посмотрел на нее с высокомерием человека, который привык командовать и ждал подчинения.

— Последите за своим языком, мисс Кроуфорд. Стоит мне обидеться, вы и две ваши подружки покинете мою землю в мгновение ока. И, уверяю, дороги в наши дни — не лучшее место для одиноких женщин, даже если они из двадцать первого века, — усмехаясь, добавил он.

— Послушайте, я, конечно, попридержу свой язычок...

— Да, вам лучше помолчать, — согласился он.

— Только после вас, — фыркнула Монце, замучившись подбирать слова.

— Вам нравится всегда оставлять последнее слово за собой...

— Можете не сомневаться.

Монце посмотрела на Кармайкла, как бык, готовый вот-вот выскочить из загона. Ей хотелось его придушить. Но она решил удалиться, чтобы оставить за собой последнее слово.

Когда Деклан остался один на кухне, он улыбнулся, глядя на пса, и прошептал, нежно погладив его по голове:

— Я рад, что с тобой все в порядке, Фитц. Но чем раньше эта безумная оставит Мод, тебя и всех нас, тем лучше.

ГЛАВА 23

Понадобилось несколько дней, чтобы Монце сменила гнев на милость. Но в ее памяти были еще свежи события той ночи, когда она поведала Деклану Кармайклу всю правду, и с каким сарказмом и недоверием он воспринял ее, приняв за пьяную болтовню и бредни сумасшедшей. Только одна новость радовала Монце — переезд в дом Фионы был назначен на следующую неделю. Ей до смерти хотелось убраться из замка, подальше от этого ненавистного герцога. Ему и самому, казалось, претил один только ее дерзкий и неприветливый вид.

— Ну что, Пэрис Хилтон, завтра отправляемся на Пертский рынок? — спросила подругу Монце, пока они на берегу небольшого озера стирали свою нехитрую одежонку.

— Да, подруга. Алистер обещал мне.

— Эх, я бы сейчас многое отдала за стакан колы со льдом, — пробормотала Хулия, натерев рубашку мылом и прополоскав ее в воде.

— Ну, в данный момент я бы предпочла стиральную машину, — усмехнулась Монце. — Раньше никогда не задумывалась о том, что ручная стирка отнимает столько сил и времени. У меня кожа на руках потрескалась от ледяной воды. Посмотрите, не осталось ни одного целого ногтя!

— Да, немного крема с алоэ нам бы не помешало, — кивнула Хулия, оглядывая свои ладони.

— Я порчу такой стиркой свои единственные стринги.

— Что ж, Синди, ты бы поберегла их. Одному богу известно, сколько нам еще доведется здесь проторчать и один черт знает, кому посчастливится их увидеть, — поддразнила ее уроженка Канар.

— Что за бесстыдные речи! — шокировано воскликнула Хулия.

Но тут их беседу прервали Эдель и Агнес, нагруженные огромными корзинами белья.

— Доброе утро, красавицы! — приветствовала их Хуана со своим особым чувством юмора.

Девушки, посмеиваясь, опустили свои корзины на землю.

— Норма, миссис Фиона велела тебя разыскать. Она собралась навеститься к леди Камиле, чтобы посмотреть на ее цветы, и хочет, чтобы ты сопровождала ее, — обратилась Эдель к Хулии.

— Ой, и в самом деле. Я совсем запамятовала. — Хулия наспех попрощалась с подругами и побежала вслед за служанками.

Монце перевела взгляд на две большие корзины с грязным бельем, которые служанки оставили рядом с ними.

— Эй, а это стирать кто будет?

— Синди, это не наша забота. Мы работаем на кухне, вы делаете всю остальную работу, — обернувшись, ответила Агнес.

— Твою ж мать! — прорычала Монце.

— Хотя они из семнадцатого века, но далеко не дуры, — покачала головой Хуана.

Подруги с сомнением переглянулись. Как им удастся перестирывать всю эту гору белья? Повозмущавшись еще какое-то время, они со вздохом принялись за работу. Спустя пару часов их пальцы совсем задубели от холодной воды.

— Ненавижу это занятие, — пожаловалась Монце, принявшись за стирку золотистой скатерти со стола в гостиной. Той, что по словам Фионы, досталась ей от бабушки. — У меня от ледяной воды скоро кровь застынет в жилах.

— Знаешь, что мне приснилось прошлой ночью?

— Ну... удиви меня.

— Что я наслаждаюсь крепким кофе из Старбакса, пока мне делают расслабляющий массаж с шоколадом.

— О, боже... я бы все отдала за хороший массаж, — пробормотала Монце, оттирая пятна с ткани грубым мылом. — От того, через что мне приходится здесь проходить, проблемы со спиной мне обеспечены.

— Да, массаж было бы неплохо, — улыбнулась Хуана. — Но знаешь, что меня поразило больше всего?

— Что?

— Я не испытывала никакой радости от этого, потому что Алистера не было рядом со мной.

— Да ладно тебе, подруга, не пытайся меня убедить, что этот рыжий запал тебе в душу.

— Так и есть.

— Серьезно?

— Клянусь, — быстро закивала Хуана подруге в ответ. — Никто и никогда не относился ко мне с подобной обходительностью и почтением. Но почему-то... мне иногда хочется, чтобы он отбросил к черту свои манеры.

— Ух ты! Вот это да... кто-то сгорает от страсти, как сухие дрова в печи? — усмехнулась Монце.

— Да. Признаю и каюсь. Просто за мной никто еще не ухаживал так, как Алистер. У него на уме только прогулки.

Удивленная подобным признанием, Монце расхохоталась, скатерть выскользнула из ее рук и, подхваченная течением, поплыла прочь.

— Черт, она уплывает!

— Надо бы ее чем-то подцепить. Или ты хочешь ее бросить? — рассмеялась Хуана.

Ткань опускалась под воду, все больше и больше.

— Но ведь вода ледяная! — жалобно воскликнула Монце.

— Видишь ли, это непростая скатерть, а семейная реликвия Фионы.

Недовольно ворча, Монце наконец полезла в воду, и спустя пару секунд, дрожа от холода, вернулась к подруге с пойманной скатертью.

— Возвращайся в замок и переоденься.

— Но у меня совсем нет сменной одежды! — пожаловалась Монце.

— Попроси Эдель дать тебе что-нибудь. Уверена, она будет рада. Поспеши, я закончу сама. Если останешься хоть ненадолго, заработаешь пневмонию.

Внимая словам подруги, Монце подхватила корзину с уже выстиранным бельем, и поспешила к замку. Едва она появилась на крыльце кухни, Агнес встревоженно бросилась к ней.

— Что с тобой стряслось?

— Я оступилась и упала в озеро, — ответила Монце, не желая вдаваться в подробности. — Мне нужно сменить платье. Не могла бы Эдель одолжить мне сухую одежду?

— Я спрошу у нее, — быстро ответила Агнес. — Встань у огня, погрейся. Негоже и такую погоду ходить мокрой с головы до ног.

Служанка выбежала из кухни, оставив озябшую Монце в одиночестве. Та, не раздумывая, первым делом решила избавиться от юбки. Тяжелая от воды ткань упала к ее ногам, лишь только она развязала пояс. Монце стащила с крючка первый попавшийся ей на глаза кусок холстины и повязала его вокруг талии.

«Какая миленькая мини-юбка, у меня получилась», — подумала она с улыбкой.

Вернувшиеся спустя пару минут служанки застыли на пороге, ошеломленные ее видом.

— Синди, бога ради, что за жалкое отрепье на тебе? — воскликнула Агнес.

— Жалкое отрепье? Мы называем это мини-юбкой.

— Мини что?! — изумились девицы.

В это мгновение на пороге появилась Хуана, нагруженная корзиной белья и посмотрела на подругу с удивлением.

— Какая идеальная мини-юбка! Где ты взяла ткань?

Монце в ответ только чихнула. Эдель тут же пихнула ей в руки стопку сложенной одежды.

— Иди переоденься, а то захвораешь.

Монце поспешила к себе, но в дверях столкнулась с Декланом, который за какой-то надобностью шел на кухню. Заметив, как герцог окинул ее взглядом с ног до головы, Монце от стыда сгореть была готова. Не проронив ни слова, она поспешила скрыться в своей комнате.

ГЛАВА 24

Пребывание в холодных водах озера на исходе октября не прошло для Монце даром. Она простыла и следующее утро для нее началось с сильного жара.

— Господи, я бы сейчас все отдала за ибупрофен и чашку бодрящего колумбийского кофе! — в еле слышном голосе Монце сквозило отчаяние.

— Прости, красавица. Здесь я могу напоить тебя только горячим целебным отваром и закутать хорошенько, чтобы ты пропотела. Температура еще не спала, — Хулия коснулась ее лба, — так что будь послушной девочкой и оставайся в кровати.

— Был бы у меня телевизор или ноутбук, я бы с удовольствием провалялась в постели хоть весь день. Пообщалась бы с друзьями на Фейсбуке и весело провела время.

— Хватит ныть, — ласково пожурела ее Хуана.

— И что прикажешь мне делать? Пялиться в потолок, пока не зайдет солнце? Угораздило же меня заболеть именно в тот день, когда вы все отправляетесь на ярмарку в Перт, — снова пожаловалась она.

— Зато сможешь отдохнуть и выспаться. Или тебе этого мало? — упрекнула Хуана.

— Я умираю от любопытства, так мне хочется попасть туда. Какой облом!

— Не волнуйся, торговцы приезжают два раза в месяц, и, как сказала мне Фиона, они никогда это не пропускают. — Ты сможешь поехать в следующий раз, — утешила ее Хулия.

— Не переживай, — улыбнулась Хуана. — Я знаю твой размер и вкус. Обещаю, куплю тебе что-нибудь подходящее. И не забудь, Агнес с нами не едет. Так что, если тебе что-то

понадобится, просто попроси. Договорились?

Спустя десять минут подружки ушли, оставив Монце одну. Ранние утренние часы она, измученная жаром, провела в постели, но незадолго до полудня сон уже не шел, и она была готова рвать на себе волосы. Монце дотронулась до лба — он горел. Но ей нужно было чем-то заняться, найти любое развлечение, иначе можно сойти с ума. Поднявшись с постели, она надела скромный голубой халат, заботливо приготовленный для нее Эдель и посмотрела в окно. Было непривычно наблюдать пустые окрестности.

«Одна-одинешенька. Все уехали в Перт», — угрюмо подумала она.

Некоторое время Монце развлекалась, глядя в окно, пока вдруг на нее не снизошло озарение. Библиотека! Она могла бы выбрать книгу и почитать. Запахнув халат, Монце собрала волосы в высокий хвост, открыла дверь, и босая вышла в темный коридор. Для начала направилась в кухню, надеясь застать там Агнес, но обнаружила только кипящий в очаге котел с бульоном.

Затем поднялась по лестнице, ведущей на верхний этаж. Оказавшись там, она опасливо огляделась по сторонам. Никого... Наверняка все, включая герцога, отправились в Перт. Поэтому Монце спокойно обошла покои, пока не добралась до библиотеки.

— Уф, как приятно, — прошептала она, ступая по огромному ковру озябшими ногами.

Засмотревшись на массивные книжные полки, она не заметила, что по правую руку от них, неподалеку от камина, в кресле, оббитом темной кожей, сидел Деклан Кармайкл. Он поднял голову, как только она вошла.

Герцог был удивлен, увидев Монце в таком виде, но решил понаблюдать, не выдавая своего присутствия. Некоторое время он просто смотрел, как Монце, переходя от полки к полке, знакомилась с его обширной библиотекой. Осторожно прикасаясь к корешкам книг, она, наконец, остановила свой выбор на одной из них и без колебаний сняла с полки. Это было «Сломанное крыло».

«Господи, неужели эта странная женщина умеет читать?» — подумал герцог.

Монце же продолжила изучать книжные полки и выбрала для себя еще и «Благопристойную любовь». Не замечая чужого присутствия, она уселась прямо на мягкий ковер, и облокотившись на книжный шкаф, принялась ее листать.

Более двадцати минут Деклан наблюдал за незваной гостьей, не проронив ни звука. Он был уверен, что она отправилась в Перт вместе с остальными обитателями замка. Что привело ее сюда? Пользуясь тем, что остался незамеченным, он любовался нежным профилем и прекрасными каштановыми локонами. Его умилила ее привычка при чтении водить пальцем по строчкам. Стоит признать — Монце единственная женщина, у которой хватило смелости противостоять ему. Никто до сих пор не отваживался на это. Его ныне покойная жена Изабелла была образцом нежной покорности, и за три года брака ни разу не повысила голос. Но женщина, что сидела сейчас перед ним, такая трепетная и хрупкая, на самом деле отличалась упрямством и храбростью. То, что всегда восхищало герцога в дамах, однако он никогда не желал для себя такой спутницы.

Девушка громко чихнула, прервав его размышления. Неужто она захворала? Деклан побоялся, что, обнаружив его присутствие, она сбежит со всех ног. Ему было приятно, что Монце сидела перед ним такая тихая и увлеченная чтением, но вместе с тем это озадачивало. Деклан понимал, что как только она узнает о его присутствии, милое выражение исчезнет с ее лица, и через несколько секунд они оба будут стоять «с поднятыми мечами», готовые к битве. Но тут Монце снова чихнула и тяжело судорожно закашлялась,

подтвердив его подозрения. Ну конечно же она больна. Поэтому герцог, чтобы не напугать ее, как можно ласковее произнес:

— Почему вы с таким кашлем бродите по замку босиком?

Услышав чужой голос, Монце застыла.

«Черт возьми, ну почему я должна встретиться с ним именно сейчас?» — с ужасом подумала Монце.

Она резко вскочила, и книга с грохотом упала с ее колен. Голова закружилась и девушка, пошатнувшись, ударилась о полку и начала оседать прямо на пол. Деклан в два шага оказался рядом и ухватил ее за плечо.

— Что с вами?

Монце от неожиданности чихнула прямо ему на грудь.

Смутившись, прикрыла лицо и попыталась оттереть пятна с темного камзола носовым платком.

— Господи, боже ты мой... простите!

Герцог неожиданно для них обоих улыбнулся и обратился к ней таким вежливым и спокойным тоном, какой она никогда не слышала от него раньше:

— Не стоит волноваться. Я не думаю, что вы сделали это специально. Ваш организм потребовал этого.

«Да ладно, сегодня сэр Зануда позволил себе подшучивать надо мной?» — подумала Монце, глядя на него.

Не дав ей ответить, Деклан подвел Монце к креслу, в котором до этого сидел сам.

— Располагайтесь. Думаю, вам здесь будет удобнее, чем на полу.

— Спасибо за вашу доброту, но кажется, мне лучше уйти. Я просто зашла одолжить книгу и...

— Вы хотите сбежать от меня? — спросил герцог со странной улыбкой, от которой Монце бросило в жар.

— Мне не от кого бежать, — растерянно ответила она. — Я просто не хочу никому мешать.

— Разве я говорил, что вы мне мешаете? — удивленно спросил Деклан, в глубине души понимая, что не хочет, чтобы она уходила.

— Нет, — честно призналась Монце.

И герцогу понравился ее ответ.

Несколько секунд был слышен только треск дров, пылающих в камине, затем Деклан попытался начать разговор.

— Почему вы не поехали со всеми в Перт?

Вместо ответа Монце чихнула, но на этот раз успела прикрыть платком рот и нос. Когда она вновь смогла говорить, голос звучал приглушенно.

— У меня букет соплей.

— Букет соплей?! — удивленно спросил он. — Что за болезнь такая?

Услышав это, Монце разразилась беззаботным смехом. Деклан посмотрел на нее с широкой улыбкой.

— Я осталась по причине простуды. Меня немного лихорадит.

— Но что за напасть такая — «букет соплей»? — весело спросил он.

— А-а! Это выражение мы используем там, где я живу.

Деклан кивнул и с улыбкой посмотрел на нее.

— Неудивительно, что вы заполучили подобный «букет», если припомнить в каком виде я вас вчера застал на кухне. Куда вы собирались отправиться на ночь глядя в таком неприличном одеянии?

Вспоминая тот позорный момент, Монце прикрыла ладонью глаза и, улыбнувшись, покачала головой.

От ее чувственной расслабленной улыбки у Деклана пересохло во рту.

— Я упустила белье, когда стирала в озере. Пока доставала его, то изрядно вымокла и замерзла. Юбки стали такими тяжелыми, что я поспешила избавиться от них, едва добралась до кухни. — Герцог с неким изумлением, очень внимательно слушал ее забавный рассказ. — Если бы вы пришли несколькими секундами ранее, то застали бы меня в еще более неприличном виде.

Деклан, внезапно для себя, громко расхохотался, но еще большей неожиданностью для него стали дальнейшие слова девушки.

— Ваше право не верить мне на слово, считать, что я не от мира сего или принимать за горькую пьяницу, но там, откуда я родом, в двадцать первом веке, девицы, вроде меня, носят такие юбки и даже короче.

Не в силах сердиться на Монце и ее абсурдные речи, Деклан решил поддержать шутку.

— Мне очень жаль, что я не знаю этого века, чтобы своими глазами увидеть то, о чем вы рассказываете. Забавно было бы понаблюдать.

Монце взглянула на него и ответила непринужденной улыбкой.

— Сэр, не думаю, что вам это понравится.

— Почему? — спросил он удивленно.

— Потому что мой мир так не похож на ваш, что вы вряд ли пришли бы от него в восторг. Однако, для меня ваш мир легко понятен и приемлем для житья, хотя мне очень многого здесь недостает. — И чтобы немного развеселить герцога, Монце добавила: — О, я вам открою секрет, но исключительно ради ознакомления: положение женщины моего времени сильно изменилось. Они получили такие права и такую свободу, которые вашим современницам и не снились.

— Не могли бы вы разъяснить подробнее, — попросил герцог, устраиваясь поудобней.

Монце, забравшись в кресло, как индус сложила босые ноги под себя, и прикрыла их лапами халата, чтобы немного отогреть. Затем принялась за рассказ, который постоянно прерывался вопросами Деклана. Она догадывалась, что он не верит ни единому слову, но ей нравилось просто болтать с ним у камина, не обмениваясь при этом колкими замечаниями.

— В моем веке я бы звала вас запросто, по имени — Деклан, а вы меня — Синди. — Он улыбнулся. — Мы, женщины, можем носить и длинные и короткие юбки, брюки, шорты, все, что хотим. Мы можем говорить, делать и предлагать то, что пожелаем. Нет, боже, это невероятно, — удивленно рассмеялась Монце. — Вряд ли вы поверите, если я скажу, что мы сами можем предложить мужчине разделить постель, если он нам понравится.

— А где же тогда ваши приличия и достоинство? — резко спросил Деклан.

— Приличия и достоинство по-прежнему существуют в ценностях человека. Но время не стоит на месте, и люди понимают, что мужчины и женщины равны. Не буду отрицать, в некоторых вопросах женщины все еще уступают мужчинам, но мы постепенно занимаем в мире то положение, которое заслуживаем.

— Вы хотели бы называть меня Декланом и обращаться ко мне на «ты», мисс Кроуфорд? — уточнил он, забавляясь безумностью ее слов.

— Мне бы это понравилось, потому что бесконечное «выканье» утомляет. Это ужасно сложно и безумно скучно. Но только если вы не против, и тоже будете обращаться ко мне по имени. И, если завтра по непонятной причине вы рассердитесь и захотите взять свои слова обратно, то не говорите мне, что я должна снова говорить вам «Сэр».

Необъяснимым образом Деклан наслаждался разговором с Синди, и, хотя не придавал значения всем ее рассказам, понимал, что ему нравится ее компания и неординарность мыслей. Подойдя к ней, он протянул руку.

— Пусть будет так, Синди.

Откинувшись на спинку кресла, Монце пожала ее и улыбнулась.

— Договорились, Деклан.

Воцарившаяся между ними близость, неспешность момента, тишина и потрескивание дров в камине заставили обоих взглянуть друг другу в глаза. Монце встретила взглядом с тем, о котором мечтала все годы. Тем, который преследовал ее во снах. *ОН* предстал перед ней.

Деклан был очарован остроумием и красотой молодой женщины. Не в силах отпустить ее руку, не говоря уже о том, чтобы уйти прочь, он сгорал от желания узнать больше о женщине, что так притягивала его.

— Синди, окажись сейчас в своем времени, как бы ты поступила? — пробормотал он.

«Ясен перец, поцеловала бы тебя», — подумала она.

И, недолго думая, Монце потянулась к его губам. Просто короткий поцелуй. Без переполняющих чувств и эмоций, но в нем было достаточно страсти, чтобы оба почувствовали бабочек в животе и неловкость, повисшую в комнате.

Деклан, впечатленный таким поступком и совершенно сбитый с толку, отступил назад и попытался собраться с мыслями. Монце в очередной раз чихнула.

— Синди, у тебя нешуточный жар. Ты ведь вся горишь.

«Даже не представляешь, насколько.» — смутилась она.

Приложив руку ко лбу, Монце спустила ноги и нетвердым голосом произнесла:

— И вправду горю! Я думаю. думаю, мне стоит вернуться в свою комнату.

— Да, так будет лучше, — кивнул Деклан, сомневаясь, хочет ли она этого на самом деле. — Прикажу Агнес принести бульон и обтереть тебя холодной водой, чтобы снять жар.

Увидев герцога таким обеспокоенным, Монце невольно улыбнулась.

— Деклан, могу ли я почитать эти книги в своей комнате? — Посмотрев на его ошарашенное лицо, она наивно улыбнулась. — Обещаю бережно к ним относиться и, когда закончу, вернуть их на место.

С каждой секундой эта женщина все больше озадачивала его. Деклану вдруг захотелось продлить их общение, чтобы узнать о ней побольше. Он бы с удовольствием подхватил бы сейчас Синди на руки и отнес в кровать, лишь бы ее босые ноги не ступали по холодному полу. Но, подавив свои желания, он лишь любезно ответил:

— Конечно, Синди. Можешь читать сколько угодно, а потом поделись со мной своими впечатлениями.

— Спасибо.

Не проронив больше ни слова, Монце с воодушевлением добралась до двери библиотеки и, прежде чем открыть ее, одарила герцога нежной улыбкой.

— Рада была нашему с тобой общению, Деклан. — И со всех ног бросилась в свою комнату.

— Черт возьми, Синди Кроуфорд! Как ты могла его поцеловать? — громко отчитала себя она, укладываясь в кровать.

ГЛАВА 25

На рынке Перта многочисленные обитатели замка Элчо разбрелись по торговым рядам. Слуги поспешили закупиться провизией, а Фиона, вместе с девушками, Алистером и малышкой Мод отправилась на поиски интересных вещей.

В одной из лавочек Мод приглянулся серебряный браслет и такие же сережки. Алистер, не тратя времени на раздумья, незаметно их купил. Деклан поручил ему отыскать что-нибудь для его дочери на день рождения, и украшения станут прекрасным подарком. Фиона решила сшить для девочки платье и купила для этого отрез ткани, а Эдель, от лица всех остальных обитателей Элчо, купила симпатичные башмачки.

Алистер, довольный тем, что быстро справился с поручением своего друга и лэрда, ни на шаг не отходил от Пэрис Хилтон. Эта темноволосая прелестница, с необычными чертами лица, с самой первой минуты их знакомства завладела его сердцем.

— Нашлось ли то, что бы понравилось вам, прекрасная Пэрис? — поинтересовался горец, расчищая перед ней дорогу.

— Что вам ответить, мой дорогой друг? Понравилось, конечно же понравилось. Намного больше, чем вы только могли бы подумать, — она с улыбкой подмигнула Хулии, которая отвернулась, едва услышав ее ответ.

Горец, которому было неведомо с каким почтением надо относиться к женщинам, схватил ее за локоть, увел к лавке знакомого продавца и предложил присмотреть себе украшение из серебра.

— На чем вы остановите свой выбор? — склонившись, прошептал он ей на ухо.

— Я?

— Да, вы.

— Ах, Алистер, я столько раз просила обращаться ко мне на ты.

— Простите, моя маленькая мисс, — смутился он, — я забыл. Давай же Пэрис, выбери себе подарок.

Нервничая, как никогда в жизни, Хуана взглянула на него. Ей все еще было невдомек, как такой красавец, вообще мог увлечься ею.

— Но почему?

— Потому, что ты заслужила подарок. — заметив, какую гримаску она состроила, он широко улыбнулся. — Своим очарованием и красотой.

Хуану тронули его слова, и она тут же покраснела, как школьница.

— Благодарю, Алистер, но вряд ли меня можно назвать красивой. Порой я милашка, порой сумасбродка, но только не красотка... Я хорошо знаю, какими бывают красавицы, и я совсем не из их числа.

Окинув ее взглядом, мужчина замотал головой, показывая, что не согласен с ее словами.

— Алистер, для особ, которые обычно нравятся мужчинам, во мне нет особого шарма, и я слишком мала ростом. — Затем, указав на него, продолжила: — Взгляни на себя. Ты могуч и красив. Кто угодно может потерять голову при виде копны твоих рыжих волос и ясных голубых глаз. Ты из тех мужчин, кто ни за что на свете не обратит внимание на такую, как я. Разве это не очевидно?

Горца удивили ее речи. Как у Пэрис могли возникнуть подобные мысли, если для него она самая восхитительная особа из всех, кого он когда-либо встречал? Он подошел к ней и

наклонившись, осторожно приподнял ее подбородок.

— Мне ни к чему знать, что нравится другим, я знаю, что нравится мне. И я, Алистер Сазерленд, могу поклясться на чем угодно, что не имел чести быть знакомым с более красивой, милой, умной женщиной, что стоит сейчас передо мной. И я могу назвать бесчисленное количество причин, по которым буду счастлив преподнести тебе в подарок вещь, изготовленную моим другом Ральфом.

— О, боже, это самое романтичное, что когда-либо случалось со мной в жизни, — прошептала Хуана. И забыв про то, что они не одни, бросилась к горцу и поцеловала.

Измученному ее внезапной выходкой Алистеру не оставалось ничего другого, как подхватить Пэрис и поцеловать ее в ответ, осуществив, наконец, то, о чем он грезил с самого первого момента их встречи. Эта крошка сумела заполнить собой все его мысли и все его сердце.

Хуана почувствовала себя героиней фильма «Красотка», когда Алистер улыбаясь, опустил ее на землю.

— Теперь тебе известны мои чувства? — Хуана ошеломленно кивнула. — Тогда поторопись выбрать подарок, и давай уберемся отсюда?

Молодую женщину позабавило нетерпение, мелькнувшее в его глазах. Под любопытными взглядами окружающих, она оглядела ларец и указала на браслет с дымчато-серыми камнями, обрамляющими монограмму из буквы «А» по центру.

— Алистер Сазерленд, ты делаешь мое пребывание здесь чрезвычайно увлекательным.

Горец уже привык к тому, что не способен понять и половины произнесенных слов Пэрис, так что, вытащив из кармана несколько монет, расплатился со своим другом Ральфом и они направились дальше. Отыскав в рыночной кутерьме знакомые лица, Алистер первым делом подхватил на руки Мод, которая уже валилась с ног от усталости.

— Смотри, что у меня есть, — прошептала Хуана на ухо подруге.

— На какие деньги ты его купила? — с удивлением спросила Хулия, разглядывая красивый браслет.

— Это подарок Алистера — с взволнованной улыбкой ответила Хуана.

— Сдается мне, этот рыжий горец хороший человек — сказала Хулия и взяла ее за руку.

— Да, очень, — пробормотала Хуана, любуясь тем, как он развлекает Мод.

— Только не говори, что ты на него запала, — Хулия хмыкнула, когда подруга кивнула ей в ответ. — Ты что совсем мозги растеряла? Не забывай, что мы здесь ненадолго. Ну, по крайней мере я на это надеюсь. Ты же не собираешься остаться здесь навсегда? К чему тогда влюбляться в мужчину, который, как тебе известно, твоим никогда не станет?

Хуана понимала, что все сказанное подругой — правда, она бы и хотела возразить, но впервые в жизни не могла найти слов. То, что сейчас происходило с ней, было похоже на фантастический сон, который рано или поздно закончится, и вместе с ним Алистер исчезнет из ее жизни.

— Боже, конечно же ты права, но он так говорит со мной, что я в буквальном смысле каждый раз теку. Сегодня, например, он сказал, что я красивая и веселая. И то, что я ему нравлюсь. Верить или нет, но самый большой комплимент, которым меня парни удостаивали — «Милашка». Милашка! Знаешь, это все равно, что сказать: «Прости, но до красавицы тебе далеко». — Закатив глаза, она с улыбкой взглянула на Хулию. — Обычно мужчины, которые обращают на меня внимание мне не нравятся. Я не могу идти наперекор своим желаниям и стремлениям. А Алистер... он такой другой. И сегодня поцеловал меня!

Ну, вернее я поцеловала его, а он ответил мне. И, подруга, ты даже не представляешь, какой это был поцелуй! Я чуть прямо там...

— Замолчи, ради бога! Я замужняя женщина, в период полного воздержания, — заткнула уши Хулия. — И знаешь, что я тебе скажу?

— Что?

— Наслаждайся моментом, но помни, что рано или поздно это закончится.

Хуана посмотрела на Алистера, который все еще играл с Мод, и радостно улыбнулась. Теперь она не собиралась тратить понапрасну ни секунды. Словно услышав ее мысли, Алистер повернулся к ней и подмигнул. В ответ она послала ему воздушный поцелуй.

— Ради Бога, Пэрис, — отругала ее проходящая мимо Фиона. — Виданное ли дело вести себя так вольно с мужчиной. Ты уже достаточно раззадорила Алистера, не стоит заводить его еще больше.

— Ой, как я погляжу, от ваших глаз никуда не скрыться.

Старушка повернулась к ней и подмигнула. Затем, понизив голос выдала такое, отчего они все засмеялись.

— Не стоит забывать, что я тоже женщина и когда-то даже была молода.

ГЛАВА 26

На следующий день после того, что произошло в библиотеке, простуда Монце усилилась. У нее поднялась температура, и не осталось сил даже на то, чтобы разговаривать. Деклану, привыкшему быть в курсе всего, что происходило в замке, доложили о самочувствии девушки и он едва удержался, чтобы тотчас не спуститься в крыло прислуги и навестить ее. Это породило бы сплетни. Но прошло уже два дня, хороших вестей по-прежнему не было, а его нетерпение меж тем росло. Он умирал от желания повидать Синди, пусть даже их встреча могла снова перерасти в стычку. Но все же сдержал свой порыв и вместо того, чтобы пойти самому, послал слуг отнести ей хорошее одеяло и красивый букет цветов.

— Доброе утро, — поздоровалась горничная, входя в комнату прислуги.

Монце чувствовала себя немного лучше и рассеянно напевала нехитрую песенку:

— *...я подожду, пока ты почувствуешь то же, что и я, пока не помотришь на луну такого же цвета....*

— Доброе утро, Эдель. — Хулия с любопытством посмотрела на гостью.

— Эти цветы передали Синди, — пояснила Эдель, краем уха пытаясь уловить, о чем же поет молодая женщина.

Едва слышав свое имя, Монце оставила пение и переключилась на разговор.

— Мне? — удивленно спросила она.

— Хм-м... Думаю, кое-кто времени зря не терял, — усмехнулась Хуана.

— Да, разве что ты... с отцом своих будущих детей, — Монце бросила на подругу быстрый взгляд. — Кстати, браслет, что он тебе подарил, выглядит очень мило.

— Правда? — Хулия смущенно хихикнула и ласково потеревила подарок. — Он такой ми-и-илый!

Монце утаила от подруг то, что случилось в библиотеке, но и у нее присланные цветы вызвали недоумение. Поэтому, пока она второпях натягивала платье, ее сердце готово было выпрыгнуть из груди.

— Эдель, они действительно для меня?

Горничная кивнула в ответ, и Монце с волнением оглядела изысканную вазу темного

стекла. Как и следовало ожидать, никакой записки она не нашла.

— Кто послал цветы, Эдель? — улыбнулась Хулия.

— Лэрд Кармайкл, — ответила служанка. — Вот его слова: «Поди к Синди, отнеси ей одеяло и эти цветы. Передай мои искренние пожелания скорейшего выздоровления».

— Боже, как ми-и-и-ло! — вздохнув, Хуана ткнула в бок свою недогадливую подружку, которая в этот момент почувствовала странный жар, пробежавший по ее телу.

На Монце вновь обрушились воспоминания о том, что случилось в библиотеке. Деклан, его хриплый голос, взгляд полный страсти и их поцелуй...

— Ну, возможно мы раздуваем из мухи слона, — предположила Хулия. — Может таким образом герцог решил принести извинения за все свои придирки и зарыть топор войны?

— Мне жаль тебя разочаровывать, но для этого Кармайклу придется приложить усилий больше, чем визажисту Марухиты Диас, — ответила Монце, опуская вазу на дощатый стол.

Вдохнув аромат цветов, она почувствовала странную радость. Ведь этим нехитрым жестом, Деклану удалось тронуть ее сердце.

В тот день Монце была избавлена от обязанностей по уборке, поэтому в хорошем настроении поспешила на кухню, чтобы помочь Эдель со стряпней.

Так прошло несколько дней. Однажды, когда Монце удалось справиться с работой по дому чуть раньше обычного, она решила проведать Мод. Захотелось немного развлечь девочку и поиграть в прятки с малышом Фитцем. Ведь с самого утра зарядил дождь и выходить на улицу совершенно не хотелось. За веселыми занятиями Монце и ее маленькая подружка провели несколько часов. Томясь от безделья во время болезни, девушка научила щенка разным трюкам. И теперь, глядя на них, Мод не могла удержаться и восторженно засмеялась.

Именно этот смех и привлек внимание Деклана. Он впервые слышал, как искренне смеялась его дочь! Осторожно открыв дверь в комнату, он удивился, когда застал свою дочь, катающуюся по полу от смеха. Некоторое время он наблюдал за своей малышкой. Ему еще не доводилось видеть ее такой счастливой и улыбающейся. Это зрелище его внезапно взволновало. Он знал, что поступает несправедливо по отношению к ней, но после смерти Изабеллы один лишь взгляд на дочь разбивал ему сердце. Вот почему он оставил ее на попечение своей матери, а сам ушел воевать за свои земли. Но теперь чувствовал, что что-то в нем изменилось, и, нравится ему или нет, этим он обязан Синди.

В этот момент щенок, до этого весело скачущий по комнате, застыл на месте и посмотрел в сторону двери. Монце тоже заметила, что герцог наблюдает за ними и напряглась.

«Господи, он сейчас снова примется отчитывать меня за то, что я привела сюда пса. Готовься, Монце, сейчас ты услышишь в свой адрес отнюдь не лестные эпитеты», — подумала она со вздохом.

Деклан, поняв, что его раскрыли, удивил всех не на шутку.

— Могу я войти?

Мод бросила смущенный взгляд сначала на девушку, а затем взяла щенка на руки и кивнула. Монце была готова к новой битве, прекрасно понимая, что за этими словами должно последовать.

— Конечно, сэр, вы же в своем доме, — ответила она легко и весело.

— Сэр?! — удивился он, вспоминая их последнюю встречу.

Ответив улыбкой на его вопрос, молодая женщина, глядя ему прямо в глаза четко и ясно

произнесла:

— Конечно, Деклан, это же твой дом.

Герцог улыбнулся и повергнув всех в изумление, уселся прямо на пол рядом с ними.

— Над чем вы смеялись? Ваш смех слышен во всем замке.

Малышка Мод, до сих пор находящаяся в некотором ошеломлении от такого внимания, посмотрела на отца и прошептала, тут же опустив взгляд.

— Простите, отец. Мы не хотели вас беспокоить.

Деклан ужаснулся, когда понял, что одной фразой заставил померкнуть счастье в глазах своей дочери. Он взял ее за подбородок, поднял к себе лицо и бархатным голосом, от которого у Монце мурашки побежали по всему телу, произнес:

— Мод, мне нравится слышать, как ты смеешься, потому что у тебя красивый смех. И я должен принести извинения за то, что не уделял достаточного внимания тебе. Но, обещаю, отныне все будет по-другому.

Девочка удивленно посмотрела на Монце. Ее отец никогда не был так добр к ней.

— Прекрасно! Ты вместе с папой снова одна команда, — радостно захлопала в ладоши Монце, но заметила недоумение на лице малышки.

— Команда? — хором спросили девочка и ее отец и рассмеялись.

— Синди, иногда я не могу понять твои слова. Что такое «команда»? — Мод не терпелось получить ответ.

Монце, застигнутая врасплох таким вопросом, перехватила лукавый взгляд герцога и попыталась не пасть лицом в грязь.

— Ты права, Мод, иногда я говорю очень странные вещи. Может потому, что я и сама такая странная? — Все снова засмеялись. — Там, где я живу, командой называют нескольких человек, которые совместными усилиями пытаются достичь одной цели. Вот вы с отцом, к примеру, всю свою жизнь будете бороться за любовь и понимание друг друга. Я понятно объяснила?

— Да, — переглянувшись, согласились они.

— Синди, а ты в чьей команде? — спросила девочка.

Этот вопрос поверг Монце в шок и на секунду она замешкалась с ответом. Нельзя было вводить девочку в заблуждение, ведь рано или поздно ей придется уйти.

Но тут на выручку к Монце пришел Деклан.

— Конечно, она в нашей команде. Как ты можешь подвергать это сомнениям, Мод? — девочка улыбнулась. — Думаю и Фитц тоже может к нам присоединиться. Нам же нужна большая команда. Как думаешь, малышка?

— В самом деле? — спросила Мод, широко распахнув глаза.

— Да, милая, конечно. Если хочешь, можешь оставить его себе. Навсегда. — Он улыбнулся.

— Сэр... то есть Деклан, с тех пор как я очутилась здесь, это самые удивительные слова, что услышала от тебя. И у меня нет сомнений в том, что ты ни разу не пожалеешь об этом, — Монце поразило каким образом герцог пытался завоевать доверие своей дочери.

Услышав такую пылкую речь, Деклан едва удержался, чтобы не поцеловать ее. И, видимо это ясно читалось в его взгляде, потому что Монце, смутившись, решила резко сменить тему и разрядить атмосферу, возникшую между ними.

— Принцесса, не хочешь показать папе игру, которой я тебя научила. Ты обязательно одержишь над ним победу!

Мальшка хихикнула и хитро посмотрела на отца блестящими глазами.

— Я научилась у Синди.

— Правда?

— О, да! И у нее это очень хорошо получается, — с улыбкой подтвердила Монце.

— Папочка, давай я тебе покажу.

— Папочка?! — удивился он, но, заметив испуганное лицо дочери, поспешил ее успокоить. — Я в полном восторге, когда ты зовешь меня папочка, Мод... Мне это нравится!

«Папочка...» — мысленно повторил Деклан. У него потеплело на душе от того, как ласково назвала его дочь. Так что он поспешил устроиться рядом с ней, и радуясь такому живому интересу, выслушал правила игры.

— Надо держать руки — вот так, ладонями вниз и смотреть друг другу прямо в глаза. Но будь внимателен папочка, ты должен отдернуть руки до того, как я шлепну тебя по ним.

Монце, присев на краешек кровати, несколько минут наблюдала за игрой. Одна лишь мысль о том, как простая забава смогла в разы сократить огромную пропасть между отцом и дочерью, приносила ей огромное наслаждение. Казалось невероятным, что ребенок легко смог найти с отцом общий язык, учитывая какими были их отношения в прошлом. Мод преподала отцу урок, и Монце надеялась, что он оценит его и запомнит на всю жизнь. И именно в этот момент она поняла, что невидимой стены, которая стояла между Декланом и его дочерью, никогда не было.

— Папочка, ты проиграл... снова!

— Твоя взяла, Мод, — радостно засмеялся он. — Думаю, уроки Синди были так хороши, что я не могу с тобой тягаться.

— Сэр, ваша дочь ловит все на лету, — улыбнулась Монце.

— Сэр?! — приподнял он бровь, заставив ее смутиться.

— Схожу на кухню за печеньем. — Мод помчалась к двери, перепрыгнув через растянувшегося на полу Фитца.

Монце, обнаружив что очутилась в опасной близости от герцога, задумчиво поправила локон и отступила на пару шагов. Он тоже почувствовал неловкость и переспросил:

— Сэр?! Мы же вроде договорились?

— Знаю, знаю... — усмехнулась она.

— Как твое самочувствие после болезни?

— Спасибо, все хорошо. Но я хочу извиниться за то, что накануне вела себя непозволительно грубо, совсем как хамка.

— Хамка?

И тогда она снова повторила жест, от которого у Деклана сладко замирало сердце — с улыбкой поправила выбившуюся прядь. То, как она провела кончиками пальцев по своим волосам, было пронизано чувственностью и совсем лишало его разума.

— Хамка — значит невоспитанная. Я назвала себя так, потому что вела неподобающе. Простите, я не отдавала себе отчет, — пояснила она, пытаясь уловить его реакцию.

Он кивнул в ответ, но в его глазах скользнула настороженность. От одного взгляда на ее губы, таких сладких на вкус, Деклан не смог удержаться и склонился к ее лицу, отчаянно желая поцелуя.

— Если я сию секунду поцелую тебя, ты назовешь меня хамом?

Ошеломленная Монце покачала головой, и Деклан прижался к ее губам. Он мечтал об этом все прошедшие дни и теперь не мог оторваться. Только она могла утолить его жажду. И

когда почувствовал, как Синди, ответив ему, приоткрыла рот и ее шелковистый влажный язык коснулся его губ, понял, что на седьмом небе от счастья. Ему захотелось тотчас подхватить ее и отнести к себе в покои, раздеть и сделать своей. Но он не мог так с ней поступить. Это противоречит его принципам.

Монце, потерявшая голову от подобного проявления чувств, жаждала большего, поэтому без раздумий смело оседлала колени Деклана и впилась ему в губы страстным поцелуем.

Мужчина, не ожидавший от нее такого пыла, лишь одобрительно фыркнул. Так бы они и целовались, позабыв обо всем на свете, если бы их не прервал топот маленьких ножек. Монце торопливо соскользнула с герцогских колен и когда дверь распахнулась, Деклан поспешил навстречу дочери.

— Прошу меня простить. Пора заняться делами, не терпящими отлагательств, — хриплым от волнения голосом произнес он.

И поспешил уйти, даже не посмотрев напоследок на Монце.

— Я чем-то расстроила папочку? — растерянно спросила Мод.

Монце все еще находилась под впечатлением от недавних событий, но понимала, что девочка ждет от нее ответа, так что ласково ей улыбнулась и усадила рядом с собой.

— Вовсе нет, принцесса. Просто твоего отца ждут важные дела.

Монце еще некоторое время поиграла с девочкой и щенком, хотя все ее мысли были о герцоге. Она гадала, где он и чем занят.

Поздним вечером, после нехитрого ужина в компании Колина, Эдель и Агнес, Монце решила прогуляться, чтобы привести в порядок бушующие в голове мысли. После случившегося днем в спальне Мод, она не могла думать ни о ком другом, только о Деклане. От воспоминаний о его страстном поцелуе, сладкая дрожь охватила все ее тело и Монце поняла, что отчаянно нуждается в большем. Гораздо большем.

«Глупо отрицать, Монце, что ты хочешь секса. Своим поцелуем этот мужчина показал тебе, как хорошо с ним может быть, и тебе до безумия захотелось попробовать. Глупо отрицать... Но тебе надо забыть об этом сию же минуту! Зачем добавлять проблемы к тем, что уже и так висят на твоей шее», — ругая себя, она никак не могла оторвать глаз от света, льющегося из окон его покоев.

— Хватит! Я иду спать. Надеюсь, сон поможет мне выбросить из головы подобную чепуху.

Но едва войдя в кухню, Монце резко остановилась. Почему бы ей, женщине двадцать первого века, независимой и незамужней, не насладиться сексуальной жизнью в полной мере. Она крепко зажмурилась всего на секунду и когда открыла глаза, то решение было принято окончательное и бесповоротное. Если Деклан Кармайкл стал для нее объектом самых страстных желаний, то к чему все эти отговорки?

Полная решимости, она по лестнице поднялась в гостиную. Убедившись, что зал пуст, поспешила к следующему лестничному пролету. Стараясь не шуметь, проследовала мимо комнат Фионы и Мод, пока не добралась до покоев Деклана.

«Глупая, что я творю?» — стучало у нее в голове.

Но она уже не могла сопротивляться своим желаниям, поэтому, без стука распахнув дверь, скользнула в герцогские покои. Деклан, в расстегнутой белой льняной сорочке и светлых брюках, стоял у камина, погруженный в свои мысли. Поздний визит поверг его в изумление, он посмотрел на Монце и отставил бокал с вином на каминную полку.

Не нужно было никаких слов. За них говорило сбившееся дыхание и опаленные

страстью взгляды. Влекомые единым желанием, они бросились в объятия друг друга и слились в жадном поцелуе. Вызов горел в глазах Монце, вызов, который сводил Деклана с ума.

Монце, ощутив мягкую теплую кожу под своими руками, выгнулась навстречу. Она нетерпеливо стянула с Деклана сорочку, одним махом обнажив его до пояса. Мужчина из ее фантазий, о котором она грезила столько раз, стоял сейчас перед ней. Деклан же не скрывал, что готов откликнуться на любые желания Синди. Разгоряченный, поддавшись необузданной пылкости молодой женщины и отбросив свою знаменитую сдержанность, подхватил ее на руки и как добычу отнес на кровать. Когда Монце улыбнулась ему и томным жестом распустила волосы, Деклан совсем потерял голову и прикусил ей нижнюю губу.

— Твоя улыбка сводит меня с ума, — прошептал он, прежде чем вновь поцеловать ее.

Довольная его словами, Монце не прерывая поцелуев, позволила раздеть себя. Сначала с ее плеч соскользнул лиф, а затем и белая блуза была небрежно отброшена в сторону камина. Едва Деклан обнажил ее до пояса, то сразу припал губами к ее груди. Прикоснувшись к соскам, лизнул, и когда в ответ раздался прерывистый вздох, легонько прикусил. Его губы кривились в похотливой усмешке. Он торопливо развязал на Синди пояс и, спустя мгновение, юбка отправилась вслед за блузой.

— Боже мой, этот мужчина знает толк в доставлении удовольствий...

Деклана восхитило то, как раскованно девушка вела себя с ним. В его глазах появилось что-то новое, дикое и необузданное. Он положил руки на восхитительные ягодицы и увлек Монце за собой, уложив поверх себя. Тонкая черная ленточка, скользнувшая меж пальцев, повергла его в шок.

— Что это?

Монце улыбнулась. Деклан не мог отвести взгляд от фиолетовых с черным трусиков.

Конечно, он же впервые видит нечто подобное. Монце решила еще больше подстегнуть его желание и встав во весь рост, чувственным движением провела ладонями по бедрам.

— Стринги.

— Стринги?! — Мужчина не смог удержать смех.

— Да. В наше время так называют женское белье. Такому фасону отдает предпочтение большая часть женщин.

И как только она решила, что больше ничем не сможет удивить, Монце поняла, что ошиблась. На этот раз внимание Деклана привлек ее живот.

— Ради всех святых, что ты сотворила со своим пупком? Эта штука так нестерпимо блестит.

Монце с улыбкой прикоснулась к украшению. Затем, взяв Деклана за руку, жестом предложила ему самому попробовать наощупь поблескивающую в ее пупке бусину.

— Это называется пирсинг. Сережка в пупок, — объяснила она, приблизившись к его губам.

Озадаченный подобной находкой, Деклан растерянно посмотрел на Монце.

— Разве серьги не предназначены для ушей? — в его голосе проскользнуло тщательно скрываемое удивление.

— Да. Но, как я уже говорила, к моему времени многое изменилось. Теперь серьги носят на любой части тела: не только на мочках ушей, но и на пупке, в брови, на языке...

— На языке?! — удивился он еще больше и отстранился, не в силах поверить в это.

— Да, и кое-где еще, но, если я скажу, где именно, ты вряд ли поверишь.

Некоторое время Деклан тараторил на нее, пытаясь переварить обрушившуюся на него информацию, пока Монце не решила, что пора бы вернуть его мысли в правильное русло.

— Тебе нравятся мои стринги и мой пирсинг? — Стоя рядом с кроватью, она томно покачала бедрами, чем вновь привлекла внимание герцога.

Скользнув по ней жадным взглядом, он почувствовал жгучее желание и изогнул губы в похотливой усмешке.

— Безумно. Прошу, вернись обратно в кровать. Мне хотелось бы поближе рассмотреть ту... ну, ту штуку в пупке и стащить с тебя эти... стринги.

Монце соблазнительно потянулась и со свойственной только ей очаровательной чувственностью, ухватила за столбик в изголовье кровати, и проворно забралась на колени Деклану.

— Вот и я, Кармайкл. Вся в твоём распоряжении!

Деклан, заведенный до предела, поднял руки, которыми до этого стискивал тьюфак, набитый шерстью, и осторожно потянул за тонкие полоски ткани, именуемые стрингами. И снова был сбит с толку, когда перед его взором предстал идеальный треугольник каштановых волос.

Монце, понимая его изумление, приподнялась с колен и прошептала ему на ухо:

— То, что тебя так удивило, мы называем бразильской эпиляцией.

Возбуждение достигло предела и к тому моменту, когда нежные пальцы девушки принялись за тесемки его штанов, Деклан отбросил в сторону всю сдержанность и терпение. В стремлении поскорее закончить эту сладкую пытку, он приподнялся, облегчив Монце задачу высвобождения его мужского достоинства из тесных оков одежды. От одного вида его великолепного члена, она не смогла скрыть восхищенного удивления.

Деклану понравилась то, как довольно улыбнулась Синди. Он сжал ее в объятьях и уложил на спину, широко раздвинув ей ноги. Не в силах больше сдерживать свои желания, без дальнейших церемоний резко толкнулся членом внутрь, вырвав стон наслаждения из уст девушки.

— Я называю это овладением, — прошептал он ей на ухо.

Дикий, как пламя, жар охватил тело Монце, и она приподняла бедра, чтобы принять его еще глубже. Она желала, чтобы он овладел каждой клеточкой ее тела. Все в этом человеке буквально сводило ее с ума. Его рот, мужественный запах и голос, звучащий так властно и требовательно, когда они занимались любовью.

Обуреваемый страстью, Деклан с удовольствием отметил ее порыв. Он понимал, что девушка совсем не невинна, и это только усиливало пыл, поскольку на каждый его страстный натиск она отвечала с неким бесстыдством. Когда ее тело содрогнулось в экстазе, и он услышал протяжный стон, то последовал за ней, с хриплым рыком уронив обессиленное тело прямо в ее объятья. Каждый дюйм кожи горел. Деклан, пытаясь перевести дух, понял, что своим весом может легко раздавить девушку, поэтому поспешил скатиться на кровать и был вознагражден улыбкой полного удовлетворения.

— Если ты продолжишь так улыбаться, я овладею тобой снова.

Монце расхохоталась от всей души, но внезапно напряглась и села на кровать.

— Боже мой! О, Господи! — Она схватилась за голову.

Герцога встревожила такая реакция и, присев рядом, он погладил ее по спине и заглянул в лицо.

— Что тебя так встревожило?

— Господи, мы же занимались незащищенным сексом. Без презерватива! И я не могу здесь воспользоваться таблетками экстренной контрацепции. Боже!

— Презерватив? Таблетки?

Откинув волосы с лица, Монце повернулась к нему.

— Таблетки — это такое снадобье, которое женщины принимают после того, как разделили с мужчиной постель, если только они не использовали презерватив. А презерватив — это такой колпачок, который мужчины надевают на член, чтобы женщина не забеременела и, если не хотят заразиться срамной болезнью.

— Колпачок? — повторил, пораженный. — Объясни, что это за страх божий?

То, с каким выражением лица он это спросил, вызвало улыбку Монце, и она расслабилась, отбросив свои страхи в сторону. Потянув мужчину за собой обратно в постель, прижалась к нему всем телом. Они еще долго говорили о вещах, которые Деклану с трудом удавалось принять и которые Монце, со всем присущим ей пылом, доказывала. И они занимались любовью до тех пор, пока за окнами не забрезжил рассвет. Наконец, Монце поднялась с кровати и принялась собирать свою разбросанную одежду.

«Ну и видок у меня», — подумала она, посмотрев на себя в то самое зеркальце, купленное в антикварном магазине Эдинбурга.

— Куда ты собралась? — спросил Деклан.

— К себе в комнату. А то еще немного и я умру. — Она очаровательно зевнула.

— Почему ты говоришь о смерти?!

И успокоился только тогда, когда услышал ее смех.

— Я хотела сказать, что умираю, как хочу спать.

Обескураженный таким весельем, он перехватил ее руки, туго затягивающие пояс юбки, и поцеловал их.

— Хочешь, останься здесь. Мне нравится, когда ты лежишь у меня под боком.

— Спасибо, но я беспокойно сплю, и буду тебе мешать, — поддразнила она, отстраняясь.

Деклан, совершенно обнаженный, остался сидеть на своей кровати. Очень давно он не чувствовал себя в подобной эйфории.

— Синди, могу я кое о чем тебя спросить?

— Конечно.

— Помню, однажды в пылу спора ты упомянула своего отца. Что случилось с ним и твоей матерью?

— Моя мать скончалась при родах, а отец умер несколько лет назад. — Монце не хотела выдавать подробности своего тяжелого детства, но по взгляду Деклана поняла, что он ждет большего и со вздохом продолжила: — Ты вспомнил день, когда я сравнила тебя с моим отцом... Я поступила так нарочно, потому что не хотела, чтобы Мод постигла моя судьба. Отец ни дня не любил меня и не устаивал своим вниманием. Я была для него обузой и непосильной ношей. Твоя дочь не заслуживает быть одинокой или ненужной. Только не Мод. Она замечательная девочка.

— Но я обожаю Мод. Ты не представляешь, как сильно я люблю ее. И никогда не брошу свою дочь.

— Я знаю, Деклан. Но малышке это может быть неведомо. Я пыталась донести до тебя что ты должен дать ей это знать. И вот теперь Мод улыбается, не сжимается от страха при виде тебя, а смело подходит и даже целует. И она назвала тебя папочкой, а ведь раньше и

подумать не смела об этом?

— Согласен, — честно ответил горец.

— Тогда радуйся, красавчик. Я помогла твоей дочери понять, насколько сильна любовь ее отца.

Монце своей улыбкой тронула его сердце. Герцог кивнул, а девушка, перехватив его взгляд, принялась отчитывать:

— Не смотри на меня так!

— Почему?

— Потому что от твоего взгляда я готова сквозь землю провалиться. Это так возбуждает. — Увидев, что Деклан встал и направился к ней, отпрыгнула назад. — Даже не вздумай меня целовать. На сегодня поцелуев больше не осталось.

— Они закончились?

— Да. Они закончились.

Но Деклан смотрел на нее с такой чувственной страстью, что, не удержавшись, она сама повисла у него на шее и прижалась к нему губами. Затем толкнула на кровать, пылко поцеловала еще раз и убежала, оставив его одного. Распаленного в недоумении.

— Это был замечательный опыт, Деклан Кармайкл, — объявила она, прежде чем дверь за ней тихо затворилась.

И ушла...

Герцог, ошеломленный подобным всплеском страсти, лежал в своей постели, и довольная улыбка играла у него на губах.

— Замечательный... просто потрясающий опыт, Синди Кроуфорд, — пробормотал он и тихонько рассмеялся.

ГЛАВА 27

Прошло несколько дней. Влюбленные, каждую ночь украдкой прятаясь в покоях Деклана, при свете дня старательно избегали друг друга, а если им это не удавалось, то каждая их встреча перерастала в яростный спор. Хотя больше половины таких стычек была лишь для отвода глаз. И каждая такая бурная перепалка лишь усиливала желание побыть наедине. Фиона взирала на их жаркие споры с высоты прожитых лет. Живой и пылкий взгляд, с каким ее сын обменивался колкостями с Синди, вызывал у нее много вопросов, но она предпочитала улыбаться и помалкивать. В то же время ее очень радовало, что отношения между Мод и ее отцом с каждым днем шли на лад. Деклан теперь частенько брал с собой дочь на конные прогулки, и они весело проводили вместе все свободное время.

Но чем больше солнце склонялось к закату, тем сильнее тайных любовников охватывало странное томление. И, хотя каждое утро Монце, обманывая себя, клялась больше не переступить порог герцогских покоев, едва наступала ночь, как она, будто на крыльях неслась к Деклану. Конечно же, Хулия почти сразу же узнала про эту интрижку, но, как и все остальные, решила держать язык за зубами.

Влюбленные же не спешили объясняться друг другу в любви и даже не заикались о будущем, хотя стоило им расстаться всего лишь на час, как изнутри их начинал пожирать палящий огонь страсти.

Наконец наступил долгожданный день для малышки Мод, ее день рождения. Обитатели Элчо под предводительством Монце, организовали для нее вечеринку-сюрприз. При виде того, как счастливо улыбался ее сын своей маленькой дочери, сердце Фионы переполняла гордость. А значит боль от утраты дражайшей супруги, память о которой Деклан бережно

хранил годами, наконец утихла.

— Торт несут! — восторженно воскликнула Хулия.

Гости столпились у стола именинницы, куда служанки водрузили нехитрое творение местных кондитеров. Эдель только собралась его разрезать, когда ее остановила Монце.

— А разве мы не будем петь Мод «С днем рождения»?

Все с удивлением уставились на молодую женщину. О чем это она?

— Послушай, принцесса, — сказала Монце после того, как отправила Хулию на поиски свечей. — Там, откуда я приехала, есть такая традиция. Праздничный торт мы обязательно украшаем зажженными свечами, по одной за каждый прожитый год. Потом гости поют поздравительную песню и именинник, загадав желание, задувает все свечи зараз. Хочешь такого и для себя?

Девочка посмотрела на отца, ища одобрения, а он лишь с улыбкой кивнул ей в ответ. Хулия торопливо зажгла свечи, воткнула их в торт, и под ошеломленными взглядами присутствующих, три чужестранки громко затыкнули:

— С днем рожденья, тебя! С днем рожденья, тебя...

И когда последний куплет потонул в шумных овациях, виновница торжества при небольшой поддержке гостей с весельем задула свечи.

Так, с подарками, играми и сюрпризами прошел весь день, а когда солнце ушло за горизонт, все обитатели замка собрались у костра, чтобы петь и танцевать. Ведь день рождения малышки здесь праздновали впервые. Все прошлые годы герцог пребывал в тоске и унынии и ему даже в голову не приходило устроить подобное торжество. Но теперь, когда отец и дочь были по-настоящему счастливы, Деклан был готов пойти на все, лишь бы его малышка радовалась и смеялась.

Старики принесли волынки и шотландские гитары, которые внешним видом походили на знаменитые испанские бандуррии. Смелчака, который рискнул первым исполнить старинную балладу, наградили одобрительными аплодисментами.

— Мы хотим услышать, какие песни поют в ваших краях! — Колин с вызовом посмотрел на сидевших вместе подруг.

— На самом деле? — засмеялась в ответ Хуана.

При виде с каким жаром местные жители подхватили это предложение, у вовсю развеселившейся к тому времени Хулии, возникла идея, с которой она тут же поделилась с Монце и Хуаной.

— Что выбираете, La Masarena или Viva España? Давайте заставим всех разинуть рты от удивления!

Когда девушки расхохотались в предвкушении, к ним тихонько подошла Эдель.

— Синди, не могла бы ты исполнить ту песню, что напевала несколько дней назад?

— Это еще какую? — непонимающе спросила Монце.

Эдель бросила быстрый взгляд в сторону Неда.

— Та, в которой женщина поет своему возлюбленному, что надеется на то, что он не сможет жить без ее любви.

Монце улыбнулась и покачала головой. Она поняла, о какой песне шла речь, но предпочла бы сгореть со стыда, чем петь в одиночку перед такой толпой.

— Ну, Синди! Давай же, спой! — К просьбе присоединилась и Мод.

Монце смущенно посмотрела на Деклана и покачала головой. Ему было неизвестно об этой ее стороне, так что, усмехнувшись, он начал подначивать ее:

— Ты не можешь отказаться. Мод сегодня главная, и она требует песню.

— Да, пожалуйста, Синди, — попросила девочка.

Монце в ответ на очередную усмешку обожгла герцога недовольным взглядом.

Ее дерзость сводила его с ума.

— О какой песне вы говорите? — спросила Фиона Хулию.

— Она на испанском и называется «Я буду ждать». Ее написал Армандо Мансанеро, — пояснила Монце.

— Ах, подруга, как романтично! — прошептала Хуана, подмигивая Алистеру.

— Что ж, Синди, звучит прекрасно. Жаль мы не сможем понять, о чем речь, — встряла в разговор Агнес.

— О, не стоит волноваться об этом. Пока Синди поет, я переведу для вас слова, — сказала Хуана, которая наконец решила оставить на время своего обожаемого Алистера.

Толпа, собравшаяся у костра, уже в голос требовала песню, подкрепляя громкие крики топотом и овациями. Монце поняла, что просто так от нее не отстанут и покорно вышла в круг.

— Хорошо, хорошо. Я спою вам. Но если в ответ на мое пение небеса разверзнутся и грянут гром и молнии, я не виновата, договорились?

Все громко рассмеялись. Что Синди, что ее подруги, за то короткое время, которое провели в Элчо, успели завоевать всеобщую любовь.

Монце встала, глубоко вздохнула и закрыла глаза. Когда она начала петь, Хуана шепотом перевела слова на английский.

Я подожду, когда почувствуешь ты то же, что и я,

Когда Луну того же цвета ты увидишь,

Я подожду, когда мои любовные стихи ты разгадаешь,

Когда найдешь тепло в моих объятьях.

Я подожду, когда пойдешь дорогой той же, что и я,

Когда отдашь мне душу, как отдала тебе свою.

Я подожду, когда начнешь ты видеть сны ночами,

Когда захочешь вдруг меня поцеловать.

Забыв обо всем на свете, Монце открыла глаза и посмотрела на Деклана, который, как замороженный не мог отвести от нее взгляд.

Я подожду, когда меня ты за руки возьмешь,

Во всех твоих воспоминаниях буду я всегда с тобой,

И что присутствие мое миром твоим станет,

И вдруг поймешь, что без моей любви не сможешь прожить.

Ошеломленная тем, сколько любви было во взгляде Деклана, Монце изменила последние слова в песне, а конечную строфу закончила почти шепотом.

Я подожду, когда по мне скучать ты будешь,

Когда попросишь, чтоб тебя я никогда не покидала,

И ты меня не будешь покидать,

Все как угодно, любимый, я буду ждать.

Все время, пока она пела, вокруг царило молчание, не все могли понять, о чем пелось в этой песне, но ни от кого не могло укрыться то, как герцог и эта молодая женщина смотрели друг на друга. Когда песня закончилась и Монце улыбнувшись, поклонилась, публика разразилась аплодисментами. Деклан же все еще находился под впечатлением от слов

песни, которые так отозвались в его сердце и душе.

Когда праздник подошел к концу и замок наконец затих, Монце поспешила к Деклану. Тот с нетерпением ожидал ее, расхаживая по комнате, словно волк в клетке. Лишь только Монце вошла, он бросился к ней, крепко обнял и подарил восхитительный поцелуй. Той ночью они долго занимались любовью. Безмолвно отдавались страсти, потому что все слова за них были сказаны романтической песней...

ГЛАВА 28

Два дня спустя, Монце, спускаясь на кухню вслед за подругами, услышала топот копыт. Выглянув в окно, она увидела лэрда вместе с Алистером во главе группы всадников, рысью удаляющихся прочь из замка.

— Куда они помчались? — обеспокоенно спросила она. Прошлую ночь они с Декланом вновь провели бурную ночь перед камином в его покоях.

— Роуз О'Каллахан поутру прислала гонца. Судя по всему, на их земли напали. Наш лэрд отправился в замок Хантингтауэр на случай, если им потребуется помощь, — ответила Эдель.

Когда прозвучало имя той женщины, Монце почувствовала острую неприязнь. И осознание этого ей не понравилось

— Кто такая эта Роуз О'Каллахан? — поинтересовалась Хуана.

— Ее можно назвать поклонницей нашего лэрда, — пожаловалась Агнес. — Сохнет по нему с той самой поры, как он овдовел, и при любой возможности норовит заявиться сюда погостить.

— А что он испытывает к ней? — со звенящей злостью в голосе спросила Хулия.

— Ну, подруга, к чему разводить сплетни? Ты же не Опра Уинфри, не заставляй людей раскрывать чужие секреты, — перебила ее Монце, но Эдель уже начала говорить.

— Я не знаю, как на это ответить. Порой мне кажется, он от нее без ума, но, когда она начинает вести себя как капризное дитя, думаю, герцог готов ее возненавидеть. Правда это или нет, не моя забота, но наш лэрд знает о слухах, что о них ходят, однако доказывать обратное не спешит. Брак с Роуз принес бы пользу обоим кланам, и это ему хорошо известно.

Монце от этих слов отчаянно захотелось сбежать куда-нибудь подальше, но она же разумная женщина, так что осталась стоять на месте. Ей никак нельзя было забывать, что мир, в котором она сейчас жила, был миром Деклана, с его порядками, правилами и устоями, и она здесь всего лишь гостья, с которой он захотел провести несколько приятных ночей, не более.

— Ну а у вас, красотки, почему такие кислые физиономии? — Хуана переключилась на служанок. — Деклан Кармайкл одинок и чему удивляться, что он ищет себе спутницу, а если ее клан в беде — прийти на помощь, обычное дело, не так ли?

— Согласна. Герцог — молодой и привлекательный мужчина, и ему рано или поздно придется жениться снова, — кивнула Хулия, бросив на подругу недоуменный взгляд. Монце даже бровью не повела.

— А такая помощь между кланами в ваших местах приветствуется? — Хуана не отставала с расспросами.

— Да, Пэрис, конечно, — кивнула Агнес, подбрасывая поленья в очаг. — Разве соседи не должны поддерживать друг друга? Но одно дело простая помощь, а что, если дела обстоят хуже и нас ждут дурные вести? Тогда эта капризница со своими служанками не преминут

заявиться в наш замок и сделать наше обитание невыносимым...

— Такое возможно? — спросила Монце, приподняв бровь.

— О да. Я так думаю, — решительно заявила Эдель. — Как только они нагрянут, нам в Элчо можно будет попроситься со спокойными и мирными деньками. На нас посыпятся бесконечные требования и приказы, а наш господин ни слова поперек им сказать не сможет, и ни осадит, чтобы те вели себя поприличнее. А все мужчины в округе, что дворовые псы, примутся пускать на них слюни.

— Милая, я думаю, ты перегибаешь палку, — улыбнулась Хуана, отмахиваясь от слов служанки.

— Вот почувствуешь все на своей шкуре, тогда и поговорим, — прошипела Агнес, тыча в нее пальцем. — Вы с Алистером, конечно, сейчас друг от друга глаз не можете отвести, вовсю милуетесь, гуляете вместе и веселитесь. Но вот нагрянет сюда Эрин, и я посмотрю, как долго будет продолжаться ваша беззаботная жизнь.

Хуана, услышав незнакомое имя, насторожилась.

— Эй, это что еще за Эрин такая?

— Подруга мисс Роуз О'Каллахан, — с ехидцей просветила ее Эдель.

— Господи, помоги ей! — Сарказм Хулии вызвал у Монце улыбку.

— Ну и что с ней? — снова спросила Хуана.

Эдель сразу поняла, что с Хуаной лучше не ходить вокруг да около, поэтому заявила напрямик:

— Алистер Сазерленд долгое время водил с ней пашни. Я сама видела, как они встречались и в округе ходили слухи, что те не прочь провести ночь в одной постели. Пэрис, я могла бы прикусить язычок и не говорить все это, но хочу уберечь тебя от неразумных поступков. Держись от них подальше, иначе обожжешься и потом долго будешь зализывать раны. Понимаешь, о чем я говорю?

Эти слова посеяли сомнения в сердце Хуаны. Как мог Алистер, ее Алистер, тот, кто смотрел на нее щенячьими глазами и не переставая расточал слова любви, волочиться за другой? Делить с ней постель? Не в силах сдержаться, она горько вздохнула.

— Подруга, я вижу ты закипаешь, но давай реально смотреть на ситуацию. Мы же обе знаем, что ни к чему сейчас устраивать сцены ревности, мавританская моя королева. Ты не дурочка и должна понять, рано или поздно все это закончится, и ты оставишь его здесь. Это его жизнь, а не твоя или моя, так что держи себя в руках, наслаждайся отпущенным временем и не сходи с ума, договорились? — прошептала Монце ей на ухо.

Хуана закивала и смиренно вздохнула. Она понимала, что подруга права, но впервые в жизни ей захотелось поддаться воле чувств, а не разума.

— Девы, поторапливайтесь, — воскликнула появившаяся внезапно Фиона. — Надо успеть подготовить три лучшие гостевые комнаты и в изобилии настряпать угощения. Мы на несколько дней приютим О'Каллаханов, пока их дом не приведут в порядок. — Она перевела взгляд на трех испанок. — Я не хочу, чтобы между вами и женской половиной гостей вдруг возникли проблемы, понятно?

Девушки в ответ закивали, и Фиона поспешила по своим делам.

— Вот видите. Все, как мы с Эдель и предполагали. Поосторожнее с ними. — Агнес торжествующе сверкнула глазами.

ГЛАВА 29

Над замком Элчо уже давно сгустилась ночная тьма, а герцог со своими людьми так и

не вернулся. Это вызвало волнения и пересуды среди слуг и жителей окрестных деревень. Ведь если кто-то решился напасть на земли соседнего О'Каллахана, то и их замок тоже был под угрозой вторжения. С каждой минутой Монце чувствовала, как накалялась вокруг атмосфера и не могла не заметить страх, поселившийся в глазах женщин и стариков. Она не понимала, для чего кому-то причинять боль и страдания мирным людям, которые, чтобы прокормить свою семью, день и ночь возделывали поля и ухаживали за скотом.

Сейчас, когда Деклана не было рядом, она попыталась разобраться в своих чувствах. Что, если она по-настоящему влюбилась в него? Тогда ей стоит прислушаться к доводам рассудка и оборвать эту связь. Но чем дольше Монце думала об этом, тем меньше здравых мыслей оставалось в ее голове. Хотелось только одного — закрыть глаза и ощутить на себе горячие губы шотландца и услышать его хриплый голос, как всегда, когда они занимались любовью. Пусть ее увлечение начало выходить из-под контроля, она не хотела ничего менять.

Просидев в ожидании лэрда и его свиты до поздней ночи, и так и не дождавшись их, Фиона отправила отдыхать всех, кроме караульной стражи. Она знала, что следующий день обязательно должен принести вести. Так и случилось. Едва забрезжил рассвет, гонец привез ей письмо от герцога с просьбой прислать всех дееспособных жителей на помощь О'Каллаханам.

Не теряя времени, Фиона принялась собираться в дорогу. Солнце еще не успело подняться высоко, а обитатели замка уже отправились в путь, оставив на хозяйстве стариков и небольшой отряд охраны. Путникам предстояло еще засветло добраться до Хантингтауэра, что близ Перта, но, когда они ступили на земли О'Каллаханов, солнце уже давно скрылось за горизонтом.

— Матушка, — поприветствовал Фиону Деклан у входа в крепость. — Благодарю, что прибыли так скоро.

— Сын мой, мы выдвинулись, лишь только я получила известие от тебя. Как леди Роуз и сэр Роджер? Пребывают ли в добром здравии?

— Леди Роуз в порядке, хотя ее отцу не стало лучше с того времени, как мы видели его в последний раз.

Деклан старательно отводил взгляд от Монце. С тех пор, как ему пришлось покинуть Элчо, не было и минуты, чтобы он не вспоминал о ней. Но сейчас, когда их со всех сторон окружала глазающая толпа, он не мог дать зевакам пищу для пересудов, поэтому улыбнувшись малышке Мод, вернулся к матери. Они направились к одной из повозок из которой в эту минуту выбиралась Хулия.

— Норма, ты же разбираешься во врачевании и снадобьях? Тогда нам с тобой надобно навестить сэра Роджера.

— Да, леди Фиона. Уже спешу.

Спустя несколько секунд, когда обе женщины переступили порог огромных ворот крепости, Деклан остался наедине со своей дочерью и ее двумя спутницами. Был поздний час, Мод отчаянно нуждалась в отдыхе и Хуана по просьбе герцога подхватила ее на руки и унесла в выделенные покои.

— Ну, здравствуй, — произнесла Монце, когда герцог наконец взглянул на нее.

— Здравствуй, Синди. Как добралась? — Похоже этой девушке все-таки удалось заставить его напрочь забыть об окружении, потому что сейчас для него в целом свете существовала только она.

— Спасибо, хорошо, — расплылась она в глуповатой улыбке, — немного переживала за твою матушку. Всю дорогу она очень тревожилась о тебе. Надеюсь теперь, когда мы здесь, она найдет в себе силы отогнать дурные мысли.

Деклана, похоже это совсем не удивило. Ведь его мать всегда отличалась чрезмерной заботой ко всем без разбору.

— Или сведет нас с ума. Никогда не знаешь, чего ожидать от матушки, — добродушно пробормотал он.

Вернувшаяся Хуана, с неммым удивлением наблюдала за тем, как близко друг к другу стояли эти двое. С каких это пор они больше не грызутся между собой? И почему ее подруга тарашится на герцога с глупой улыбкой, не говоря уже о самом Деклане? Но сознавая, что сейчас не время задавать подобные вопросы, она предпочла узнать то, что ее беспокоило на самом деле.

— Прошу прощения, сэр. Не подскажете, где я могу увидеть Алистера?

Деклан оглянулся и узнал в ней ту славную девушку, о которой его хороший друг за последние дни прожужжал ему все уши.

— Он вместе с остальным отрядом. Не стоит беспокоиться, Пэрис, думаю он скоро сам появится.

Хуану удивило то, что герцог не только узнал ее, но и вспомнил имя, которым она представилась. Но еще больше изумили взгляды, которыми он обменивался с Монце. Что, черт возьми, между ними происходит?

— Деклан, — внезапно раздался гневный окрик. Это была молодая девушка с прекрасными светлыми волосами, чересчур хорошо и нарядно одетая для такого времени и обстоятельств. — Прошу, объяснитесь, что за мерзкую бабу привезла ваша мать? Она имела наглость вторгнуться в покои отца!

Герцог на мгновение потерял дар речи. Но, посмотрев на Монце, все же нашел в себе силы ответить на столь гневную тираду.

— Роуз, прошу успокойтесь. Норма любезно согласилась помочь...

— Любезно согласилась? — Она, казалось, готова была взорваться от возмущения. — Я приказала немедля вышвырнуть ее из покоев моего драгоценного папеньки и запретила даже пальцем прикасаться к нему! Как она посмела так вести себя со мной! Я не намерена выносить оскорбления от простой служанки.

— Что за средневековая фифа? — спросила Монце по-испански.

— Да уж, подруга, не говори. Дурочка малолетняя, — ответила ей Хуана.

Деклан услышал их разговор, но ни слова не понял.

— Роуз, что такого ужасного стряслось? — спросил он обеспокоенно.

Блондинка с ангельским лицом и утонченными манерами, театрально проведя ладонью по лбу, захлопала на него глазами и сердито прошептала:

— Эта ваша... ужасная служанка... посмела выставить меня вон, когда я зашла проведать отца! У нее хватило наглости заявить, что от меня больше раздражения, нежели помощи. Вы можете в это поверить?

Деклан готов был ответить, но Монце опередила его.

— Ту, кого вы с таким пренебрежением зовете «ужасной служанкой», зовут Норма... Норма Дюваль, — с вежливой улыбкой сообщила Монце, сдерживая огромное желание хорошенько оттащить блондинку за ее белые космы.

Хуана, заметив, как подруга прикусила нижнюю губу, для своего спокойствия

предпочла ухватить ее за рукав.

— Не стоит волнений. Смею вас заверить, Норма совсем не со зла указала вам на дверь. Она печется о здоровье вашего батюшки.

Молодая женщина решила удостоить вниманием двух подруг и повернувшись к ним с надменным видом, окинула их с ног до головы взглядом.

— А это что за невежи посмели обратиться ко мне? — спросила она, наморщив носик. «Боги мои, типичная тупая блондинка!», — подумала Монце, но поспешила прикусить язычок, чтобы не сболтнуть лишнего.

— Синди Кроуфорд, к вашим услугам, — вместо этого вежливо ответила она. И по-испански добавила шепотом: — Выкуси!

Это позабавило Хуану, вызвав смех, который тут же смолк под пристальным взглядом Деклана.

— А я Пэрис Хилтон, — представилась Хуана.

Если так пойдет и дальше, то дамы разойдутся не на шутку. Деклан решил смягчить ситуацию и положить конец спору, поэтому взял блондинку за руку и заглянул ей в глаза.

— Леди Роуз, не забывайте, мои люди пришли помочь вам, — напомнил он ей.

В этот момент в дверях показалась разъяренная Хулия, подталкиваемая двумя молодыми слугами. Стоило ей увидеть виновницу своего внезапного изгнания, она, напроочь забыв о своем образовании и правилах поведения врача, принялась кричать как сумасшедшая.

— Эй, ты, стерва избалованная!

— Как ты посмела обратиться ко мне? — Роуз горделиво приосанилась и приподняла бровь, когда Хулия предстала перед ней.

— Меня поражает ваше невежество! Как я могу помочь вашему отцу, когда вы выставляете меня за дверь? Вас что, не учили, что нельзя мешать лекарю, когда он облегчает страдания страждущего? И что нельзя лезть ему под руки, когда он пытается тому помочь?

— Как ты дерзнула меня назвать? — Роуз оглянулась на Деклана в поисках поддержки. — Стервой? Я правильно расслышала?

— Мама дорогая. Сколько экспрессии! — прошептала Хуана.

Монце удивленная подобной реакцией, обычно спокойной Хулии, снова опередила Деклана, который собирался что-то сказать, и ухватив подругу за рукав гневно зашипела:

— Заткнись, прошу тебя! Замолкни, если не хочешь, чтобы мы все попали в неприятности. Последние мозги растеряла? С этой Барби-Рапунцель нельзя разговаривать в подобном тоне.

— Ох, даже не знаю, какой из эпитетов мне понравился больше — Барби-Рапунцель, избалованная стерва или средневековая фифа, — рассмеялась Хуана, пока насмерть обиженная девица заливалась слезами на плече Деклана Кармайкла.

— Ну, вряд ли... красotka станет...

Она не успела закончить фразу, когда Деклан осадил ее грозным взглядом и непреклонным требованием.

— Прошу вас, Норма, немедленно принести свои глубочайшие извинения леди Роуз. Я не знаю, что между вами произошло в покоях ее отца, но здесь, в моем присутствии, вы проявили абсолютное неуважение.

Удивленная резкими словами, Хулия впиалась в него удивленным взглядом.

— Сэр, мне жаль, что вы превратно поняли смысл сказанного мной, но я лишь пыталась

помочь ее отцу, а она... она...

— Требую извинений! — взревел он, теряя терпение.

Монце, увидев с каким лицом Деклан подошел к ее подруге, взяла на себя инициативу.

— Прошу, не зли его еще больше и сделай то, что он просит, иначе нам отсюда не выбраться, — прошептала она по-испански.

— Но ведь она первая начала, — пыталась защититься Хулия.

— Я знаю, и абсолютно разделяю твое негодование. Но разве ты не видишь, кто на ее стороне? Думаю, мы потеряем больше, — махнула рукой Монце, раздраженная резкими словами Деклана.

Деклана порядком утомило то, как эта троица переговаривалась перед ним на языке, которого он не знал. Он развернулся в их сторону и невзирая на окружающую толпу, заорал так, что у всех волосы зашевелились от ужаса.

— Не имею желаний снова слышать ваш странный язык. Я не понимаю его и требую, чтобы вы соблюдали приличия и вели себя подобающе перед своим лэрдом.

— Что? — сердито возмутилась Монце.

— Да, Синди, вы не ослышались! — И шагнув по направлению к ней, резко огрызнулся: — И, Бога ради, не пытайтесь снова оставлять за собой последнее слово, потому что сегодня я этого не допущу.

Несколько секунд Деклан и Монце молча обменивались кипящими от ярости взглядами. Ни один из них не готов был уступать, но тут Роуз решила привлечь к себе внимание громким стоном.

— Боже, как же мне дурно! Я вот-вот лишусь чувств, — пробормотала она, хватаясь за герцога.

Гневно раздув ноздри от недовольства, что оказался в эпицентре абсурдных по своей сути бабских разборок, горец подхватил на руки ненатурально притворяющуюся красотку и, не переставая громко отдавать распоряжения, искоса посмотрел на троицу, которая, казалось, готова была молнии метать от коварства капризной блондинки.

— Отправляйтесь лучше к остальным и помогите нуждающимся. Или вы прибыли сюда для того, чтобы доводить людей до обморока?

Произнеся это, он под присмотром двух горничных поспешил отнести маленькую разрушительницу спокойствия обратно в замок.

— И Оскар за лучшую женскую роль получает... Рапунцель! — усмехнулась Хуана, когда они остались одни. — Но вы видели, как она его провела? Боже, и он в это поверил?

— Так бы взяла и свернула ей шею, — пробормотала Хулия.

Хоть Монце была зла не меньше подруги, она нашла в себе силы, чтобы успокоить Хулию поцелуем в щеку.

— Ладно тебе! Уверена, что здесь не все такие, как эта малявка.

ГЛАВА 30

В ту ночь Монце без труда смогла оценить масштабы разрухи и запустения, которые царили повсюду. Подавляющее большинство жителей страдали от недоедания и тяжелых лишений. Ей было безумно жаль крестьян Хантингтауэра, и она была поражена, с какой искренней благодарностью те принимали помощь из ее рук. Девушка протрудилась всю ночь и едва на рассвете вышла из одной из скромных хижин с больным ребенком на руках, с удивлением заметила приближающегося верхом Деклана. Поцеловав малютку в лоб, она поспешила отнести его вовнутрь, чтобы поприветствовать спешившегося герцога.

— В порядке ли ты?

— Шутить изволите? — прошипела она, проходя мимо него.

— Синди, что тебя так расстроило? — спросил он.

На звук его голоса Хуана и Хулия поспешили выйти из хижины.

— Я не могу взять в толк, как можно было довести людей до такой жизни. Ты сам-то видел, как им приходится мыкаться? Мать этого ребенка свалила болезнь, и она не в силах о нем позаботиться. По соседству с ней двое стариков с трудом волочат ноги, потому что не ели несколько дней. А вон в том доме несчастная мать рвет на себе волосы от отчаяния, потому что лишилась сразу двух деток. Продолжать дальше?

Деклан огляделся и ему все стало понятно. С тех пор как Роджер, отец Роуз, потерял рассудок, его людям с каждым днем жилось все хуже и хуже. Роуз, помимо того, что ничего не смыслила в управлении большим кланом, еще и с негодованием отметала любые советы, которые ей давали. Но в эту минуту Деклану совсем не хотелось думать об этом, и взяв Монце за руку, он прошептал ей:

— Довольно с тебя на сегодня помощи. Вернемся со мной в замок. Тебе нужно отдохнуть.

Высвободив руку, Монце подняла на герцога усталый взгляд.

— Думаешь, я смогу оставить этих бедолаг и так просто уйти? Они отчаянно нуждаются хоть в чьей-то помощи и заботе. И раз уж та капризная красотка, чьи это обязанности, бьюсь об заклад, сейчас храпит как бегемот в своей уютной кровати с балдахином...

— Синди, леди Роуз...

— Леди Роуз — безмозглая и бессердечная дурочка. Я почти незнакома с ней, но то небольшое, что мне довелось лицезреть, нарисовало довольно нелестный портрет этой женщины. Пока она утопает в роскоши и удовлетворяет свои капризы, эти бедные люди — ее люди! — мрут как мухи. Как можно оставаться такой черствой?

— Синди, я понимаю твой искренний гнев, и мы обязательно что-нибудь предпримем, чтобы исправить сложившееся положение дел, но почему бы нам сейчас...

— Берта, мать ребенка, которого я держала на руках, поведала мне, что еще неделю назад просила у твоей дражайшей леди Роуз дать немного еды, чтобы накормить свое дитя, а та лишь приказала вышвырнуть ее за порог. Разве это поступок добросердечной женщины? Конечно же, нет. Стоит только вспомнить, с каким высокомерием она отнеслась к Норме, чтобы понять какая...

— Кстати, раз уж речь зашла о Норме. Леди Роуз не желает больше видеть ее в замке и...

— Хочешь сказать, что наша Норма своим появлением в замке оскорбляет тонкую душу твоей средневековой фифы? — закричала Синди.

— Да, и объясни мне наконец, что ты имеешь в виду, когда говоришь «средневековая фифа»?

Подоспевшая на крики Хулия, попыталась шепотом утихомирить Монце.

— Синди, это не стоит твоих волнений. Невелика честь переночевать в замке этой Рапунцель. Уверена, я смогу прекрасно отдохнуть в компании Эдель и Агнес.

— Разумное решение, — кивнул Деклан и снова посмотрел на молодую женщину, расстроенный ее несговорчивостью. — Не волнуйся, пока мы здесь, о ней позаботятся наши люди.

— Ну уж нет. Если ей запрещено появляться в замке, то и я туда ни ногой, — бросила

она, глядя герцогу прямо в глаза.

От одного взгляда на Синди у Деклана защемило сердце. Было видно, что она расстроена и очень устала; в ней нынешней тяжело было узнать ту счастливую и беззаботную девушку, которую он привык видеть. Печаль, поселившаяся в ее глазах, заставила его понять, сколько страданий она испытала, пока помогала этим бедным людям.

— Синди, — прошептал он, — Не упряжься. Я здесь только потому, что переживал за тебя...

— Что ж, прошу меня простить, но если моим подругам не рады в замке, то и мне там делать нечего!

Решительно не желая устраивать сцену перед собравшейся поглазеть толпой, Деклан выругался себе под нос.

— Значит, ты противишься моему желанию?

— Да. Ноги моей в том замке не будет.

Опасаясь, что Синди может сбежать от него, герцог крепко ухватил ее за локоть и горячо зашептал в ухо.

— Не вынуждай на тебя сердиться и следуй за мной.

Она буквально пронзила его взглядом полным гнева и с трудом сдерживаемой ярости. Тихо, так, чтобы только он мог слышать, она прошипела в ответ:

— Я не жена тебе и не твоя собственность. Или ты решил, что я твоя шлюшка, раз приходила спать с тобой? Ну, так отныне можешь забыть об этом.

Разозленный ее речами, Деклан не сразу нашелся что ответить, но пока подбирал слова, Синди поспешно выдернула свою руку и, наклонившись, подхватила малыша.

— Ступайте с миром, лэрд Кармайкл. Уверена, слабое сердечко леди Роуз затрепыхается от счастья, когда она узнает, что нынче именно вы будете охранять ее сладкие сны, — во всеуслышание произнесла Монце.

Разъяренный Деклан не смог удержаться и выругался. Затем вскочил на своего коня и ускакал прочь. Хулия и Хуана лишь молча проводили его взглядом.

— Ну что, малыш, — ласково пробормотала Монце, обращаясь к ребенку на своих руках. — Пойдем-ка с тобой к нашей страже и раздобудем для тебя немного еды.

ГЛАВА 31

С того дня Монце не обмолвилась с Декланом ни словом, да и он предпочитал держаться от нее подальше. Впрочем, на помощь местным крестьянам у нее уходила уйма времени и ей, не разгибая спины приходилось трудиться с самого утра до заката солнца. Налетчики не пощадили этих несчастных людей, и то, что не смогли увезти с собой, было либо безжалостно разрушено, либо сожжено дотла. Однако, несмотря на все тяготы, местные жители, казалось, были напрочь лишены жадности и с удовольствием делились тем немногим, чем располагали, немало удивляя Монце своим бескорытием.

— Воистину говорят: «По-настоящему богат не тот, кто много имеет, а тот, кто довольствуется малым», — сказала Монце и Хуана согласно закивала в ответ.

За прошедшие несколько дней они познакомились с большим количеством людей, чем за те полтора месяца, что провели в Элчо. Жители окрестных деревень приветливо встречали их и вознаграждали за заботу и труд добротой и искренними улыбками. Селянами не раз высказывалась мысль, что им жилось бы намного легче, обладай леди Роуз хоть малой толикой человечности и ума добросердечных странниц. Этой фразой, вкуче с подаренной любовью, они так сильно покорили сердца испанок, что те, не колеблясь, взялись за работу с

двойным энтузиазмом.

На третью ночь, когда уставшие девушки возвращались в свою хижину, чтобы отдохнуть после тяжелого дня, парочка стражников из отряда О'Каллаханов принялась отпускать им вслед непристойные шуточки. Поначалу это вызвало улыбку. Эти скабрзности, были даже не наполовину грубее, чем те, что приходилось слышать в свой адрес в двадцать первом веке. Однако, когда один из охальников загородил дорогу и попытался схватить Хуану за руку, Монце без колебания применила силу. Один несложный прием каратэ и в следующую секунду могучий горец корчился от боли в грязи. И пока мужчины застыли в изумлении, Монце, воспользовавшись паузой, закричала что есть мочи:

— Ну, соборище гондонов, кому из вас еще пересчитать зубы?

Крестьяне, заинтересовавшись неожиданным зрелищем, зааплодировали Монце, которая, довольная своей победой, подняла руки в знак триумфа.

Стражники, вдоволь нагладевшись на валяющегося на земле друга, благоразумно предпочли промолчать. Но тут очередной смельчак возник перед Монце и даже попытался ухватить ее за талию.

— Обожаю таких как ты, скорых на язык, — прошипел он.

— Ах ты ж, грязная свинья! — закричала напуганная Хулия.

А в этот самый момент Монце, не дав здоровяку и шанса высказать очередную пошлость, нанесла ему удар в живот, затем еще один прямо в лицо и, наконец, с превеликим удовольствием пнула в пах. Великан, взвывая как собака, закатил глаза и грузно рухнул рядом со своим товарищем.

— Узнаю моя девочку! Поосторожнее с ними, а то ненароком еще пришибешь насмерть!

С кривой ухмылкой Монце огляделась по сторонам.

— Ну, и кто следующий? — бросила она вызов стушевавшимся мужчинам.

Крестьяне, развеселившись не на шутку, восторженно приветствовали молодую женщину, которая и сама была готова умереть от смеха. Крутые на первый взгляд парни, растерявшись, не придумали ничего лучшего, чем с позором бежать прочь. На сегодня с них довольно неприятностей. Пока собравшаяся публика медленно расходилась по домам, к девушкам подбежали испуганные Эдель и Агнес.

— Ты в порядке? — спросила Агнес.

— Да, не стоит волнений, — усмехнулась Монце, поморщившись от вида сбитого кулака. — Вот уж кому стоит поволноваться, так это им.

Оставив двух мужчин валяться на земле, женщины поспешили вернуться к отдыху. Вот уж кто по праву заслужил его. Однако, стоило добраться до своей хижины, как их встретили крики, срывающегося на хрип, визгливого голоса.

— Где эта блудница вавилонская? Я ей покажу, как поднимать руки на мою стражу!

Агнес и Эдель замерли от страха.

— Рапунцель нарываεται, — улыбнулась Хуана.

— Ну что ж, если ей так нейдет, почему бы и не устроить дружеские посиделки? Я как раз разогрелась, — прошипела Монце, припомнив, как эта дурочка бесстыдно повисла на шее Деклана.

И вот она предстала перед ними. Юная леди Роуз, верхом на белом коне. Свежая как утро и чистая как горный ручей, одетая в великолепное платье цвета жженого кофе. Подходящего оттенка атласные ленты были вплетены в прекрасные золотистые волосы. И на

фоне своих грязных и измученных крестьян она смотрелась на редкость неуместно.

— Пустая бочка громче гремит, — пробормотала Хулия. — К черту эту истеричку. Идемте отдыхать!

Но Монце даже не сдвинулась с места. Вместо этого она вперилась взглядом в юную прелестницу. Этой выскочке наверняка было не больше двадцати лет.

— Леди Роуз, что вам угодно?

— Вы Синди? — надменно спросила юная дева ледяным голосом.

— К вашим услугам.

— Это вы прислуживаете лэрду Кармайклу?

— Допустим, — холодно ответила Монце.

— И вы та, что вернула сокровище Кармайклов?

— Да, черт побери... так и есть. Я Синди Кроуфорд, служанка, которая вернула чертов кулон Кармайклам, что вашей милости еще угодно?

Окинув Монце нахальным взглядом, блондинка недобро улыбнулась.

— Даже если это и так, и кулон вернулся к Деклану благодаря тебе, ты мне не ровня, так что знай свое место!

— Господи боже мой, ваши речи просто услада для моих ушей, — усмехнулась Монце, не сводя глаз с леди Роуз.

Неприятная особа, смерила ее с ног до головы недовольным взглядом, и спешившись, направилась напрямик к Монце, на ходу поигрывая длинным хлыстом.

— До меня дошли слухи о тебе и лэрде Кармайкле. Есть ли в них хоть толика правды?

Даже не пошелохнувшись, Монце окинула ее взглядом и с полуулыбкой на губах ответила:

— Если достопочтенную леди интересуют чьи-то грязные секреты, то Бог ей судья. Я же не имею привычки делиться с незнакомыми людьми подробностями своей личной жизни.

— Так значит ты и есть его бесстыжая шлюшка? — вскричала леди Роуз.

Презрение, с которым она произнесла эти слова, заставило кровь вскипеть в жилах Монце. Но потом она здраво рассудила, что, поддавшись на провокацию только доставит этой нахалке удовольствие.

— Прошу прощения, леди Роуз, но, если вы продолжите проявлять ко мне неуважение, я потеряю терпение и отплачу вам той же монетой.

— Признайся, это ты по ночам согреваешь постель своего лэрда?

— Как бы то ни было, это то, что происходит между мной и Декланом. А вам негоже совать нос в чужие дела.

— Как ты посмела называть герцога по имени! Женщина такого низкого положения должна обращаться к нему подобающе, даже если она его шлюха.

— Если ты сейчас же не надаешь ей по морде, то, видит бог, я сама это сделаю, — крикнула Хулия по-испански.

— Попридержи коней, Норма! Не надо подкидывать Кроуфорд подобных идей, иначе она повыдирает этой средневековой дурочке все космы, — засмеялась Хуана.

Монце прекрасно понимала, что дотронься она до этой нахалки хоть кончиком пальца, неотвратимые последствия тут же ее настигнут. Так что Хулия получила в ответ лишь недовольный взгляд и сердитый упрек.

— Хочешь сказать, что я после всего этого ослица, но подруга. ты тоже недалеко от

меня ушла

— Но разве ты не видишь, как сильно она хочет тебе насолить? — спросила Хулия.

— Да, но я не собираюсь плясать под ее дудку. Так что буду выше и промолчу.

Собрав в кулак все свои силы и терпение Монце снова повернулась к капризной молодой девушке, чтобы попытаться убедить ее разойтись с миром.

— Леди Роуз, думаю вы покажете всем пример благоразумия, если тотчас сядете на коня и отправитесь восвояси. А если вы все же решите остаться здесь, то не лучше ли вам будет тогда оказать помощь своим крестьянам? — сказала она и испуганно замолчала, при виде высоко занесенного над нею хлыста. Крестьяне от страха рассыпались по сторонам. — Сударыня, если вашими стараниями с моей головы упадет хоть один волос, — сурово прошипела Монце, — Клянусь памятью всех своих предков, вы сильно пожалеете об этом.

— И как же ты собираешься меня, знатную даму, заставить пожалеть? — усмехнулась Роуз.

— Смею вас уверить, у меня есть кое-что на уме. К примеру, я могу как-нибудь стащить вашу милость с лошади и хорошенько вывалить в грязь, а после схватить за прекрасные локоны и пару раз макнуть прелестным личиком в самую глубокую лужу, которую только смогу отыскать. Я ясно выражаюсь?

Юная О'Каллахан недоверчиво опустила хлыст, но злобно зыркнула на столпившихся неподалеку крестьян, которые были совсем не прочь насладиться зрелищем ее купания в грязной воде.

— Понятия не имею, что Деклан мог найти в тебе. Свет не видывал настолько грязных, уродливых, невежественных простушек. Да к тому же не первой свежести. Старуха, признайся, сколько тебе лет?

— Матерь Божья! Этими словами она подписала себе смертный приговор, — прошипела Хуана.

— Я рада! Пусть получит по заслугам, — усмехнулась Хулия.

Монце же сильно напряглась, услышав последнее замечание леди Роуз.

Старуха? Со злобной улыбкой она посмотрела на подруг и спросила:

— Я правильно расслышала? Эта средневековая сучка назвала меня «старухой»?

Когда подруги согласно кивнули, Монце повернулась к встревоженным крестьянам, наблюдавшим за ними, и схватила за руку их госпожу, которая тут же попыталась вырваться.

— Друзья, я знаю, что эта неумная и невоспитанная дамочка из вашего клана. И еще знаю, что то, как я собираюсь поступить с ней, противоречит людским правилам. Но, если я этого не сделаю, то наверняка убью ее! Клянусь, я убью ее! Так что если не хотите нести вину за то, что не остановили меня, поскорее идите прочь или сделайте вид, что ничего не видели.

Лишь только она это произнесла, улица тут же опустела.

— Убери от меня свои грязные руки, нахалка! — потребовала Роуз.

С многозначительной улыбкой на губах, Монце посмотрел на девушку.

— Однажды я дала себе клятву, что если хоть краем уха услышу, как кто-то назовет меня старухой, то затолкаю эти слова ему в глотку. Простите, но время пришло.

Откинув в сторону переживания о карах, которые непременно падут на ее голову после того, что она сделает, Монце, схватив Рапунцель за волосы, от всей души пнула ее, отчего та с криком упала на колени, а затем с удовольствием повозила ее лицом в ближайшей луже, — повергнув этим в шок немногочисленных зевак.

Десять минут спустя Монце и ее подруги вошли в свою хижину.

Им просто необходимо было отдохнуть.

— Любопытство разбирает, что скажет Рапунцель, когда заявится в замок, чумакая как свинья? — спросила Хуана, покатываясь от смеха.

— Придумает очередную байку, в которую трудно будет поверить. Даже не знаю почему... — ответила Монце, устало откинув голову на подушку. И уже засыпая, вспомнила, какими восторженными возгласами и улюлюканием проводили ее сегодня крестьяне.

ГЛАВА 32

На следующее утро, когда Монце проснулась и вспомнила, что произошло накануне вечером, по ее телу пробежала странная дрожь радости.

Она удивилась, увидев, что времени уже немало, а никто не пришел упрекнуть ее, но улыбнулась, услышав перешептывания и смех крестьян.

В полдень, когда они закончили уход за ранеными и собрали немногочисленные вещи для жителей деревни, появился Деклан с Алистером и воинами. Сделав вид, что не заметила его, Монце продолжила свою работу, не желая приветствовать Деклана. Лэрд не обращал на нее внимание несколько дней, и теперь она решила ответить ему тем же.

— Доброе утро, — поздоровался герцог, останавливаясь перед ними.

— Доброе утро, сэр, — нервно ответила Хулия, гадая, не приехал ли он, чтобы выяснить у Монце, что произошло прошлым вечером.

Крестьяне, увидев лэрда Кармайкла, поприветствовали его и продолжили заниматься своими делами. Хуана улыбнулась Алистеру, который сидел на лошади, и он подмигнул ей в ответ.

Этого приветствия им было достаточно. А вот Монце даже не взглянула на герцога. Она продолжала свой путь, будто он пустое место. Деклан, видя, что его игнорируют, растерялся.

— Кто-нибудь знает о том, что произошло прошлым вечером с мисс Роуз О'Каллахан? — спросил он громко и четко.

Крестьяне быстро покачали головами, даже не интересуясь подробностями. Но герцог заметил, что Хулия кинула взгляд на Монце, а та загадочно улыбнулась. Сойдя с лошади, он подошел к девушке, которая в этот момент с трудом поднимала мешок пшеницы, и выхватил его из рук.

— Зачем ты поднимаешь? Разве нельзя оставить эту работу мужчинам?

Монце подняла глаза и огляделась.

— Уверю тебя, у меня сил больше, чем у них.

— Да, но я все же считаю, что тебе не стоит поднимать такой вес, — прошептал он так нежно, что ресницы Монце задрожали.

Разозленная, что Деклану достаточно лишь взгляда, чтобы вогнать ее в трепет, она взяла очередной мешок с пшеницей и переложила его на другие.

— Что ты хочешь, Деклан?

— Узнать, правда ли то, что Роуз рассказывала в замке. Ты действительно на нее напала? Потому что, если это так, у тебя могут быть проблемы.

Услышав это, крестьяне зароптали. Хулия и Хуана посмотрели друг на друга, и Алистер чертыхнулся, когда понял, что это правда.

— Что именно случилось с леди Роуз? — спросила Монце.

Деклан, теперь убежденный, что Синди имеет к этому какое-то отношение, перенес вес с одной ноги на другую.

— Она рассказывает, как вчера ты напала на двух ее воинов, а затем сбросила ее с лошади и протащила по грязи с единственной целью — унижить и посмеяться над ней. Это правда?

— Какой ужас! — Она усмехнулась над недоумением Деклана. — Она реально рассказывает это и утверждает, что с ней так поступила я?

— Да.

— Что за чушь, а?

Услышав это выражение, Деклан впился в нее взглядом и улыбнулся. От того что Синди здесь перед ним, а он не может ее поцеловать или прикоснуться, Деклан испытывал мучительное разочарование. Но ему удалось не показать своего отношения к девушке, перед наблюдающими за ними крестьянами.

— Мне не хотелось бы узнать, что то, что она рассказывает — правда, Синди. Вот почему я спрашиваю тебя.

— Простите меня, лэрд Кармайкл, — проговорил один старик, приближаясь к нему. — Думаю, мисс О'Каллахан рассказывает не совсем верно. Я сам видел, как эта молодая женщина, защищалась от двух мужчин, которые пытались напасть на группу девушек.

— Что ты такое говоришь, старик? — возмущенно воскликнул Деклан.

— Так все и было, сэр, — кивнула женщина с мальчиком в руках. — Молодые девушки возвращались в свою хижину, когда несколько мужчин пытались на них напасть. Я тоже это видела. А остальное, что говорит леди Роуз — нет.

Услышав это, Алистер прыгнул с лошади, но Деклан остановил его, взмахнув рукой. Разъяренный тем, что кто-то пытался напасть на девушек, он взглянул на Синди, сердито фыркаящую рядом.

— Это правда? Они пытались напасть на вас?

— Да, но я уже со всем разобралась. Уверена, что эти воины больше не предпримут подобных попыток.

Огорченный услышанным и тем, что его не было рядом, чтобы защитить, Деклан пристально посмотрел на девушку.

— Сегодня ты проведешь ночь в замке, что бы ни говорила Роуз. Будешь помогать этим людям днем, а ночью.

— Нет, — отрезала Монце. — Я не собираюсь спать под одной крышей с леди Роуз. И мои подруги, и остальные помощники из Элчо, мы будем спать в деревне. Простите дерзость с моей стороны, герцог, но не заставляйте меня идти в этот проклятый замок ночевать, потому что, клянусь, я этого не сделаю.

— Ты будешь подчиняться, черт возьми, — прошипел он тихо, чтобы его услышала только она.

— Послушай меня, Деклан, — тоже прошептала Монце, подходя к нему. — За все это время я ни о чем тебя не просила, но сейчас не заставляй меня находиться в том же помещении, что и эта ужасная женщина. Иначе может случиться то, из-за чего ты разозлишься.

Несколько секунд они переглядывались. Деклан понимал, что, если он настоит на своем, возникнут проблемы. Это не считая тех, что создаст Роуз О'Каллахан. Сдаваясь, но желая найти решение, он проговорил бархатистым голосом:

— Хорошо, чертова упрямица.

И, повернувшись к наблюдавшим за ними с любопытством крестьянам, направился к

своей лошади.

— Что касается того, что случилось с леди Роуз: если кто-то что-то знает или услышит любую информацию, они должны найти меня и все рассказать, — произнес он громко, садясь на лошадь.

Проговорив это, он ускакал со своими людьми, не оглядываясь.

ГЛАВА 33

Четвертый день пребывания на землях О'Каллаханов посвятили тому, чтобы собрать в хижине всех детей, осиротевших после нападения. Их оказалось восемнадцать.

— Но что мы можем для них сделать? — спросила Монце, держа крошечного ребенка на руках.

— Ну, не знаю, — с грустью прошептала Хулия. — Придется спросить у Эдель или Агнес, что делается в таких случаях. Не думаю, что это первый раз, когда после нападения дети остаются сиротами.

Они поинтересовались у служанок, когда те пришли с едой. К счастью, как испанки и предполагали, у местных был ответ.

— Не волнуйтесь, всегда найдется родственник или сосед, который и заберет к себе. Хотя не стану вам врать, в конечном итоге кто-нибудь окажется на улице и будет просить кусок хлеба.

— О нет, этого не может быть, — расстроено проговорила Монце. — Эти дети не могут закончить так. Бедняжки!

— Синди, ребенок — это еще один рот, который нужно кормить, хотя, когда он вырастет, у него будет две сильные руки, чтобы работать — сказала Эдель, разложив по тарелкам суп для малышей.

— Очень хорошо. Итак, сегодня мы займемся поиском родственников этих детей. Наверняка многие обрадуются, найдя их — кивнула Монце, беря в руки кувшин с молоком и тряпицу, заменяющую соску для малыша.

В тот день, уставшие и грязные после хождений из дома в дом в поисках тех, кто мог бы позаботиться о сиротах, девушки решили отдохнуть.

Они нашли только шестерых родственников, желающих забрать себе детей, оставалось еще двенадцать сирот.

— Как мне жаль! — пробормотала Хуана, глядя на них.

— Они выглядят такими потерянными и испуганными, что у меня душа разрывается, — вторила Хулия.

Монце наблюдала за детьми. Маленькие, что сидели на полу, молчали, просто надеясь, что кто-то захочет забрать их в семью и подарит тепло. Ее детство не было таким, но в определенные моменты она чувствовала себя потерянной и брошенной. Она вдруг вспомнила, что Эрика, цыганка, часто говорила ей: «Пение смывает все печали».

— Эти дети должны улыбаться. На некоторое время они должны забыть о произошедшем, и лучший способ — заставить их петь и танцевать, — сказала она, вставая и глядя на подруг.

— Отли-и-ично! Она уже и здесь со своими песнями, — насмешливо усмехнулась Хуана.

Монце решительно усадила детей в круг и с помощью подруг начала учить их песне из фильма «Звуки музыки». Ничего более подходящего, она не смогла вспомнить.

ДО — воробышка гнездо,

РЕ — деревья во дворе,

МИ — котенка покорми.

Дети с широко раскрытыми глазами слушали незнакомую мелодию и смотрели, как три девушки хлопали в ладоши и танцевали: они подражали семье Фон Трап из фильма, и чередовали английские и испанские слова. Двадцать минут спустя на грустных лицах начали расцветать улыбки, и испанки бурно обрадовались, когда малыши начали подпевать песне и подражать их движениям.

Они были настолько увлечены попытками развлечь детей, что не заметили Деклана, Алистера и нескольких мужчин из других кланов, остановившихся посмотреть на них. Деклан растеряно улыбнулся, когда Синди подняла девочку и рассмешила ее, в то время как мальчик, не старше четырех лет, держась за ее талию, кружился вокруг. Синди была красива, несмотря на растрепанный и неопрятный вид. Герцог отдыхал душой, видя ее улыбку, хотя невозможность быть с ней, особенно по ночам, начинала его мучить. Но он должен вести себя как лэрд своего клана и помогать нуждающимся. У него будет время побыть с Синди, когда они вернутся в Элчо.

— Кто эти женщины? — спросил Кеннет Стюарт, храбрый горец, сын лэрда Дональда Стюарта, который иногда сражался вместе с Декланом.

— Наши люди из Элчо, которые пришли на помощь, — доложил Алистер, заметив среди поющих женщин Пэрис.

— Деклан, женщина, которая танцует со светловолосой девочкой на руках, как ее зовут? — спросил Кеннет.

— Синди Кроуфорд — раздраженно ответил Деклан, догадываясь, что творится в голове его друга. Он посмотрел на Кеннета и, не колеблясь, разъяснил что к чему, чтобы больше не возвращаться к этой теме. — Она и сопровождающие ее женщины из моего клана, и моя мать очень уважает их.

— Она прекрасна, — прошептал Кеннет, не отрывая взгляда от Синди.

Раздосадованный услышанным, и понимая, как его друг смотрел на Синди, Деклан сказал громко и ясно:

— Кеннет Стюарт, ни мои люди, ни я не хотим неприятностей, поэтому оставь ее в покое.

Удивленный этим ответом, и особенно интересом, который Деклан проявлял к незнакомке, Кеннет посмотрел на своего друга и понимающе ухмыльнулся.

— Кто сказал, что я хочу неприятностей, Деклан Кармайкл? — пробормотал он, понукая своего коня, приблизиться к веселящейся группе.

Монце, довольная тем, что дети хорошо проводят время, смеялась с маленькой Эйлин на руках, когда кто-то за ее спиной произнес:

— У вас прекрасный голос, мисс Кроуфорд.

Удивленная, она повернулась, и именно тогда обнаружила публику. Ее взгляд встретился с взглядом Деклана, и тот не улыбнулся. Она тоже этого не сделала. Монце продолжала злиться на него. Не обращая на герцога внимания, она посмотрела на темноволосого мужчину, стоявшего перед ней с добротой и сияющей улыбкой, которая точно вызвала раздражение ее лэрда.

— Благодарю. Но посмотрим правде в глаза, пение — не мой конек. Скоро дождь пойдет и наверняка вы об этом и не вспомните.

Удивленный таким ответом, смуглый горец разразился смехом. Он соскочил с лошади

и, повернувшись к Монце, спросил, глядя на маленькую девочку, которая испуганно спрятала свое личико на шее женщины.

— Это ваша прекрасная девочка?

Монце обняла девчущку, поцеловала ее грязные волосы и ответила, чувствуя острый взгляд Деклана.

— Нет, хотя мне и хотелось бы иметь такую прекрасную дочь. Она и все дети, которых вы видите, остались сиротами после нападения. Мы с подругами ищем родственников, которые могут позаботиться о них, но это, если честно, непросто. В такое время трудно принять и прокормить еще один рот.

Кеннет, тронутый такими словами и потрясенным взглядом детей, кивнул. Но, увидев страх в глазах маленькой девочки, он наклонился к ней.

— Эй, привет, — проговорил ласково.

Увидев, что девочка дрожит, Монце прижала ее к своему телу, но мужчина не сдавался.

— Привет, малышка. Не бойся меня, я не сделаю тебе ничего плохого.

— Конечно, нет, милая, — заверила Синди, удивив Кеннета. — Я ему не позволю. Обещаю.

Девочка, отреагировав на добрый тон горца, и особенно после слов Монце, посмотрела на мужчину, держа палец во рту.

— Правда?

Кеннет улыбнулся и провел мозолистой рукой по детской щеке.

— Как сказала Синди: обещаю. Как тебя зовут?

Малышка посмотрела на Монце и, увидев, что та кивнула, ответила.

— Эйлин, — сказала она с дрожью в голосе.

— О, какое красивое имя — рассмеялся горец.

— То же самое и я сказала, — ответила Синди с очаровательной улыбкой, — у тебя прекрасное имя. Такое же красивое, как у любой принцессы.

— У вас тоже красивое имя, Синди.

— Ах, я вижу, вам сообщили, — сказала она, бросив быстрый взгляд на угрюмого Деклана, который не спускал с них глаз. — А вы, как вас зовут?

— Кеннет. Кеннет Стюарт. — И, взяв ее грязную руку, с галантностью, которая лишила Монце дара речи, поцеловал ее. — Скажите, что за странный акцент у вас?

— Я испанка.

— Испанка? — удивленно спросил он. Она кивнула. — Я слышал, что женщины на вашей земле очень решительные, правда?

Синди весело рассмеялась и ответила озорно:

— Еще говорят, что мы импульсивны. — Она посмотрела на Деклана, который незамедлительно фыркнул. — Слишком горячие и с особым характером.

— Я запомню, — улыбнулся Кеннет. — Но признаю, мне нравится то, что я слышу. Мне нравятся женщины с характером, и еще больше, если они помогают беззащитным детям.

Польщенная обхождением этого мужчины, Монце расслабилась и стала рассказывать ему о маленьких детях. Может быть, он сможет им помочь.

Деклан, раздраженный такой близостью, наблюдал, не сходя с лошади. Кеннет что, флиртовал с Синди?

— Думаю, Кеннет уже нацелился на следующее завоевание, — усмехнулся Алистер, подходя к нему ближе.

Но когда он обратил внимание на глаза своего друга и особенно на то, как раздуваются крылья его носа, пожалел о сказанном.

— Не могу поверить, — прошептал он, ошеломленный.

Деклан не стал отвечать. Он не собирался отвечать. Он едва знал эту сумасбродку, но, как ни странно, то, что его друг Кеннет приударил за ней, ему совсем не нравилось.

Алистер, внезапно поняв, в чем дело, удивленно молчал. За все годы, что знал герцога, он никогда не видел его таким раздраженным.

Из уважения он ничего не сказал и отвел глаза в сторону милой Пэрис, которая смотрела на него с лучезарной улыбкой, приглашая переброситься парой фраз. Он хотел сойти с лошади, но воздержался. Не время для проявлений любви.

Тем временем Кеннет завоевал доверие женщин и особенно детей; поэтому он принял решение, которое сообщил остальным мужчинам.

— Деклан, продолжай со своими людьми путь. Мои люди и я попытаемся помочь Синди и малышам.

— Замечательно! — Монце как дурочка зааплодировала словам Кеннета, видя неодобрение на лице Деклана.

— Проклятие! — пробормотал Алистер.

То, что воины Стюартов остались наедине с девушками и ребятней, его не особо радовало. Он не хотел видеть рядом со своей Пэрис никого, кроме себя.

Герцога удивило поведение Кеннета, но он не желал раскрывать, что на самом деле чувствует.

— Помни, что я тебе сказал, Кеннет, — произнес он вслух, понукая лошадь, затем поднял руку в знак прощания и ускакал прочь со своим кланом.

Озадаченная и несколько раздраженная тем, что не Деклан, а другой мужчина предложил свою помощь, Монце посмотрела на идущего рядом с ней горца.

— Что имел в виду герцог Вемисс? — спросила она прямо, широко улыбаясь.

Кеннет, которого позабавили смелость и самоуверенность испанки, присел рядом с ребенком, чтобы взять его на руки.

— Он не хочет неприятностей.

ГЛАВА 34

Угрюмое и унылое настроение Деклана, когда отряд рыскал по землям О'Каллаханов, пытаясь помочь жителям этих земель, не осталось незамеченным ни одним из его людей. Но тот, кто действительно осознал все произошедшее, так это его хороший друг Алистер.

— Я не понимаю, кто мог напасть на простых людей — сказал Алистер, сидя рядом с Декланом на поваленном дереве, пока они перекусывали вяленным мясом и хлебом.

— Возрастут проблемы с короной, а жестокость и голод вызовут больше подобных нападений — рассеянно кивнул Деклан. На самом деле его мысли занимала чокнутая Синди, которая сейчас бродила с бабником Кеннетом Стюартом.

Алистер, видя Деклана таким задумчивым, оглянулся и, заметив, что поблизости нет никого, кто мог их услышать, решил обратиться к своему лэрду.

— Деклан, ты знаешь, что я обычно не говорю с тобой о таких вещах, но ты заставил меня задуматься.

Услышав такое, друг посмотрел на него с недоумением на лице.

— Что заставило тебя задуматься?

— Что тебе нравится эта девушка Синди, и тебе не нравится, что Кеннет и его люди

остались с ней. И, прежде чем ты что-нибудь скажешь, признаюсь, что и мне не особенно весело, что моя маленькая Пэрис проводит с этими горцами время без меня.

Это замечание заставило Деклана улыбнуться, и он дружески пихнул товарища по ноге.

— Твоя маленькая Пэрис?

— Да, моя девочка, я люблю ее так называть, — рассмеялся Алистер, вспомнив сладкий голос. — Не знаю, что в ней такого особенного, но с первого дня мое сердце бьется сильнее при мысли о ней.

— Я видел тебя таким только тогда, когда ты влюбился в Эрин....

— Эрин в прошлом, — решительно пояснил Алистер. — Когда она вышла замуж за Томаса, я забыл о ней, и хотя я не отрицаю, что, когда она овдовела, мы не раз встречались, мы знаем, что то, что было между нами раньше, умерло.

— Поэтому ты отправился в земли Маккенны?

— Да. У нас был долгий разговор, после которого стало ясно, что я не собираюсь просить ее выйти за меня замуж, поэтому она решил уехать. Но теперь, когда появилась Пэрис, с ее эксцентричностью и забавным взглядом на вещи, я начинаю задумываться о будущем.

Удивленный этими словами, Деклан посмотрел на своего друга и спросил.

— Что Пэрис рассказала тебе о своем прошлом? Она сказала тебе, откуда она и ее подруги?

— Нет. Я никогда не спрашивал, и она мне не рассказывала.

Думая о любопытных вещах, которые рассказывала ему Синди, и особенно о деталях, которые он узнавал каждый день, Деклан с улыбкой на губах начал объяснять Алистеру надуманную историю, которую открывала ему девушка. Алистер, пораженный таким безумным рассказом, сначала замолчал, потом удивился и, наконец, рассмеялся вместе с Декланом над словами Синди.

— Из двадцать первого века?

— Так говорит Синди. По ее словам, они здесь, потому что она загадала какие-то желания ведьме, но, если честно, я не верю ничему из этого.

— По правде говоря, иногда Пэрис поражает меня странными вещами. Ее манера говорить прямо и бесстрашно, манера удивляться чему-либо... Может быть, именно это заставило меня обратить на нее внимание. — Он посмотрел на своего друга, который кивнул. — С Синди тоже самое?

— Да. Меня это сильно привлекает, особенно потому, что иногда не знаю почему, но я верю ей. Сначала, когда она рассказала мне все, я рассмеялся и подумал, что она пьяна, но потом мелкие детали, слова, ситуации, моменты. заставляют меня задуматься, не говорит ли она правду.

— Я спрошу Пэрис. Посмотрим, что она скажет, а потом расскажу тебе.

— Буду тебе благодарен. Хотел бы я знать, какое объяснение она даст их появлению рядом с Эдель.

— Исходя из твоего любопытства, я начинаю думать, что ты находишься в тех же отношениях, что и я с Пэрис?

Деклан рассмеялся и встал.

— Ты все подмечаешь, мой друг, и очень хорошо умеешь делать выводы.

Через несколько минут, на своих могучих скакунах, Деклан Кармайкл и Алистер Сазерленд продолжали свой путь, не переставая думать о своих возлюбленных и мучить себя

тем, что они будут делать.

ГЛАВА 35

В ту ночь, после долгих поисков всех родственников детей, девушки вернулись в свое убежище. Воины во главе с Кеннетом галантно проводили их до хижины.

— Вы здесь ночуете? — удивленно спросил Кеннет. — Мне казалось, что мать Деклана вас ценит.

— И уважает нас, — гордо кивнула Хулия. — Синди вернула потерянное сокровище Кармайклов.

Удивленный горец посмотрел на Синди.

— Серьезно?

— Да.

— Тогда почему вы остановились здесь, а не в замке? — упорствовал он, глядя на людей из других кланов.

— Потому что мы предпочитаем быть рядом с людьми, которых знаем и, что еще важнее, которые не ищут с нами ссор, — ответила Хуана.

Этот ответ сильно насторожил Кеннета. Понятно, что молодая Роуз О'Каллахан имела к этому какое-то отношение. Однако он не желал оставлять слова Хуаны без объяснений и продолжил:

— Вы же знаете Фиону и Деклана, вам не нужно спать в этой скромной обители в окружении мужчин из других кланов.

Монце была измотана и не хотела, чтобы Кеннет продолжал настаивать на том, что они должны ночевать в замке, как и Деклан.

— Не обижайся, Кеннет, но больше никаких вопросов. Мы отдыхаем здесь, и больше нечего говорить об этом. Что касается мужчин, то будь спокоен, они под контролем, — отрезала она.

Кеннет помолчал, но продолжил думать, что это место не подходит для молодых женщин. Было очевидно, что у них есть образование и знание, которые простые люди не имеют. Впрочем, он благоразумно решил больше не касаться этой темы.

— Хорошо. Если вы говорите, что здесь все в порядке, я поверю вам.

— Уверяю вас, сэр — настаивала Хуана, вызывая его улыбку.

После прощания воины ушли, и испанки вошли в хижину. Помощь, которую им предложили горцы, оказалась решающей для многих жителей деревни, и они признали себя родственниками маленьких сирот. Оставив детей на попечении ответственных взрослых, чтобы те не были вынуждены бродить по деревне голодные и замершие, Монце была счастлива, хотя каждый раз, когда она вспоминала Эйлин, у нее разрывалось сердце. Малышка осталась с сестрой своей матери, которая, хотя и ласково ее приветствовала, казалось, не очень обрадовалась девочке.

— О чем думаешь? — спросила Хуана.

— О Эйлин. Мне жаль расставаться с ней, — прошептала Монце, падая без сил на одну из кроватей.

— Не волнуйся, — вздохнула Хулия, подражая ей. — Уверена, что с тетей и двоюродными братьями она будет счастлива.

— Я знаю, — кивнула Монце, — но это не умаляет того, что я полюбила ее. Она такая милая и выглядела такой одинокой.

— Кто уж точно полюбил, это Кеннет, тебя. Ты заметила, как он все время вился

вокруг? — зевнула Хулия.

Монце с улыбкой кивнула. Галантность, которую Кеннет оказывал ей весь вечер, не осталась незамеченной ни для кого.

— Да, но он не в моем вкусе.

В это мгновение Агнес прервала отдых уставших испанок, взволновано входя в хижину.

— Мне нужна ваша помощь. Женщина родила и...

Хулия быстро поднялась.

— Хорошо, не паникуй. Я схожу.

Монце и Хуана согласились и остались одни.

— С каких это пор ты и Деклан Кармайкл стали так бесстыдно себя вести? Послушай, я думала об этом несколько дней, не желая спрашивать, потому что не такая любопытная, как Хулия. Но подруга, я больше не могу молчать!

— У меня закрываются глаза, и я хочу спать, — прошептала Монце.

— Шутница, блин! А мне нужен воппер с сыром и дополнительным беконом, но, послушай, я вся извелась. — Она аж встала с кровати, чтобы продолжить допрос. — Эй, когда случилась история с Рапунцель, я многое заметила. Но прежде всего то, как вы смотрели друг на друга. Ты противостояла герцогу, и он продолжал подначивать тебя, несмотря на свой гнев. Кроме того, на этот раз он не угрожал отрезать твой острый язык. Есть что рассказать, Синди Кроуфорд?

Издав вздох смирения, Монце села на кровати и прислонилась спиной к стене.

— В тот день, когда я осталась одна, пока вы ходили на рынок Перта, я пошла в библиотеку за книгой для чтения. Деклан был там, поэтому мы поговорили.

— Поговорили? Вы с мистером Брюзжание разговаривали?

Монце рассмеялась.

— Да. Даже если это кажется тебе невозможным, мы смогли общаться без криков.

— Отпад, подруга. И как ты нам не рассказала?

— Вот еще! Я не думала, что это что-то важное.

— И о чем вы говорили?

— Он попросил рассказать ему о нашем времени. Ты же знаешь, что в ту ночь, когда мы оперировали Фитца, я призналась, что мы из двадцать первого века. Мне показалось, что, хотя он наверняка подумал, что я свихнулась, ему хотелось повеселиться. Поэтому я не стала молчать и удовлетворила его любопытство. Не больше.

— Серьезно? И что ты ему рассказала?

— Я рассказала ему о женщинах нашего времени и о том, насколько мы стали свободными.

— Он подумал, что ты сошла с ума, да?

— Думаю, скорее всего, он подтвердил свое мнение, что я немного не в себе, и трещу громче, чем маракасы Мачина. Особенно, когда услышал, что женщины нашего века имеют собственный голос и что мы даже делаем первый шаг, если хотим заняться сексом с парнем, — шутливо закончила она.

— Да ладно... Ты ему так и сказала? — Хуана засмеялась.

— Да, но он не поверил.

— И дальше что, как вы перешли на «ты»?

— Я сказала ему, что обращение по титулу для нас осталось в прошлом, что, общаясь среди друзей и знакомых мы используем только имя. Я была удивлена, когда Деклан

спросил, хочу ли я называть его по имени. Представь себе! Просто чудо какое-то, потому что весь святой день, думать, что сказать, чтобы не обидеть, выматывает меня в конец. Поэтому сказала ему, да, но до тех пор, пока он сам будет называть меня по имени. А потом. ну, ну, это. — Монце улыбнулась и убрала волосы с лица.

— Что?! — Глаза Хуаны расширились. — Означает ли «ну, это», что ты сделала первый шаг и?.

Монце сразу поняла, на что ее подруга хотела намекнуть.

— Эй, какое у тебя горячее воображение! О чем ты думаешь?

— А ты как считаешь, красавица? Сколько лет мы знаем друг друга. Я всегда могу определить, когда ты что-то скрываешь.

— Ладно, признаюсь: я его поцеловала.

— Ты поцеловала его?

— Да!

— Ты поцеловала герцога Вемисса? — недоверчиво спросила Хуана, спрыгивая со своей кровати и садясь на кровать подруги.

— Да, и, клянусь, мне это понравилось. Я ничего не могла с собой поделаться! Мы тарасились друг на друга, огонь в очаге горел, и у меня или была лихорадка, или...

— Да, конечно, во всем виновата лихорадка.

— Нет. — рассмеялась Монце. — Это была целая куча вещей. Мы были одни, его голос, его глаза и. в какой-то момент он спросил меня, что сделала бы женщина нашего времени.

— И ты поцеловала его.

— Точно. Я поцеловала его и...

— И?

— С тех пор мы встречаемся по вечерам в его спальне.

— О, подруга, видишь, не такое уж у меня разыгравшееся воображение, — сказала Хуана, прикрыв рот, чтобы подруга не увидела ее улыбки. — Ты трахаешься с гребаным Декланом Кармайклом!

— Да, — подтвердила Монце, смеясь.

— Круто!

— Да конечно! А теперь ты скажешь, что у тебя с Алистером ничего нет? — усмехнулась Монце.

— Ну. Он уважает меня. Хотя, выслушав тебя, чувствую, что мне не стоит тормозить, и к черту его уважение. — Монце не смогла подавить смех при виде решительного лица подруги. — Послушай, Монце, знаю, то, о чем я тебя спрошу, конечно личное, но скажи, как тебе мужчина семнадцатого века в постели?

— В двух словах впечатляет. Такой же или лучше, чем в двадцать первом веке. Хотя, если честно, я не знаю, что творю. Ну, я понимаю, но не знаю, что со мной происходит, что...

Хуана, увидев неопределенный жест подруги, обняла Монце и закончила фразу за нее:

— Ты начала чувствовать к нему нечто такое, что никогда не думала, может случиться с тобой. Мужчина твоей мечты, вот такой каламбур, заставляет твое сердце бешено биться каждый раз, когда ты его видишь. И это сбивает тебя с толку. Я права?

— Да, ты не ошибаешься, но я знаю, что совершаю ошибку.

— Мы, девочка моя, мы. Я втюрилась в Алистера по уши, и, хотя иногда думаю о том, чтобы «наслаждаться моментом», не могу расслабиться. Знаю, что рано или поздно я уйду,

и. ну, эта тема мучает меня с каждым днем все больше и больше.

Обе на некоторое время замолчали.

— Иногда я думаю о том, что мне рассказала Эрика, шотландка, — сказала наконец Монце.

— Ты говоришь о цыганке, которая послала нас сюда?

Монце кивнула.

— Она с детства повторяла, что мое будущее счастье осталось в прошлом.

— Тьфу, ради бога, — прошептала Хуана, показывая Монце на свою руку, — у меня все волоски встали дыбом, девочка.

— Ты просто смешна, — заявила Монце.

— Отпад... — пробормотала Хуана, возвращаясь на свою кровать. — Это означает, что Деклан — мужчина, которого ты всегда искала. Твоя вторая половинка, родственная душа или как это называется.

— Не знаю, — прошептала Монце, откидываясь на стену. — Честно говоря, я не знаю, и это меня пугает.

ГЛАВА 36

На следующее утро, приведя себя в порядок, как могли в этих условиях, девушки вышли из своего жилья и очень удивились, увидев людей из клана Кеннета Стюарта. Не придавая этому значения, они прошли мимо и направились с Агнес и Эдель в сторону крепости Хантингтауэр. Их позвала леди Фиона.

— Как же входить в это место? Это все равно что войти в обитель Урсулы, злой ведьмы из мультфильма «Русалочка», — прошептала Хуана, переступая порог крепости.

Но что действительно ошеломило их, так это богатство замка. Хотя снаружи он выглядел грязным и убогим, внутри оказался в таком блестящем состоянии, что невозможно не удивиться.

— Поглядите-ка, эта Рапунцель живет в настоящем сказочном замке, — усмехнулась Монце, оглядываясь.

— Ага, пока ее люди умирают от голода, — закончила Хулия фразу.

Юная леди Роуз, делавшая что-то в зале, вскоре узнала о их прибытии. Озадаченная, она направилась к ним, и преградив путь, остановилась перед Монце.

— Кто дал вам разрешение войти сюда?

— Нас позвала Фиона Кармайкл, — объяснила Монце, глядя на нее недружелюбно. Ясно, что они никогда не станут подругами.

Деклан, разговаривавший с другими мужчинами в дальнем конце зала, наблюдал за этой сценой и видел с каким недовольством Роуз направилась к его Синди. Он не мог ее слышать, но по лицу испанки догадался, что то, что говорила Роуз, было не очень приятно. С замиранием сердца он стал приближаться.

— Я требую, чтобы ты покинула мой замок. Сейчас же! Таких блудниц, как ты, здесь не очень хорошо принимают.

— Блудниц как я? — повторила Монце.

— То, что ты сделала со мной на днях, не останется безнаказанным. Я заставлю заплатить за унижение, которому ты подвергла меня перед моими людьми. Клянусь тебе!

— Я вся дрожу. Видите, леди Роуз? — Монце усмехнулась, вытягивая руку и преувеличенно дергая ею, чтобы имитировать страх, которого она, конечно, не испытывала.

Хулия и Хуана окаменев, наблюдали за этой сценой. Они хотели вмешаться, но взгляд

подруги приказал им не лезть. Тем не менее чувствуя, что атмосфера между двумя женщинами накаляется до крайности, Хулия

решила прервать эту беседу.

— Нам пора.

— Я сказала, убирайтесь из моего замка!

С каждым словом Роуз кричала все громче и громче. Никто никогда не осмеливался противостоять ей, тем более в ее доме.

— Я же говорю тебе, глухня проклятая, — прошипела Монце, пытаясь обойти ее, — что нас позвала леди Фиона.

Но Роуз не желала молчать и снова встала у нее на пути.

— Деклан Кармайкл мой. Не забывай, блудница. Он может удовлетворить тебя в постели как любовник, но рано или поздно я стану его женой, и тогда позабочусь о тебе. Я устрою тебе такую жизнь, что ты захочешь умереть, — злобно сказала она.

Монце, устав от криков этой испорченной девчонки, подошла к ней вплотную и, незаметно и без формальностей, наступила ей на ногу.

— К твоему сведению, Рапунцель, я не блудница, — медленно сказала она, изо всех сил давя на ногу, а Роуз в ужасе пыталась вынести боль. — Но что заставляет тебя чувствовать себя униженной, так это осознание того, что я та женщина, которая наслаждается страстью мужчины, которого ты хочешь и которого не можете заполучить. Прости, дорогая, он сейчас со мной.

И, не оглядываясь, отошла прочь. Монце пыталась успокоить свое плохое настроение, разглядывая богатые гобелены и витражи, но неожиданно врезалась в кого-то. Монце быстро извинилась:

— Прошу прощения, сэр.

Когда она подняла голову, ее встретил серьезный взгляд Деклана. Он приблизился и спросил ее на ухо:

— Сэр? Синди, мы больше не обращаемся по имени?

Она попыталась справиться с нервозностью, которая охватывала ее каждый раз, когда этот мужчина оказывался рядом, сделала глубокий вдох и поняла, что покраснела.

— Извини, Деклан. Я не знала, что это ты.

Вдохнув аромат Синди, Деклану захотелось прижать ее к себе и поцеловать в горячие губы. Ему очень хотелось остаться с ней наедине, и поняв, что она уходит, не сказав больше ни слова, он разозлился и остановил ее.

— Куда ты так спешишь?

— Твоя мать приказала нам прийти, — ответила Монце, разглядывая леди Роуз, которая, прихрамывая, шла к креслу.

Монце хотелось рассердиться на герцога из-за пренебрежительного отношения, которому он подвергал ее все эти дни, но что-то останавливало. Каждый раз, когда слышала его бархатный голос, Монце чувствовала, как тает внутри. Тем не менее Деклан старался держаться подальше.

— Мы возвращаемся в замок Элчо. Это и хотела сообщить моя мать.

Эта новость сделала Синди такой счастливой, что Деклан уставился на нее с очарованной улыбкой.

— О, боже... вот крутотень!

— Крутотень? — повторил он озадаченно. — Что ты имеешь в виду?

Позабавившись вопросом, Синди снова приподняла уголки губ, смешно надув губы, не замечая, что этот жест еще больше согрел сердце и голову горца, стоявшего перед ней.

— Это все равно, что сказать «как хорошо!».

— Рад слышать, что ты счастлива вернуться в Элчо.

Монце весело кивнула, как ребенок, но ее глаза потемнели, когда она посмотрела на леди Роуз и вспомнила, что должно произойти.

— Да, хотя бы ненадолго. Ты знаешь...

— Ненадолго? — ошеломленно спросил он.

Если Деклан чего-то и хотел, то это проводить как можно больше времени с Синди. Где-то глубоко внутри он начинал верить в безумие, которое она рассказала ему о двадцать первом веке, и, мысль о том, что может ее потерять, начинала мучить его.

— Да, Деклан. Скоро я уеду жить к твоей матери. Ты помнишь?

Он кивнул. Он должен решить эту проблему, как только доберется до Элчо.

— Поэтому не волнуйся... — мягким голосом проговорила она. — И разве мне не нужно больше переживать о донье Капризуле? — промурлыкала она, не подумав. — Потому что она жаждет, чтобы я исчезла, чтобы она могла забраться в твой дом, в твою постель и везде, куда ты ей позволишь.

— Если ты имеешь в виду ту, о ком я думаю, — прошептал он самодовольно, его глаза сверкали, — то нет, Синди, об этом тебе тоже не стоит беспокоиться.

Но Монце, понимая, что только что выдала себя, выругалась. Однако она попыталась приуменьшить важность своего последнего замечания, прояснив некоторые моменты, но только дала Деклану еще больше информации для размышления.

— Ну, посмотрим. Не совершай ошибку. Не то чтобы я волновалась, но.

— Ревнуешь?

— Не ревную. что за выдумки. Кто тебе такое сказал? — прошипела она, испугавшись такого вопроса, ее глаза метали в него убийственные кинжалы.

— Ты. — Но прежде чем она смогла продолжить то, о чем они должны поговорить наедине, Деклан сменил тему, став серьезным. — Как дела с детьми? Вы нашли их семьи?

Воспоминания о малышах осветили лицо Синди от счастья, и она, размахивая руками и убирая прядь волос, упавшую ей на глаза, начала рассказывать, чего они достигли.

— Уф, мы и правда отлично справились. Мы устроили детишек в семьи. И хотя мне было ужасно жаль расставаться с маленькими ангелами, я думаю, это к лучшему. У меня такое чувство, что в первый раз в жизни я ощущаю себя по настоящему полезной. Сделать что-то такое важное для кого-то — это...

— Рад слышать, — кивнул Деклан, заметив, что остальные воины следят за ходом их разговора. Синди обладала магией и, казалось, привлекала всех, и его, в первую очередь. — Как себя вели Кеннет Стюарт и его люди?

Этот вопрос удивил Монце.

— Так же хорошо, как Роуз О'Каллахан... — но, увидев ярость в ее взгляде, тут же замолчал.

— Они вели себя как настоящие джентльмены и помогли нам найти семьи готовые принять детей, — прошипела она, впиваясь в него глазами.

— Ты с ним общаешься?

— К чему этот дурацкий вопрос? — удивленно спросила Синди.

Но отвечать ему не потребовалось, потому что в этот момент к ним подошел

упомянутый Кеннет и, к досаде Деклана, с галантность обратился к Монце.

— Доброе утро, милая Синди. Ты хорошо спала?

— Очень хорошо, — улыбнулась она.

Деклан, недовольный этим, дерзко посмотрел на друга.

— Доброе утро, Кеннет, если ты не заметил, я тоже здесь стою, — прошипел он.

— Мы с тобой уже здоровались, — насмешливо сказал Кеннет, хотя и хлопнул его по плечу, — но, если это сделает тебя счастливым, доброе утро, Деклан.

Герцог собрался ответить, расстроенный вмешательством в разговор, который они вели с Синди, но, как всегда, она опередила его.

— Кеннет, правда, большое спасибо за помощь, которую ты вчера оказал нам, ты и твои люди. Без вас нам потребовалось бы гораздо больше времени, чтобы найти нужные семьи.

— Мне это доставило удовольствие. Если тебе снова понадобится моя помощь, я и мой клан будем рады ее оказать, — заявил он, одарив друга довольным взглядом.

В то утро Деклан и Кеннет говорили о том, что произошло накануне. Они дружили много лет и хорошо знали друг друга. Слишком хорошо.

— Кстати, Кеннет, — сказала Синди. — Почему перед дверью моей хижины стояли люди из твоего клана?

Он поднял голову на Деклана, который угрюмо смотрел на него, и улыбнулся.

— Я приказал им спать рядом. Мне совсем не понравился взгляд некоторых мужчин, которые ошивались там, — ответил он.

Забавляясь этим, Монце попыталась сказать, что ему не следовало беспокоиться, но Деклан с негодующим выражением на лице ее опередил.

— Кто просил тебя охранять моих людей?

— Никто. Но я посчитал это уместным.

— Я больше не хочу видеть твоих людей Стюарт рядом с ней или с кем-либо из моих подопечных, если только я не попрошу тебя сам об этом. Ты слышал, Кеннет?

Пораженная тем, что происходит, Монце наклонилась к Деклану и зашипела, постучав пальцем по его плечу.

— Но в чем проблема?

Эта близость напомнила ему об их интимных моментах.

— Ты из моего клана. Под моей ответственностью! Если кто-то и должен ставить своих людей перед твоей дверью, это я, а не он.

— Тогда делай это, — перебил его Кеннет.

— А кто тебе сказал, что я этого не сделал?

Кеннет посмотрел на своего друга и улыбнулся. Теперь он понимал утреннее недовольство Деклана и причину его гнева. Он собирался ответить, но Синди прервала его с яростью.

— Только посмотрите, как вы оба разыгрываете из себя мачо, только держите рты на замке, потому что ваша ругань доводит меня до истерики. — Она посмотрела на Кеннета. — Спасибо за подробности о ваших людях, но мне не нужно, чтобы кто-то дежурил у моей двери, так что вопрос решен! — И, обратив свой обеспокоенный взгляд на Деклана, продолжила: — Что до тебя, за все те дни, что я нахожусь здесь, ты ни разу не предложил мне свою помощь, потому что был очень занят утешением капризной средневековой Барби, поэтому продолжай в том же духе. Я не ревную и, конечно, не хочу твоей защиты или чего-либо от тебя лично.

Высказав все это с большим раздражением, Монце отправилась на поиски своих подруг, которые разговаривали с Фионой в другом конце зала. Мужчины, удивленные тирадой, которую она им выдала, посмотрели друг на друга. Наконец, Кеннет с улыбкой, которая заставила его друга рассмеяться, сказал, хлопнув его по спине:

— Капризная средневековая Барби?

— Безумная Синди, — весело согласился Деклан, желая хоть когда-нибудь застать ее одну.

— Но капризница — это та, о ком я думаю? — снова усмехнулся Кеннет, глядя на Роуз О'Каллахан, которая ругала одну из своих служанок.

— Боюсь, что да, — ответил Деклан, вызвав у Кеннета смех, заставивший весь зал посмотреть на них.

Оправившись от веселья, он взглянул на своего друга и произнес слова, которые окончательно успокоили Деклана.

— Ты знаешь, что я очень ценю тебя, Кармайкл, но, если ты не сделаешь ничего, чтобы завоевать испанку, я сделаю это сам.

ГЛАВА 37

Монце и ее подруги тепло попрощались с крестьянами клана О'Каллахан и забрались в одну из повозок Кармайклов, чтобы вернуться в замок Элчо. Монце радовалась отъезду, но вся радость испарилась, когда она увидела и услышала, как средневековая выскочка появилась на спине внушительного белого коня и принялась неприязненно выкрикивать резкие приказы слугам.

— Неси мой багаж к повозке аккуратно. Не хочу, чтобы хоть что-нибудь пострадало, иначе ты за это заплатишь. Ах ты, жалкий мешок с помоями! — крикнула она мальчику. — Передай лэрду Кармайклу, что я готова, и мы можем ехать.

— Посмотрите на нее. Ей достаточно покрутить головой, чтобы выглядеть как девица из «Экзорциста», — усмехнулась Хуана, указывая на Роуз.

— О ком ты говоришь? О Рапунцель? — спросила Хулия.

— Да, подруга. Да. А ком еще? — кивнула Монце, раздраженная неожиданной компанией. — Я не могу понять, почему вместо того, чтобы остаться здесь, ухаживать за своим отцом и помогать своим людям, она поехала с нами? Несомненно, чтобы доставить лишние хлопоты.

— Она бесполезнее заикающейся певички, — усмехнулась Хулия, наблюдая за безуспешными попытками Роуз надеть плащ.

В этот момент на своем темном коне появился Деклан и, кивнув Монце, галопом поскакал к Роуз.

— Не волнуйтесь, ваши вещи будут доставлены в целостности и сохранности. Как и всегда, — обратился он к ней дружелюбно.

Завидев его рядом, дурная особа сменила сердитый тон на более мягкий, и со стилем и шиком, достойным потрясающей Бетт Дэвис, убрала волосы с лица.

— О, Деклан. Я так хочу покоя, после всего того безумия, что пережила за эти дни, — сказала она с лучезарной улыбкой. — Я устала, мне нужно отдохнуть.

— В Элчо вы отдохнете, уверяю вас.

Деклан поцеловал ее руку и отвернулся, увидев Кеннета Стюарта, приближающегося к повозке, в которой ехали испанки.

— Я хотел проверить, хорошо ли вы устроились, — сказал горец, подходя и глядя на

Синди. — Надеюсь, вы больше не сердитесь на меня из-за того, что поставил своих людей на вашем пороге.

— Вы едете с нами? — спросила Хуана.

— Только часть пути, — уточнил он, не сводя глаз с Синди.

Хуана и Хулия кивнули и отошли в сторону. Совершенно очевидно, что этот симпатичный шотландец пришел не к ним.

— Кеннет, ты такой очаровательный, я не могу на тебя сердиться. Прости за мою реакцию в гостиной, но когда вы с Декланом стали.

— Кстати, о Деклане, — перебил он, забавляясь. — Он сейчас наблюдает за нами. Думаешь, мне стоит взять в руки меч?

Удивленная, Монце посмотрела в ту сторону, куда он указывал, и странное ликование пробежало по ее телу, когда она увидела, что Деклан наблюдает за ними, в то время как Рапунцель как заведенная болтает без умолку. Ее застывшее лицо выдавало напряжение, а глаза — ярость и неверие.

— Расслабься, Кеннет. Я не думаю, что Деклан хочет потерять хорошего друга.

— Возможно, когда речь идет о такой женщине, как ты, то да.

Монце поразились тому, на что намекал он этими словами.

— Ты так думаешь?

Кеннет, удивленный, с каким интересом Деклан наблюдает за ними, придвинулся еще ближе к испанке, чтобы подразнить его, что вызвало у Монце смех.

— Я давно знаю этого осла и никогда не видел, чтобы он так смотрел на меня за то, что я просто разговариваю с женщиной, — прошептал он ей на ухо.

Монце улыбнулась на эти слова и, как в свои лучшие времена, распустила волосы и растрепала их, словно сама Синди Кроуфорд во время модного показа, а затем с чувственностью откинула пряди с лица. Хуана разразилась смехом.

— Я думаю, что наша Синди Кроуфорд влюбилась, и совсем не в того красавчика, который стоит перед ней, — прошептала она по-испански.

— О, боже мой! — пробормотала Хулия, прикрывая рот рукой, глядя на Деклана.

Не в силах скрыть своего хорошего настроения по поводу ехидных комментариев подруг, Монце придвинулась чуть ближе к Кеннету и еще раз взмахнула волосами.

— Ты действительно думаешь, что Деклан будет с тобой драться? — спросила она.

Кеннет обменялся взглядом с сердитым горцем, который не переставал наблюдать за ними со своего места, и наконец кивнул, вызвав новую улыбку.

— Не сомневайся. Но остерегайся последствий, к которым это может привести. Особенно от капризной средневековой Барби.

ГЛАВА 38

Обратный путь в замок Элчо проходил медленнее, чем путь оттуда. Кеннет и его воины попрощались с ними через несколько часов после отъезда и отправились в свои земли.

Бесперывные остановки, устраиваемые Роуз О'Каллахан, заставили бы впасть в отчаяние любого, а если к этому добавить надоедливый дождь и холод, то тем более. Они прибыли в Элчо ранним вечером.

Фиона, взявшая бразды правления, как только они прибыли, вышла из своей повозки и подошла к той, в которой ехали испанки, вместе с Эдель и Агнес, чтобы поторопить их.

— Девочки, идите в замок и приготовьте комнаты для Роуз.

Служанки спрыгнули с повозки, но, увидев, что Синди и остальные отстали,

подтолкнули их вперед.

— Ну, давайте, идем. Нам нужна ваша помощь.

Монце проснулась. С тех пор, как она попрощалась с Кеннетом Стюартом и его людьми прошло несколько часов, и воспоминания об их разговоре заставили ее улыбнуться. Она спустилась с повозки и огляделась. Казалось, все активизировались, и она решила сделать то же самое. Но когда увидела, как Деклан помогает Роуз сойти с лошади, то тихо выругалась. Взгляды, которые та бросала на мужчину ее мечты, Монце не нравились. И без того во время поездки она с трудом терпела, когда эта сиропная пустышка приказывала всем и вся, и улыбалась как идиотка, глядя на Деклана.

— Ну, а это еще кто? — спросила Хуана, заметив рыжеволосую девушку, которая смеялась вместе с Алистером, руководящим людьми при разгрузке багажа Роуз.

— Это Мириэль, одна из фрейлин леди Роуз, — прошептала Агнес, видя, как ее Перси смеется как дурак, над чем-то, что та сказала. — Помни, Пэрис, держись от нее подальше, иначе у тебя будут неприятности.

— Не волнуйся, Агнес, никаких проблем не будет, — фыркнула Монце, раздраженная тем, что Деклан так заботится о Роуз.

Но Хуана не вняла доводам разума и раздраженная тем, что ее Алистер оказывал внимание упомянутой особе, сошла с повозки и, не дав никому опомниться, подошла к паре.

— Алистер, — позвала она, привлекая его внимание. — Мне нужно с тобой поговорить. Можешь подойти на минутку?

Рыжеволосый горец кивнул и, проговорив что-то своей собеседнице, а она улыбнулась в ответ, подошел к Хуане.

— В чем дело? — спросил он.

— Я слышала, что ты общаешься наедине с некой Эрин, а сейчас смотрю ты как дурак гогочешь с девушкой по имени Мириэль. Это так?

Заданный вопрос ошеломил его.

— Что?

Хуана, заметив, что он замешкался с ответом, устремила на него свои темные глаза и указала на рыжую, которая нагло смотрела на них.

— Я не позволю никому играть со мной в игры, ты слышишь меня, Алистер? — Он кивнул. — Если ты собираешься иметь что-то общее с Мириэль, тогда то, что было между тобой и мной, — а это ровным счетом ничего — закончилось. Ты меня понимаешь?

— О чем ты говоришь, Пэрис? — спросил он, взяв ее за руку, отводя в сторону, чтобы не мешать разгрузке повозок.

— Ты прекрасно понимаешь, о чем я говорю, — обвинила она его. — И я скажу тебе одну вещь, Шотландец, если ты хочешь продолжать валять дурака с другими девушками у меня на глазах, я этого не потерплю. Если она тебе нравится, продолжай, но, когда она уедет отсюда, даже не думай приближаться ко мне, потому что я не та женщина, которая делит своего мужчину. Понял?

Горец, удивленный внезапной переменой настроения своей Пэрис, завороченно кивнул. С тех пор как он узнал ее, доброе настроение и улыбка ни на секунду не покидали его лица, но, видя ее перед собой, проявляющую такую присущую всем испанкам неподражаемую ярость, он улыбнулся. Особенно с учетом того, что осознал из этого выступления.

— Ты смеешься? У тебя хватает наглости смеяться мне в лицо?

— Не без причины, Пэрис. Не без причины.

Заметив, что рыжеволосая красotka наблюдает за ними, а особенно за кривлянием Алистера, Хуана развернулась, чтобы уйти. Он удержал ее за руку, повернул к себе и осыпал ее рот собственническими поцелуями, достойными лучшей мыльной оперы.

— Моя девочка. Ни Эрин, ни Мириэль не нужны мне, когда есть ты, — прошептал он ей на ухо. — Тебя устраивает такой ответ?

Хуана, замороженная проявлением чувств на глазах у всех, машинально кивнула и с широкой улыбкой на губах продолжила свой путь, возвращаясь туда, где Монце, все еще злясь, наблюдала за Декланом. Хуана схватила ее за руку и потянула в замок.

— Определенно, как только я останусь с Алистером наедине, мы покончим со всем этим его уважением, — решительно заявила она.

ГЛАВА 39

В тот же вечер, закончив подготовку комнат для гостей, спускаясь с лестницы Монце в гостиную увидела Деклана, Роуз и Фиону. Они втроем беседовали, так расслабленно и непринужденно, что бессознательно у Монце испортилось настроение. Деклан стал для нее слишком особенным. Но так уж сложились обстоятельства, и Монце ускользнула в свою комнату, решив не терзать себя больше. Но у нее ничего не вышло. Ночь прошла ужасно, ей хотелось встать и броситься в объятия любимого, но она сдержалась и не пошла наверх.

На следующий день не стало лучше. Монце прошла мимо герцога в гостиную и, когда он хотел что-то сказать ей, подчеркнуто равнодушно проигнорировала его и ушла. Такое отношение раздражало лэрда, который накануне безуспешно ждал ее до самого утра. Он хотел поговорить с испанкой, но пришлось искать подходящий момент, и, как оказалось, он его не нашел.

Во второй половине дня, после обеда, Роуз предложила совершить конную прогулку. Деклану не хотелось этого делать, но когда он заметил направленный на него взгляд матери, согласился. Монце, которая мыла один из витражей в гостиной, увидела, как парочка прошла к конюшне и затем удалилась рысью на лошадях.

— Чёрт возьми! — воскликнула она, наблюдая за ними.

— Что случилось, Синди? — спросила Фиона, подходя ближе.

Раздосадованная тем, что ее услышали, Монце с улыбкой убрала с лица челку и прижала ткань к стеклу.

— Небольшое пятнышко, которое я не могу очистить.

Несколько секунд Фиона наблюдала за тем, как испанка очень энергично оттирает стекло, и подумала, что в конце концов оно разобьется. Судя по хмурому лицу Синди, можно не сомневаться, что она очень зла. Наблюдая эту вспышку и зная истинную причину такого плохого настроения, Фиона взяла Синди за руку и потянула прочь.

— Пойдем. Мне нужно поговорить с тобой.

Монце повиновалась безропотно, и когда они вошли в библиотеку, Фиона закрыла дверь. Когда они обе уселись, мать Деклана пристально посмотрела на испанку.

— Что ты скажешь о моем сыне? — едва начав разговор, она сразу перешла к делу.

— Что вы имеете в виду? — удивилась Монце.

— У тебя есть к нему чувства, девочка? Я видела, как вы двое украдкой поглядываете друг на друга, и теперь не прикидывайся дурочкой, Синди, я прожила слишком много лет, чтобы ты думала, что сможешь меня обмануть.

Монце равнодушно подняла подбородок и пожала плечами.

— Я не понимаю, о чем вы, Фиона. Я ничего не чувствую к нему, почему я должна

чувствовать? Мы только и делаем, что постоянно спорим, — ответила она, изображая недоумение.

— Я слышала, как ты бранилась, когда увидела, что Роуз и Деклан уезжают, и подумала, что, возможно, тебе это неприятно.

— Боже мой, как вы могли такое подумать? Если я и ругалась, то только из-за дурацкого пятна на стекле.

— Ты уверена, Синди?

— Конечно, Фиона, — кивнула Монце решительно.

— Но взгляды, которые вы бросаете друг на друга?

Монце, в начале оторопев от разговора, попыталась немедленно положить ему конец.

— Вы ошибаетесь. Я смотрю на него, как на любого другого мужчину. Может быть, даже меньше.

Услышав эти слова, мать Деклана откинулась в кресле. Желая вывести испанку на чистую воду, она устроила для нее небольшую ловушку.

— Дочка, я спрашиваю потому, что, согласно проклятию Кивы, заклятие исчезнет только в том случае, если кулон будет найден тем, кто влюблен в Кармайкла. И хотя я счастлива, что драгоценность вернулась, но боюсь за Мод. Постигнет ли ее та же участь, что и ее предков? Мне больно думать об этом, очень больно.

— Успокойтесь, я уверена, что заклинание исчезло.

— Ты уверена, потому что у тебя есть чувства к Деклану? Мой сын — очень красивый мужчина.

«Наверное, она ведьма», — подумала Монце, но в конце концов вздохнула и сдалась.

— Давайте посмотрим. Я не могу отрицать, что ваш сын — красивый мужчина с очень хорошей фигурой. Мне нравится, когда он улыбается, но.

— Так тебя тянет к нему?

— Нет.

— Но ты только что сказала, что он тебе нравится?

Удивленная тем, что леди Фиона так ловко ее провела, Монце разразилась смехом.

— Что вы двое задумали?

— Я ничего не задумывала, просто хочу, чтобы ты была честна и сказала мне правду, — улыбнулась леди Фиона, похлопывая ее по рукам. — Ты очень нравишься моему сыну. Он мне ничего не говорил, но я его мать и знаю его. Даже с матерью Мод я не видела его таким беспокойным. Я замечаю, как он ищет тебя глазами и улыбается, когда ты рядом. И хотя вы двое яростно спорите на глазах у всех, я понимаю, что все не так. Кроме того, я знаю, что уже некоторое время вы встречаетесь в его комнате по ночам.

Загнанная в угол матерью Деклана, из-за которого она потеряла голову, Монце посмотрела на нее и подтвердила:

— Ладно, признаюсь. Мне очень нравится ваш сын, он меня очень привлекает. Поэтому вам не нужно беспокоиться о Мод.

Услышав это, Фиона захлопала в ладоши, а Монце остолбенела еще больше.

— Послушай, Синди. Я бы хотела, чтобы у вас с Декланом было больше, чем просто эти тайные ночи, и уверена, что он тоже хотел бы этого. Из тебя получилась бы прекрасная леди для замка Элчо. Кроме того, Мод обожает тебя, а наш народ тебя любит.

— Фиона, ради бога, что вы говорите? — испуганно пробормотала она.

— Связь между тобой и Декланом оказалась бы чудесной.

— Нет. Невозможно.

— Почему? — спросила озадаченная леди Кармайкл.

— О, Фиона, поверьте мне, это невозможно!

— Но разве ты не говорила, что тебе нравится мой сын и что он тебя привлекает?

— Да.

— Ну?

Переведя взгляд на мать Деклана, Монце взяла ее руки в свои, чтобы с печалью, затопившей ее сердце, прошептать о своем горе.

— Вскоре я уеду и.

— Как? Почему? Разве ты не счастлива здесь?

— Послушайте меня, Фиона. — И видя огорченное выражение лица старой леди, она не смогла больше молчать. — Я очень счастлива здесь. Вы все замечательные, и уверена, что никогда больше не встречу более добрых людей, но я должна вернуться.

— В Испанию?

Пытаться объяснить расстроенной шотландке то безумие, которое она и сама не понимала, было невозможно, поэтому Монце ограничилась подтверждением этого предположения.

— Да, в Испанию.

— Ты не хочешь выйти замуж за Деклана?

Монце не ответила. Что-то в ней кричало «да», но она должна сохранять благоразумие и холодную голову.

Фиона окончательно сдалась, когда увидела страшную печаль, отразившуюся в глазах испанки.

— Тогда, дитя, если ты не хочешь его для себя, не испытывай ко мне ненависти, но как мать я буду убеждать его ухаживать за Роуз. Моему сыну нужна женщина.

После напряженного молчания Монце встала, поцеловала Фиону в щеку и направилась к двери библиотеки.

— Я думаю, вам стоит поощрить Деклана ухаживать за Роуз. Он заслуживает того, чтобы наладить свою жизнь с женщиной, даже если она не та самая, — проговорила Монце, прежде чем уйти.

С этими словами она закрыла за собой дверь, оставив Фиону в оцепенении и направилась на кухню, чтобы поразмышлять о своих печалях. Спустя несколько часов, когда она сидела под дубом и напевала песню, Монце увидела, как возвращаются Роуз и Деклан. Злясь на себя за то, что позволила себе предаваться мечтам, она встала и пошла в дом чистить картошку для ужина. Ей нужно что-то делать, иначе она сойдет с ума. Она все еще напевала, когда вдруг услышала высокий женский голос.

— Где Агнес и Эдель?

Монце подняла глаза от своего занятия и увидела двух молодых особ безупречной внешности.

— Ну, если вы не видите их здесь, это потому, что они заняты в другом месте.

И получила ответ, в таком надменном тоне, что в теле Монце напрягся каждый мускул. А она совсем не расположена к шуткам!

— У нас есть для них работа. Мы должны найти их сейчас же.

Эти две женщины источали злобу. Монце встала со стула.

— Что вам нужно?

Светловолосая молодая женщина с тонкими чертами лица оглядела ее с ног до головы, а затем ответила неприятным властным тоном.

— Вы должны пойти в спальню леди Роуз, чтобы убрать комнату, которая находится в плачевном состоянии. Затем вы должны постирать платья, и постарайтесь не испортить их, а потом, когда они высохнут, погладьте и отнесите их в комнату ее светлости и повесьте.

Удивленная подобным приказом, Монце взяла картофель в руки.

— Вы — служанки леди Роуз. Почему они должны это делать? — Молодые дамы в недоумении посмотрели друг на друга. — А что касается ее комнаты, то сомневаюсь в ваших словах, ибо сама видела, что вчера вечером ее покои оставались чистыми и опрятными, так что не думаю, что они в таком плачевном состоянии, как вам хотелось бы верить, если только ваша хозяйка не взяла на себя труд навести там бардак.

Девушки посмотрели друг на друга.

— Ты Синди, не так ли? — спросила одна из них с недоброй улыбкой.

— Ага!

— Мы слышали о тебе, — сказала брюнетка.

— Ах, правда?.

— Да.

— Ну, надеюсь, что хорошее, потому что если нет, то я рассержусь, и уверяю вас, когда я сержусь, меня следует бояться, — заявила Монце, втыкая нож, которым она чистила картошку, в деревянный стол.

Испугавшись, служанки Роуз отступили назад, как раз, когда Агнес вошла в кухню. Увидев развернувшееся зрелище, она подошла к Синди, чтобы что-то сказать, но Синди оттолкнула ее, сделав шаг к двум стервам, которые отступили еще на пару шагов.

— Если кто и будет стирать белье вашей хозяйки, так это вы. Одно дело, когда мы вежливы с гостями, но совсем другое, когда вы принимаете нас за дурочек. Поэтому вы можете сбегать к озеру или куда вам угодно и тщательно выстирать одежду вашей леди Роуз.

Испуганные и держащие платья в руках, две наглые служанки в поисках защиты бросились вверх по лестнице. Монце прибывала в ярости. Агнес громко рассмеялась от такой реакции.

— Да ладно, я вижу, ты знаешь, как обращаться с такими гарпиями, — прокомментировала она, икнув от смеха.

Монце не ответила. Откинувшись на стуле, она взяла картофелину и выкрутила нож из дерева.

— Ух, Агнес, — сказала она через некоторое время, — если бы я рассказала тебе о гарпиях, с которыми имею дело ежедневно, ты бы меня понял.

Вскоре с корзиной, полной только что отстиранной одежды вернулись Эдель и Хуана и с радостью выслушали историю от Агнес. Тут на лестнице поднялась суматоха, и через несколько секунд на кухне появились Роуз О'Каллахан и две ее горничные, выглядевшие растерянными.

— Кто посмел так пренебрежительно отнестись к Лине и Тине? — И, посмотрев на Синди, Роуз неприязненно добавила: — Это точно была ты, не так ли, служанка?

— Начинается. — пробормотала Монце по-испански. — Снова эта заезженная пластинка...

— Я спрашиваю, что.

Встав в позу, Монце снова отложила картошку и нож, и спросила недобрым голосом:

— В чем проблема?

Леди Роуз, выглядевшая как всегда безупречно, пристально посмотрела на нее.

— Веди себя прилично, горничная. Разве не знаешь, с кем имеешь дело? — сказала она зло.

Агнес и Эдель в недоумении смотрели друг на друга. Противостояние с этой капризной барышней не сулило ничего хорошего. Если об этом узнает лэрд Кармайкл, у Синди снова будут неприятности. Агнес, пытаясь избежать этого, сделала шаг вперед, чтобы привлечь внимание леди.

— Простите нас, леди Роуз, но.

— Замолчи, Агнес! И дай мне разобраться с ситуацией, — потребовала Монце, не в силах держаться спокойной перед лицом этой дуры. Она, конечно, может многое потерять, но в данный момент ей стало совершенно все равно.

— Ты бесстыжая. Кем ты себя возомнила? Кем ты себя считаешь?

Сочась злобой, Роуз О'Каллахан замахнулась рукой, чтобы ударить ее по лицу, но Монце парировала удар.

— Если ты поднимешь на меня руку, ты пожалеешь об этом. И ты знаешь меня, леди Роуз; если я говорю, что ты пожалеешь, ты пожалеешь, — проговорила Монце, не отпуская запястья, которое крепко сжимала в своих пальцах.

— Ну. Это будет скандал, — пробормотала Хуана.

— Отпусти меня, проклятая шлюха! Ты думаешь, что раз ты греешь постель Деклана, то можешь так со мной разговаривать? — Роуз быстро взглянула на одну из своих служанок и сказала: — Лина, найди лэрда Кармайкла. Он уладит это дело.

Горничная, услышав свою хозяйку, повернулась и исчезла на лестнице, а Монце без испуга смотрела на Роуз.

— Ты, чертова бездельница! — крикнула Роуз испуганной Эдель. — Иди сюда немедленно.

Служанка, не теряя ни секунды, бросилась к ней. Блондинка взяла платья из рук Тины и положила их Эдель на руки.

— Сейчас же постирай их, ибо я повелеваю тебе и другим.

Монце вырвала одежду у Эдель, которая дрожала как осиновый лист, и вернула ее служанке Роуз.

— Нет. Стирать будет твоя горничная. У нас есть другие дела.

Как ураган, Роуз снова подхватила свою одежду и передала ее Эдель.

— Выстирай их!

Монце снова выхватила платья у нее и бросила их на пол.

— Нет! — яростно заявила она.

Не дав никому среагировать, Роуз О'Каллахан подняла руку и с размаху ударила по лицу Эдель, которая от неожиданной пощечины упала на пол. Хуана, Агнес и Хулия быстро помогли ей подняться, а Монце одним движением свалила Роуз с ног, опрокинув на пол.

— Если ты еще хоть раз поднимешь руку на кого-нибудь, пока я здесь, клянусь тебе.

— Что, во имя бога, здесь происходит? — воскликнул Деклан, входя в кухню с озадаченным выражением лица, и увидел растянувшуюся на полу Роуз и рассерженную Монце.

Не упуская ни секунды, заплаканная белокурая девица протянула ему руку, чтобы он помог ей подняться. Оказавшись на ногах, к ярости Монце, она прижалась щекой к груди

Деклана и театрально застонала.

— Деклан, эта твоя неотесанная служанка напала на меня, оскорбила и обидела. Как ты можешь держать такого человека в своем доме?

Горец, все еще удивленный ситуацией, посмотрел на испанку, которую обожал, и, увидев, как она пожала плечами, закрыл глаза.

— Я принимаю все, что ты скажешь, потому что это правда, и не стану этого отрицать. И позволь мне добавить, а я скажу это очень четко, чтобы ты меня понял, что если я так отреагировала, то это потому, что она напала на нас раньше, и в качестве доказательства — вот след ее руки на лице Эдель. Она оскорбила и обидела нас.

— Она лжет! — прокричала Роуз.

— Нет, я не лгу, и вы это знаете, леди Роуз. Просто когда вам платят той же монетой, вам это не нравится, не так ли? — И, взглянув на лэрда, который с недоумением наблюдал за этой сценой, Монце сказала: — Деклан, я только пыталась заставить леди Роуз понять, что ее служанки должны заниматься своими делами. Мы отвечаем за целый замок и не можем брать на себя еще и дополнительные обязанности. Почему, спросишь ты? — Герцог не сдвинулся с места. — Да, потому что у нас не десять рук, и если они будут работать вместе с нами, то в замке все пойдет своим чередом. Или лучше, чтобы еда задерживалась и порядок в твоём доме начал рушиться?

Выслушав Монце, Деклан кивнул. Он прекрасно понимал, что она пытается ему сказать, но Роуз О'Каллахан воспитывалась по-особому, и даже когда она приезжала к нему в гости, ей во всем потакали. Почему? Он не знал. Она всегда была такой, но, возможно, это должно измениться. Он посмотрел на хнычущую Роуз на своем плече и отстранил ее от себя. Затем, к удивлению Эдель и Агнес, лэрд громким и ясным голосом заговорил:

— Роуз, перестань плакать и постарайся понять, что мой народ хочет тебе сказать. — Блондинка посмотрела на него с жалобным выражением лица, которое его не остановило. — Хозяйство в замке имеет свои порядки, и если у тебя есть служанки, чтобы прислуживать тебе, почему бы им не заниматься своими обязанностями?

— Но Деклан, я.

С чудесной улыбкой, которая заставила капризную девицу замолчать и вздохнуть, герцог посмотрел на нее и прошептал:

— Пожалуйста, Роуз, соглашайся. Никто не требует, чтобы ты сама стирала белье, просто прикажи своим горничным выполнять их работу. Именно поэтому они сопровождают тебя, не так ли?

Не дав ей времени сказать что-то еще, Деклан повернулся к улыбавшейся Монце.

— Синди, я хочу поговорить с тобой прямо сейчас. Наедине!

— Сейчас, Деклан?! — спросила удивленная Монце.

— Да. Сейчас, — настоятельно потребовал он. — Это срочно.

— Деклан?! С каких пор ты позволяешь слугам оспаривать твои слова? — воскликнула Роуз, уже отдав приказ своим служанкам постирать белье.

Повернувшись, горец встретился с гостьей взглядом, в его карих глазах читались гнев и нескрываемое желание ее задушить.

— Роуз О'Каллахан, не будете ли вы так любезны подождать меня в холле? У меня есть дела, которыми я должен заняться со своими людьми.

Когда молодая девица в сопровождении двух своих притихших горничных ушла, Деклан взял Синди Кроуфорд за руку и потащил в противоположном направлении.

— Пойдем со мной.

Со странной улыбкой на губах она позволила провести себя в скромную комнату. Оказавшись внутри, Деклан закрыл дверь и прижал Монце к дверному косяку, пристально глядя ей в глаза.

— Не ставь меня больше в такое положение, — угрожающе пробормотал он.

— Я понимаю, Деклан. Клянусь, я понимаю. Но эта невоспитанная маленькая соплячка говорила ужасные вещи; она обращалась с Агнес и Эдель как с отбросами и смела говорить, что.

— Прощлой ночью я ждал тебя несколько часов. Я тосковал по тебе несколько дней и желал тебя каждую ночь, так. почему ты не пришла?

Удивленная таким поворотом событий, Монце посмотрела ему в глаза и, наконец, ответила:

— Я подумала, что ты устал и.

— Никогда больше не думай за меня.

И без лишних слов он поцеловал ее. Деклан впился в ее рот таким обжигающим поцелуем, что у Монце задрожали ноги, особенно когда она почувствовала, как он ее хочет.

С большим трудом, используя все свое самообладание, Деклану удалось отстраниться.

— Ночью я буду тебя ждать.

Он снова поцеловал ее. Затем отодвинул в сторону, открыл дверь и ушел.

ГЛАВА 40

Всю вторую половину дня Монце чувствовала себя неважно. Что ей делать? Идти ли ночью к Деклану? Или нет? Его последние слова «Я буду ждать тебя» — заставили вспомнить ту самую песню, и напевать ее, пока она развешивала чистую одежду, которую постирала Эдель.

«Я буду ждать, что ты захочешь взять меня за руки [...] что однажды ты не сможешь жить без моей любви».

В этот момент подошла Хуана и, взяв ее за руку, прошептала на ухо:

— Я чуть позже встречаюсь с Алистером.

— И?

— Я готова перестать уважать его раз и навсегда. Или сделаю это, или, клянусь, взорвусь. Говорю тебе это для того, чтобы ты не волновалась, если увидишь, что я не приду ночевать, и чтобы ты рассказала Хулии, чтобы она не нервничала.

— Ты точно уверена в том, что собираешься сделать?

— Абсолютно уверена. Безусловно! Вчера вечером, когда он поцеловал меня на глазах у всех, у меня случился сердечный приступ. О, моя девочка, сексуальный потенциал, которым обладает мой рыжик, должно быть, чертовски хорош. И знаешь, если бы не была такой маленькая и слабой, клянусь своей бабушкой Лолой, я бы перекинула его через плечо и сделала своим прямо там и тогда.

Монце так расхохоталась, что ей пришлось сесть на бревно.

— Могу я быть честной? — пробормотала она, придя в себя.

— Конечно, и, как бы сказал мой любимый рыжик — «я требую этого».

— Я думаю, если тебе нравится Алистер, ты влюбишься в него еще больше благодаря этому шагу.

— Так случилось у тебя с Декланом?

— Да.

Монце со вздохом кивнула.

— Но, — продолжала она с горькой улыбкой, — ты задумывалась о том, что наше время здесь рано или поздно подойдет к концу?

— Нет.

— Ну, ты должна. Что подумает Алистер, когда не найдет тебя? Ты сказала ему правду, почему мы здесь?

— Нет. Если я это сделаю, он решит, что я спятила, — честно ответила Хуана.

— Знаю. Мне кажется, в глубине души Деклан думает обо мне именно так. Но в тот день, когда исчезну, может быть, он одумается и поймет, что я говорила ему правду.

— О, подруга, если ты так говоришь, может, мне стоит признаться. Но как?

— Сказав Алистеру правду, не больше и не меньше.

Несколько секунд они молчали.

— Деклан попросил меня встретиться с ним сегодня вечером в его комнате. И хотя хочу этого, я, честно говоря, не знаю, что делать. Мне кажется, что я вмешиваюсь в его жизнь, и это начинает меня пугать. По словам Эдель и Агнес, он и Роуз не просто друзья, и хотя он заверил меня, что она для него никто, я не могу просто взять и нарушить его жизнь, а потом просто исчезнуть. Не думаю, что это будет честно по отношению к нему.

— Послушай, если продолжишь так говорить, то изменишь мое мнение о том, что я планирую сделать с Алистером сегодня вечером. И хотя умом понимаю, что ты совершенно права, я больше не смогу сдерживать свой сексуальный инстинкт.

Через некоторое время подруги увидели приближающихся всадников. Это прискакали воины Деклана и несколько воинов Роуз О'Каллахан. Чуть ранее, Эдель, Хулия и Агнес, которые возились у плиты на кухне и обсуждали рецепты, не могли не сокрушаться по поводу их визита.

— Я думаю, так мы будем готовить до позднего вечера, — пожаловалась Монце.

— И ты не станешь возражать, что сейчас «Телепицца» или «Бургер Кинг» нас бы здорово выручили. — усмехнулась Хуана.

Повеселев от такого замечания, они обе отправились в замок, чтобы помочь остальным.

ГЛАВА 41

После нескольких часов на огне тушеное мясо было наконец готово. Воины обоих кланов, собравшиеся в обеденном зале Кармайклов, приветствовали служанок лэрда Деклана и леди Роуз, когда те начали обслуживать горцев. Монце, однако, не пожелала появляться в зале. Она не хотела видеть человека, который занимал все ее мысли рядом с Рапунцель, и поэтому вызвалась отвечать за поддержание огня, чтобы еда не остыла, пока остальные ждут за столами.

Эдель и Агнес, которым помогали Хуана и Хулия, обслуживали своих воинов, а Лина и Тина угощали воинов клана О'Каллахан. Мужчины, забавляясь видом мелькающих среди них девушек, наперебой хвастались, когда те проходили мимо, а девушки хихикали и уворачивались от их рук. Но Агнес перестала смеяться, когда увидела, как ее Перси встал и пошел к Лине, чтобы она наложила ему еду.

Деклан, сидевший с матерью, леди Роуз и Алистером, заметил, что Синди нигде не видно, что его очень обрадовало. Он не хотел представлять ее в этой толпе мужчин, не хотел, чтобы ему пришлось так же тяжело, как Алистеру. Его друг, раздосадованный тем, что видит свою возлюбленную среди стольких веселящихся воинов, почти не ел. Лэрд, зная об этом и ничего не сказав своему лейтенанту, попросил одного из воинов предупредить остальных

мужчин, чтобы они следили за своим поведением с молодой Пэрис.

Десять минут спустя Агнес, растрепанная и расстроенная, спускалась по ступенькам на кухню, пыхтя от злости как паровоз.

— В чем дело, Агнес? — спросила Монце, увидев ее в таком состоянии.

— Я не могу на это смотреть, не могу! — закричала она, бросая поднос с рагу на стол. Через несколько секунд она упала и начала плакать.

Опечаленная и понимающая, о чём та говорит, Монце заставила Агнес сесть рядом с собой, чтобы её утешить.

— Ты так говоришь из-за служанок Рапунцель?

Вытирая слезы, Агнес кивнула. В этот момент появилась разъяренная Эдель, а за ней Хуана. Последняя, увидев отношение двух мужчин, в которых влюбились ее новые подруги, взорвалась от ярости.

— Не надо больше плакать и причитать, Агнес. Разве ты не понимаешь, что от этого твои глаза опухнут, и ты будешь выглядеть несчастной и жалкой?

— Но.

— Нет никаких «но»! — воскликнула Монце, хлопнув рукой по столу, чтобы поддержать Хуану. — Возьми себя в руки! Я говорила тебе, что ты в тысячу раз красивее этих двух подражательниц Рапунцель. Ты просто не знаешь, как правильно себя подать, и, кроме того, тебе стоит улыбаться другим мужчинам, а не дуракам Перси и Неду.

— О нет, Синди, и я не могу улыбаться никому, кроме Перси.

— А я не могу улыбаться никому, кроме Неда.

— Ну что ж, очень жаль, юные леди, — отругала их Хулия, появляясь с подносом, который тут же поставила на деревянный стол. — Очень жаль. Чтобы мужчина понял, что вы существуете, он должен увидеть, что вас хотят другие. Послушайте, когда полюбила своего Пепе, я сделала именно так. Я видела его каждый день, когда шла на работу, и думала, какой он красивый и статный, но он даже не замечал меня. Долгие месяцы я пыталась заставить его увидеть, что существую, но он начал замечать меня только тогда, когда увидел, что я разговариваю с другими парнями из Валлекаса и даже не смотрю на него. С этого момента мой Пепе стал полностью принадлежать мне. И это, моя дорогая, — прошептала Хулия, присаживаясь рядом с Агнес, — то, что вы с Эдель должны сделать. Если хотите, чтобы эти два осла Перси и Нед обратили на вас внимание, начинайте бороться. Заставьте их думать, что не заинтересованы в них, что вы смотрите на других мужчин, чтобы упрямы поумнели и поняли, кого могут потерять.

— Неплохо для Дюваль, — пошутила Хуана. — Ты редко говоришь, но когда это происходит, ты просто сногшибательна!

— Дело в том, что мой Пепе много раз заставлял меня чувствовать себя так, как эти девушки чувствуют себя сегодня, и единственный совет, который я могу им дать, чтобы они перестали страдать, — это ценить и любить прежде всего себя, чтобы другие смотрели на них другими глазами.

— Да ладно тебе со своим Пепе, я думала, он глупый, — поддразнила Монце.

— Он никогда не был и не будет дураком. И ты не представляешь, как он взвыл, как только увидел, что я веселюсь с его друзьями, — засмеялась Хулия при воспоминании.

— Бедняга Пепе, — обняла ее Монце, увидев переживания подруги.

Они почти не говорили о нем с тех пор, как оказались в замке Элчо, но подруги знали, как сильно Хулия скучает по мужу. В конце дня имя Пепе прозвучало около двадцати раз.

— Ты с нетерпением ждешь, когда снова увидишь его? — ласково спросила Эдель.

Взволнованная, Хулия кивнула и ответила:

— Я не могу дождаться, чтобы увидеть его снова. Как обниму его и скажу, что я сильно его люблю.

— Ты увидишь его, когда вернешься в Испанию, к себе домой?

Испанки посмотрели друг на друга с нечитаемым выражением, и Хулия изо всех сил сдерживала слезы.

— Да, я надеюсь, что он ждет меня.

— Конечно, он будет ждать тебя, глупышка! — Монце утешала ее, поддерживая взглядом. — Где еще твой Пепе найдет такую женщину, как ты?

— Эй, не забывай, что ты Норма Дюваль! — засмеялась Хуана. — Восхитительная женщина.

Хулия разволновалась, и Монце попыталась переключить разговор на другую тему.

— Девочки, давайте поднимем настроение, а лучшее средство от депрессии — это поход по магазинам! Но так как хорошие бутики тут отсутствуют, я поговорю с Фионой и спрошу, нет ли у нее тканей, из которых мы могли бы сшить для вас помимо всего прочего несколько красивых платьев. Я уверена, что благодаря упорной работе и нашей помощи, вы будете выглядеть на все сто, и тогда эти два осла падут к вашим ногам.

— Какая хорошая идея! — похвалила Хуана. — Мы сделаем вам сногсшибательный макияж. Что вы думаете об этой идее? Давайте посмотрим, чтобы вы поняли, о чем я, — мы сделаем вас настолько красивыми, что они вас даже не узнают: новый стиль одежды, волосы, руки.

Агнес и Эдель удивленно посмотрели друг на друга.

— Вы действительно сделаете это для нас, — прошептала Эдель, взволнованная.

— Вы еще сомневаетесь? — ответила Монце, глядя на своих подруг.

ГЛАВА 42

Наступил вечер, а вместе с ним усилились и сомнения. Монце со смехом наблюдала за Хуаной, которая расчесывала волосы перед зеркалом, готовясь к свиданию с Алистером. Она выглядела счастливой. Вечер начинался прекрасно.

— Как мне оставить волосы — распущенными или наоборот заплести?

Хулия и Монце смотрели друг на друга, недоверчиво наблюдая за ее нервозностью.

— Я не думаю, что твоему рыжему горцу есть дело до того, как ты их носишь, — ответила Хулия.

— Оставь волосы распущенными. Мужчинам так больше нравится, — заметила Монце.

— Дьявол! Я так нервничаю. Это же не в первый раз!

— Это твой первый раз с ним, это нормально, — улыбнулась Монце, слушая подругу. — Кстати, если ты собираешься рассказать ему наш маленький секрет, захвати с собой смартфон, чтобы он немного испугался, когда увидит его, и поверил в то, что ты говоришь. Я возьму свой айфон для Деклана. Он все равно не поверит моим словам, но по крайней мере это заставит его задуматься.

Хулия поднялась с кровати и встала перед ними. Все, что она сказала дальше, поразило Монце и Хуану.

— Что с вами двумя? Разве вы не понимаете, что это что-то. что-то случайное меньше чем через месяц, если эта чертова цыганка не разыграла нас, мы вернемся в свое время? Что вы вытворяете с двумя мужчинами, которым не можете ничего обещать? Разве не осознаете,

какой вред нанесете им, как и себе?

— Хулия. — пробормотала Монце. Она знала, что та права, но не хотела об этом думать.

— Не Хулия, и хватить нести чушь! — запротестовала она. — Послушайте меня наконец, черт возьми! Вы влюбляетесь не в тех мужчин. Не потому, что они плохие люди, я знаю, что они хорошие, а потому, что они не настоящие. Разве вы этого не видите?

— О, подруга, не сердись, но Алистер настоящий. Весьма реальный!

Хулия, услышав слова Хуаны, поднесла руки к голове.

— Ты слепа! Нет, хуже того; ты не хочешь видеть. Ты меня не понимаешь? У этих людей есть своя жизнь здесь, а у вас нет. Твоя жизнь находится за пределами этого времени. Твоя жизнь вне времени, черт возьми, в 21 веке! Это. То, что с нами произошло, невозможно понять, просчитать и поверить, а вы своими действиями еще больше все усложняете.

— Неужели не задумывалась, что почувствует Алистер, когда поймет, что ты исчезла. Неужели не понимаешь, что ломаешь ему жизнь, дурачась с ним? У этого мужчины были другие женщины, а теперь он не смотрит ни на кого, чтобы быть с тобой. Ради бога, неужели ты меня не понимаешь?

Видя, что Хуана не отвечает, Хулия обратилась к Монце:

— А ты? Что насчет тебя? Я знаю, что ты уже давно греешь постель Деклана Кармайкла. Неужели думала, что я не замечаю, как ты уходишь и возвращаешься посреди ночи? И прежде чем ты что-то скажешь, позволь мне объяснить, что нравится тебе Рапунцель или нет, она была девушкой, которая до твоего приезда занимала если не сердце герцога, то его разум. Она невыносима и, конечно, противная, но у этой идиотки и Деклана что-то намечалось. Что-то, что ты сломала, как это сделала Хуана с Алистером. И после этого разговора, который я хотела бы никогда не вести с вами, у меня остался только один вопрос: планируете ли вы остаться здесь, когда настанет время вернуться в наш век?

Хуана и Монце посмотрели друг на друга.

— Само собой разумеется, что мы вернемся, почему ты задаешь такой абсурдный вопрос? — ответила Монце.

Хулия, все еще с разинутым от последнего взрыва ртом, предпочла не комментировать этот вопрос и ограничилась лишь ответом Монце.

— Потому что я люблю вас, знаю вас и не хочу потерять. Неужели это так трудно понять?

Хуана и Монце обменялись многозначительными взглядами. У них произошел точно такой же разговор, но то, что они услышали мнение со стороны, заставило их всерьез задуматься.

— Ты права. Мы выставляем себя на посмешище. Но Алистер. — пробормотала Хуана.

— Ты разобьешь ему сердце, когда исчезнешь, и то же самое касается тебя, Монце. Подумайте об этом!

— Ты права, — согласилась Монце, садясь. — Ты абсолютно права.

После этого напряженного разговора никто из них больше не разговаривал. Хуана закончила собираться и, прежде чем выйти за дверь, посмотрела на своих подруг.

— Я ненадолго, — сказала она и ушла.

Монце встала и, поцеловав Хулию, которая смотрела на нее со слезами на глазах, попыталась успокоить подругу, понимая, что должна решить проблему, пока это еще возможно.

— Я скоро вернусь, но сначала хочу поговорить с ним.

ГЛАВА 43

Алистер Сазерленд прислонился к стволу дерева. Он фантазировал о том, что принесет эта ночь и приятная компания, когда увидел, что его очаровательная красотка вышла из замка. Его лицо засветилось, когда он посмотрел в эти темные глаза, которые украли спокойствие и, в некотором смысле, его рассудок.

— Здравствуй, моя девочка, — приветствовал он с невероятной улыбкой. Но она быстро угасла, когда горец увидел серьезное выражение ее лица. — Что с тобой?

Озадаченная и раздумывающая над тем, что сказать, испанка посмотрела прямо ему в глаза и развела руками в бессмысленном жесте, чтобы сгладить свою нервозность.

— Мы должны прекратить наши встречи, Алистер.

Удивленный услышанным, он резко переменялся в лице.

— Прошу прощения?

— Ты должен забыть о моем существовании и вернуться к своим старым привычкам.

— Но о чем ты говоришь? — спросил он, все больше недоумевая.

— Я говорю о том, что ты должен встречаться с другими женщинами! — она болезненно поморщилась.

— Другие женщины?!

— Не притворяйся Алистер. Я знаю, что ты не святой и. и я подумала, что не могу предложить тебе то, что другие женщины.

— Святой Крест! О чем ты говоришь? — злобно прорычал он.

— Не кричи на меня! — воскликнула она, испугав его.

— Но Пэрис, это ты кричишь на меня, — защищался он.

Осознав его правоту, Пэрис убрала волосы с лица и, глядя на него с глубиной, которая обезоруживала Алистера, прошептала:

— Послушай меня. Скоро я вернусь домой и.

— Домой? Но твой дом здесь, со мной.

— О, боже мой, Алистер, не усложняй мне задачу! Я. и или. я хочу тебе кое-что объяснить, и знаю, что ты мне неверишь.

Раздраженный ее словами и замешательством, которое он увидел в ее глазах, горец почувствовал, что именно должен сделать. Он прильнул к ее рту и нежно поцеловал в губы, обезоруживая испанку.

— Я говорил тебе, что когда смотрю на тебя, то теряю рассудок?

— О, боже, ты затуманиваешь мои мысли; но я должна сказать тебе кое-что, что.

Искренность ее губ в сочетании со словами заставили его улыбнуться. Он должен продолжить настаивать.

— Я говорил, что когда смотрю на тебя, то чувствую, как мое сердце бешено бьется и я улыбаюсь как дурак?

— Нет, но.

— Я говорил тебе, моя девочка, что моя жизнь стала счастливее с тех пор, как встретил тебя, и что я не могу представить ее без тебя?

— О, Мадонна. Не продолжай, — пробормотала Хуана, готовая упасть в обморок.

Не теряя ни секунды и заметив, что Пэрис немного успокоилась, Алистер снова поцеловал ее. Этот обжигающий поцелуй заставил ее отреагировать, и, хотя Хуана хотела продолжать целовать его, она отстранилась.

— Я не сомневаюсь, что не будет недостатка в желающих согреть твою постель и поцеловать тебя, Алистер. И послушай меня хорошенько, если мы продолжим сейчас, то в конце концов ты возненавидишь меня, будешь винить во всех своих бедах и.

Обескураженный Алистер почувствовал в словах испанки всю боль мира.

— Я никогда не смогу почувствовать ничего из того, что ты говоришь, Пэрис, — прошептал он таким хриплым тоном, что это ее взволновало.

«О боже. дай мне силы. дай мне силы», — думала Хуана, чувствуя, как по коже медленно ползут мурашки от его голоса.

На секунду испанка закрыла глаза. Она должна покончить с этим безумием, как бы больно ей ни было. Она вырвалась.

— Хватит обманывать меня своими соблазнительными уловками, Алистер Сазерленд. Сегодня я пришла закончить то, что никогда не стоило начинать, и ты меня не переубедишь, так что прощай! Мне доставило удовольствие познакомиться с тобой.

С напором, который оставил рыжеволосого горца в полном замешательстве, она в ярости развернулась и направилась обратно в замок. Но когда она подошла к двери кухни, Алистер сильно прижал ее к себе и закрыл рот рукой, чтобы она не закричала.

— Я не знаю, что с тобой и что ты хочешь мне объяснить, но будь уверена, Пэрис Хилтон, ты все разъяснишь, — прошептал он ей на ухо.

При этом он развернул ее к себе и поцеловал с такой страстью, что она растерялась. Не сказав ни слова и преодолев расстояние до своего коня, Алистер взобрался в седло с Пэрис на руках и ускакал, готовый выяснить многое, в том числе и свою вспышку страсти.

ГЛАВА 44

Почти парализованная страхом и волнением, Монце направилась прямо в покои Деклана, стараясь не попадаться никому на глаза, особенно Рапунцель. Ей нужно покончить с этим как можно скорее. Хулия права, она вмешивалась в чужую жизнь. Не тратя времени на раздумья, Монце потянула за дверную ручку и открыла дверь. И когда увидела Деклана, сидящего перед огромным камином в своей комнате и смотрящего на пламя, у нее пересохло во рту.

Услышав движение у двери, он повернулся и, вскочив, встал перед молодой испанкой. Он хотел прикоснуться к ней, целовать, любить ее. После многих дней воздержания его желание стало просто невыносимым.

— На мгновение я подумал, что ты не придешь, — хрипло прошептал он, после чего последовал восторженный поцелуй.

Он подхватил ее на руки и, не дав Монце вымолвить ни слова, отнес на кровать. Опустив, снова ее поцеловал. Несколько минут восторг от появления испанки не позволял Деклану увидеть, что говорит ее взгляд, но, удивленный ее молчанием, он наконец заметил странный блеск в ее глазах.

— Что случилось, Синди?

«О Боже. что я делаю?» — подумала она, не в силах отказаться от своей увлеченности горцем.

Она пошла к Деклану, чтобы поставить точку, положить конец этому безумию. Так много всего, что, когда пришло время, она ничего не сделала. Монце просто хотела заняться с ним любовью, хотя бы в последний раз. Она закрыла глаза, подняла лицо и поцеловала герцога с необычной пылкостью. Ее поцелуй вышел таким горячим, что он улыбнулся.

— Да вот так, милая. Именно этого я от тебя ждал.

Не отрывая глаз от его лица, Монце раздела его. Она осторожно сняла с него рубашку и медленно провела пальцами по широким плечам, спускаясь к груди и прослеживая каждый кубик пресса. По пути задерживалась, с любовью обводя шрамы его старых ран, целуя их, наслаждаясь прикосновениями. Монце медленно спустила его брюки, и во рту у нее пересохло, когда заметила пульсирующее под ними возбуждение. Не задумываясь о реакции Деклана и обезумев от страсти, обхватила пальцами твердое шелковистое мужское достоинство и без предупреждения провела по нему влажными губами.

От этого интимного красноречивого жеста кровь Деклана бросилась в жар. Находясь на грани взрыва, он схватил ее за талию, подтянул к себе, прижал к своему телу и принялся жадно ласкать.

— Раздень меня, — потребовала Монце, обезумев от нарастающего возбуждения, хриплым шепотом, от которого у него побежали мурашки по коже. Прежде чем подчиниться, Деклан одарил ее безумной улыбкой, которая возбудила Монце еще больше.

Он расстегнул лиф и пуговицы ее рубашки, медленно спуская ее по плечам, пока не снял полностью. В недоумении посмотрел на то, что красовалось на ее теле, чего он никогда раньше не видел. Синди рассказывала ему о своем нижнем белье, но он никогда не представлял себе ничего столь замечательного. И вот перед ним тончайшее кружево сиреневого и черного цвета, окутывающее дивную грудь, разрывающую его душу.

— Красиво, — прошептал он, проводя влажным языком по краю ткани. Но нежное одеяние едва ли продержалось две секунды на бархатистой коже. Деклан быстро снял его и бросил вместе с лифом и рубашкой. Затем развязал тесемки ее юбки и сдернул ее.

— Мне нравятся эти стринги.

Услышав, что он запомнил название, Монце улыбнулась. Она заставила Деклана поднять голову и, держа за подбородок руками, впиалась в его губы. Ей хотелось выжечь в его душе каждую секунду этой ночи.

Окрыленный таким проявлением страсти, Деклан ответил на обжигающий поцелуй, и расположившись между ее шелковистыми бедрами, проник в нее с намеренной неспешностью.

Этот первый толчок, скупой и одновременно наполненный страстью, заставил Монце выгнуть бедра навстречу, с затуманенным от желания взором. Ощущение томного обладания мужчиной заставило ее задыхаться от безумия. Его полный вожделения взгляд, ласкающий рот и сильные руки перенесли ее туда, куда еще не забирал ни один мужчина. Монце обняла его со слезами на глазах. Ей нужно было чувствовать этого мужчину, ощущать его вкус, плавиться в нем, пока он входил и выходил из нее уверенными движениями, которые становились все быстрее и быстрее, все более точными.

Деклан почувствовал кульминацию Синди и пронзительный крик удовольствия вырвался из его горла. И не выдержав больше, он отдался ощущениям и потерял себя в удовольствии. С мужским стоном удовлетворения излился внутрь, а затем расслабленно рухнул на ее тело.

Монце, потерявшаяся в омуте блаженства, все еще содрогалась под его тяжестью. Она обняла герцога и уткнулась лицом в его шею, и в этот момент странное чувство тоски и одиночества овладело ею.

Ошеломленный объятиями, Деклан улыбнулся и приник к Синди. Ему хотелось, чтобы этот момент длился вечно, но понимал, что, должно быть, раздавит ее своим весом, поэтому скатился набок и потянул ее за собой, меняя положение.

— У меня такое чувство, что ты тоже тосковала по мне. Я ошибаюсь? — пробормотал он, наслаждаясь крепкими объятиями с испанкой, которая прижималась к нему так, что казалось, их кожа скоро станет одним целым.

— Нет. Тут ты не ошибаешься.

Несколько секунд они оставались в объятиях друг друга, но когда Деклан почувствовал влагу, скользящую по ее шее, он заставил Синди сесть. Заметив, что ее глаза наполнились слезами, он запаниковал.

— Что такое, дорогая? — спросил он мягким голосом.

Испугавшись, что ее чувства таким образом вырвались наружу, Монце села на кровать и сердито вытерла слезы тыльной стороной ладоней.

— Деклан, мне нужно с тобой поговорить.

Застыв с открытым ртом от такого странного поведения Синди, которое он не мог расшифровать, Деклан кивнул и откинул ее волосы, чтобы лучше видеть лицо.

— Давай поговорим.

— Знаю, что ты не веришь ничему из того, что я тебе рассказывала о том, откуда родом, и я понимаю. Клянусь, я понимаю, потому что, если бы кто-то сказал мне что-то подобное, я бы подумал, что он сошел с ума, — улыбнувшись, начала она.

— Твоя фантазия безгранична, дорогая Синди.

— Выслушай меня, — настаивала она. — Я появилась в замке Элчо, и ты принял меня, а также моих подруг. Я никогда не думала, что то, что происходит, может случиться. Я никогда не думала, что встречу такого мужчину, как ты, а теперь. Теперь я ломаю твою жизнь.

— Я не согласен с тем, что ты говоришь. Я не думаю, что ты. Я не думаю, что ты.

— Да, Деклан, да. Я знаю, о чем говорю, и я мешаю твоему счастью. Так больше не может продолжаться. Твое будущее — с Рапунцель. Я имею в виду. леди Роуз, и, честно говоря, как бы мне ни было больно, потому что ты мне нравишься, и очень нравишься, я думаю, тебе стоит продолжить историю, которая у вас с ней началась.

Ошеломленный и удивленный тем, что кроется за этими словами, Деклан взял ее лицо в свои руки и заставил посмотреть на него.

— Ты мне тоже очень нравишься, и прежде чем ты продолжишь, я должен сказать, что Роуз никогда ничего не значила для меня. Я знаю, что у нее всегда имелись притязания, которые совершенно не хотел принимать. Роуз — не та женщина, с которой я хочу разделить свою жизнь. На самом деле, я хотел бы разделить ее с тобой, если ты согласишься стать моей женой.

Когда Монце осознала смысл этих слов, она тяжело вздохнула.

— Нет. Это невозможно. О боже, что я с тобой делаю? — запнулась она.

— В чем дело Синди? — спросил он, приподнимая ее подбородок и заглядывая в глаза.

Взгляд Монце упал на красивое овальное зеркало, которое подруги подарили ей несколько месяцев назад в Эдинбурге.

— Послушай, Деклан. Я. я на самом деле соврала тебе, — пробормотала она.

— Ты мне солгала? — прорычал он.

— Да, меня зовут не Синди, а Монтсеррат, и поскольку я ненавижу это имя, потому что его дал мне мой отец, когда оказалась здесь, назвала себя другим именем, которое мне больше понравилось, и.

Деклан больше не хотел ее слушать. Он закрыл ее рот рукой.

— Я думаю, что ты Синди Кроуфорд, и мне этого достаточно, — уверенно заявил он, заставив ее замолчать.

— Но Деклан, разве ты не видишь? Я не настоящая, я обманщица!

— Почему ты так говоришь?

— Потому что. я не знаю, что я здесь делаю и зачем я здесь. Я плохо поступаю с тобой, с Мод, с Фионой. И совесть убивает меня! Я хочу тебя всем сердцем и душой, и знаю, что когда уйду, мне будет очень трудно жить без тебя, — сказала она, удивив Деклана. — Посмотри на меня! Я здесь, голая, занимаюсь с тобой любовью и создаю ложные надежды, которые никогда не оправдаются.

— Синди, прекрати! Ты никуда не уйдешь.

— Деклан, веришь ты мне или нет, но в последнюю ночь этого года я исчезну, чтобы никогда не вернуться. Тогда, тогда, возможно, ты поймешь, что я всегда говорила тебе правду.

— Я не позволю тебе исчезнуть из моей жизни, Синди. Я не знаю, что с тобой, не знаю, почему ты так говоришь, но что я точно знаю, так это то, что хочу, чтобы ты была здесь, со мной. Я знаю, что до сих пор мы виделись тайно, но теперь все изменится. Завтра весь мир узнает, что я влюблен в тебя. По традиции я влюбился в человека, который сумел найти сокровище Кармайклов.

Услышав это, Монце растерялась. С одной стороны, ее сердце колотилось от осознания того, что Деклан любит ее, а с другой — она мучилась от того, что причиняет ему непоправимый вред.

— О, боже, Деклан, ты не можешь быть влюблен в меня! Это безумие.

С вызывающей улыбкой, от которой у нее свело живот, он подошел к ней.

— Сумасшествием было бы встретить тебя и не влюбиться. Ты веселая, красивая, жизнерадостная и добрая к тем, кто в этом нуждается. Ты обладаешь невероятной способностью злить меня, но в то же время умеешь заставить улыбаться; моя дочь обожает тебя, моя мать уважает тебя, мои люди любят тебя. Чего еще я могу желать?

— Какой беспорядок я устроила! — прошептала она, прикрывая глаза.

Катастрофа неминуема, Хулия права. Она не ограничится тем, что разобьет сердце Деклана, она разобьет сердца еще большего количества людей. Это напугало Монце. Вдруг она вспомнила, что лежит в кармане ее юбки, и, желая найти решение, встала, чтобы достать телефон.

— Смотри, — сказала она. — Это Айфон-4. Мобильный телефон с модулем GSM, видеокамерой и доступом в интернет с электронной почтой, GPS, картами и множеством других приложений.

Ошеломленный потоком непонятных слов, Деклан посмотрел на странное фиолетовое устройство, которое ему демонстрировали. Взяв его в руки и отметив приятную и холодную на ощупь поверхность, он с недоумением спросил:

— Но что это?

— Это называется Айфон, — повторила испанка. — В мое время мы используем его для многих целей, но главная из них — это общение друг с другом в любое время, где бы вы ни находились. С его помощью мы с тобой могли бы разговаривать так, как разговариваем сейчас, даже если бы ты был в Эдинбурге, а я здесь или в Испании.

В этот момент, прямо там и тогда, перед этим странным устройством, мир Деклана рухнул. Он попытался вспомнить всю информацию, которую Синди сообщила ему с

момента знакомства, и тут его охватила странная дрожь.

Монце, видя его лицо, поняла, что впервые он задумался обо всем. Впервые шотландец поверил ей.

— Прости, Деклан. Прости, милый, но я не могу пройти через это. Я не хочу причинять тебе боль, и не хочу причинять боль себе. Скоро мы расстанемся и.

— Я не позволю тебе покинуть меня. — Нет! — прокричал он в бешенстве. И, выхватив телефон из ее рук, яростно швырнул его на кровать. — Мне все равно, кто ты и откуда. Я хочу, чтобы ты осталась со мной, сейчас и навсегда.

— Это невозможно, дорогой, — прошептала Монце, касаясь овала его лица. — Нам посчастливилось узнать друг друга благодаря. благодаря.

Но она не могла продолжать. Сказать мужчине, в которого она влюбилась, что мечтала о нем с детства, означало бы еще больше усложнить ситуацию.

— Деклан, — сказала она, внезапно вставая, — ты сильный человек, и знаю, что ты понимаешь все, что я говорю. Мы прекрасно провели время вместе и.

Резко схватив, горец остановил ее и взмолился отчаянным голосом:

— Я не хочу, чтобы ты уходила. Я не хочу, чтобы ты исчезала из моей жизни. Я люблю тебя! И если это правда, что ты говоришь; если правда, что чужая сила должна разлучить нас, наслаждайся со мной, пока мы можем быть счастливы.

Потрясенная волшебными словами — «Я люблю тебя», — Монце вырвалась из его объятий, и начала одеваться.

— Деклан, не проси меня об этом, пожалуйста.

Не в силах сдаться перед очевидным, он наблюдал за ней, как волк из клетки.

— Посмотри на меня, черт возьми, посмотри на меня! — яростно потребовал он.

Когда Синди не послушала его, Деклан взял ее за руку и опустился перед ней на колени. Монце почувствовала, что вся ее кожа покрылась мурашками.

— Я никогда не был так счастлив. Я никогда не испытывал такого восторга при виде красивой улыбки. Никогда еще моя дочь не была так счастлива, как сейчас, когда она с тобой. Я никогда не чувствовал многих из этих вещей. И если мое наказание — потерять тебя, я потеряю тебя. Я приму его. Но, пожалуйста, позволь мне наслаждаться тобой, пока ты со мной. Я не хочу видеть тебя и страдать из-за того, что у меня тебя нет. Если судьба разлучит нас, пусть будет так, Синди. Но пока я могу целовать тебя, смотреть и любить, я буду целовать тебя, смотреть на тебя и любить тебя. И когда... Если тебя нет со мной рядом, и я думаю о тебе, мне хочется закрыть глаза и улыбнуться.

— Деклан. Не продолжай, пожалуйста.

— Послушай меня, дорогая, я тебе верю. Я знаю, что то, что ты мне говоришь, — самое безумное, что я когда-либо слышал в своей жизни, но твоя настойчивость убедила меня. Позволь мне наслаждаться тобой так долго, как это будет возможно, а когда это проклятое заклинание разлучит нас, я хочу, чтобы ты всегда помнила одну вещь.

— Какую? — прошептала Монце на грани слез.

— Что я, Деклан Кармайкл, буду ждать тебя всю жизнь.

Под впечатлением этого несравненного и драгоценного признания в любви Монце лишилась всех своих сил и, не заботясь о страданиях, которые принесет ей будущее, бросилась в его объятия и поцеловала Деклана.

ГЛАВА 45

Проснувшись, Хулия увидела пустые нетронутые кровати своих подруг и выругалась.

Переубедить ни ту, ни другую не получилось. Поэтому, когда она увидела Хуану, появившуюся с глупой улыбкой на губах, накинулась на нее, не дав вставить ни слова.

— Не говори мне ничего, у меня сейчас нет желания тебя слушать.

— Но.

— Послушай, Пэрис Хилтон, — заявила Хулия, готовая выйти за дверь, — я хочу сказать тебе только одно: «Да пребудет с тобой сила». Тебе и Кроуфорд, она точно понадобится.

А в комнате герцога в это время утренний свет начинал заливать покои. Деклан, опираясь локтем на подушку, всю ночь смотрел на любимую, мирно лежащую в его объятиях. Обнаженная. В его постели. Он почти ничего не знал о ней, а то немногое, что удалось узнать, казалось безумием, но он пал к ее ногам, как влюбленный подросток.

Он с восхищением смотрел на изгиб ее щеки и темные ресницы. Его заводило сладкое выражение ее лица. Деклан горел желанием обладать ею, но сдерживал себя и просто смотрел, борясь с жгучим вожделением. Ночь была долгой, и он понимал, что Синди устала. Он нежно коснулся ее щеки и, наконец, поддался искушению. Наклонился и поцеловал ее в лоб.

— Доброе утро, милый, — проснулась молодая испанка с озорной улыбкой, наполнившей его сердце счастьем.

— Доброе утро, красавица.

Он подарил ей восторженный поцелуй в губы, который она с радостью приняла. Затем прижал к себе, желая овладеть ею и успокоить свой жар. Забавляясь реакцией Деклана, Синди начала смеяться, но резко замолкла, когда услышала, как дверь спальни отворилась после нескольких коротких резких стуков. В дверях появилась румяная Эдель с подносом в руках.

— Доброе утро, сэр. Я принесла вам завтрак, как вы просили.

В ужасе от того, что может подумать ее подруга, Монце полностью натянула на себя одеяло, но когда услышала Деклана, то потеряла дар речи.

— Эдель, оставь нам завтрак на том столе. И, пожалуйста, предупреди всех, чтобы нас не беспокоили. Можешь просто сказать, что сегодня у меня и моей невесты Синди Кроуфорд много дел.

Услышав это, молодая служанка запрыгала от радости. Синди, ее Синди, будущая хозяйка замка Элчо. Это отличная новость, и она расскажет о ней всем и каждому.

Услышав, как закрылась дверь, Монце быстро откинула одеяло и посмотрела Деклану прямо в глаза.

— Невеста?

— Да.

— Ты в своем уме?

— Нет.

— Ты велел Эдель сообщить всем, что я твоя невеста?

— Да.

— Но. Твоя мать и. леди Роуз! О, боже, это катастрофа.

— Да. Можно сказать, что Роуз немного офигеет, но не моя мать, уверяю тебя, — поддразнил герцог, удивив Монце.

— Офигеет?! С каких пор ты используешь это слово?

— С тех пор, как ты научила меня этому, красавица, — заявил Деклан, целуя ее.

— Мой бог. Видишь? Я плохо на тебя влияю.

— Почему? — Он засмеялся.

— Потому что ты не должен использовать это слово. Ты герцог из семнадцатого века, а в эту эпоху выражение «офигеет» не употребляется.

— Но ты им пользуешься, — снова засмеялся он.

— Но я. Я.

Шокированная его смехом, Монце прыгнула с кровати и, не заботясь о своей наготе, надела стринги под пристальным взглядом любовника.

— Но пойми, Деклан, подумай! Что скажут люди, когда узнают о нас? — воскликнула она с безумным выражением лица.

Горец невозмутимо сел на кровати, сверкая своей великолепной наготой.

— Знаешь, мне больше нравится, когда ты называешь меня «милый».

— Не отвлекайся, Деклан Кармайкл! — фыркнула Монце.

— Честно говоря, сейчас меня меньше всего заботит, что подумают остальные, — ответил воин с веселой улыбкой.

— Ты сумасшедший! Я думала, вчера вечером тебе стало ясно, что у нас нет будущего. Но боже мой! — Монце взмахнула рукой, заставив его улыбнуться: — Как ты можешь быть таким твердолобым? Деклан, приди в себя, мы вместе, пока я здесь. Вчера вечером ты сказал, что принимаешь это; ты заставил меня поверить, что понимаешь.

— И я понимаю. Понимаю, и именно поэтому не хочу выпускать тебя из рук на то время, которое нам осталось вместе. Лучший способ — сделать тебя моей невестой, моей будущей женой. Я не хочу видеть тебя на кухне за работой, пока тоскую по твоему обществу. И если для этого мне придется жениться на тебе, я сделаю это завтра. Тогда весь мир узнает, что ты — миссис Кармайкл и герцогиня Вемисс.

— Герцогиня? Я герцогиня?! — закричала она, осознав эти слова.

— Да, дорогая.

Засмеявшись в растерянности, Монце стянула волосы в растрепанный высокий хвост.

— Я спокойна как удав. Я спокойна как удав, — тихо бормотала она, стараясь успокоиться.

— Что? — он рассмеялся, услышав ее.

Монце, думая о том, как объяснить это абсурдное выражение, сдалась.

— Ничего, милый, это я просто так. Забудь об этом и даже не думай повторять!

Он нуждался в ней. Деклан изголодался по любимой, и она, словно услышав, бросилась на него сверху. Они начали увлеченно предаваться ласкам, не обращая внимания на окружающую обстановку, как вдруг их парализовал звук распахнувшейся двери. На пороге появилась леди Роуз, размахивая руками с отнюдь не дружескими намерениями.

— Не может быть! — И, не обращая внимания на их наготу, незваная гостья начала кричать, как распоследняя крестьянка. — Что несет эта служанка? Эта. эта шлюха — твоя суженая?

— Ну, дорогуша, разве тебя не учили стучаться в двери? — сказала Монце, вставая.

— Роуз, будь осторожна в выражениях, когда говоришь о моей будущей жене, — сурово отчитал ее Деклан.

— Но. но. что это на тебе надето? — закричала леди Роуз в ужасе при виде наряда испанки.

— Стринги и бюстгальтер от «Ла Перла». Нравится? — ответила Монце, хвастаясь перед ней, к недоумению Роуз и смеху Деклана.

— О, боже мой, какая безнравственность! — вскричала она, но переведя взгляд на герцога, который лежал на кровати совершенно голый, она с пересохшим горлом спросила: — Деклан, что ты на это скажешь?

Горец, взглянув на любимую Синди и увидев ее такой сияющей, повернулся к Роуз, чтобы спокойно ответить:

— Ну, я бы многое тебе сказал, но единственное, что хочу, это попросить, чтобы ты вышла за дверь и позволила нам продолжить то, что мы делали.

— Что? — прошептала Роуз, глядя вниз на его промежность.

— Да, Рапунцель, ты слышала это? Убирайся! — Но заметив направление ее взгляда, Монце быстро схватила одеяло и набросил его на скалящегося герцога. — Прикройся, милый, леди Роуз может упасть в обморок.

Деклан же разразился смехом над этим комичным и забавным замечанием, которое заставило отвратительную скандалистку повернуться и исчезнуть.

— Как грубо! — прокомментировала Монце с озорством в глазах, а затем прыгнула на герцога, чтобы свести с ума, как умела делать только она.

— На чем мы остановились? — спросил он с насмешливой невинностью.

ГЛАВА 46

После обеда, Монце наконец, удалось вырваться из сладких объятий своего герцога, и спустится в свою комнату, чтобы пообщаться с подругами. Они заслуживали объяснения за то, что она не вернулась ко сну. Монце знала, что с Хулией будет непросто, но Хуана ее поддержит

По дороге она встретила Эдель, Агнес и других слуг, которые, обрадованные новостью о том, что Деклан Кармайкл в нее влюблен, обняли ее при встрече. Но счастье стерлось с ее лица, когда она вошла в комнату и столкнулась лицом к лицу с Хулией. Заметив это, Хуана улыбнулась и пожала плечами. Всё выглядело не очень хорошо.

— Герцогиня Вэмисс? — вздохнула Хулия, пораженная.

— Да. — взволнованно кивнула Монце.

— Нет, ты с ума сошла? — Хулия снова зарычала.

— Да.

— Ты действительно хорошо подумала об этом?

— Нет.

Хуана наблюдала за тем, как ругалась Хулия, а Монце, как могла защищалась. Через двадцать минут, в течение которых Хулия беспрестанно упоминала предков всех живых существ, Хуана вмешалась в разговор в надежде дать Монце передышку.

— О, подруга, ты станешь герцогиней, кто бы мог подумать?

Хулия, ошарашенная отношением своих сумасшедших подруг, посмотрела на них и, выпустив целую вереницу проклятий и оскорблений в адрес девушек, их родственниц до пятого колена и цыганки, которая их сюда отправила, открыла дверь и ушла.

— Боже мой, как завелась Дюваль. — прошептала Хуана.

— Я понимаю ее. Но и с собой не могу ничего поделать, — виновато призналась Монце.

— Не думай об этом больше, но позволь сказать, что это вышло из-под контроля для нас обеих. По крайней мере, для меня; в этом нет сомнений.

Монце поняла ее и с грустным видом кивнула.

— Клянусь, я пыталась положить этому конец, но. — сказала она, садясь на кровать.

— Можешь не клясться, я знаю.

— Но одно привело к другому. Деклан говорил мне невероятно красивые слова и. Я не могла сказать ему то, что собиралась. Более того, я решила наслаждаться этим безумием, пока оно длится. Знаю, когда все закончится, мне будет ужасно плохо, но я не в силах покончить с этим сейчас.

— Нас таких двое! — воскликнула Хуана. — Хотя я и не герцогиня, но после ночи, проведенной с Алистером, чувствую себя королевой. Той, с Явы, — она засмеялась.

— Живо рассказывай, — потребовала Монце.

— Когда я покинула комнату вчера вечером, признаюсь, была решительно настроена порвать с ним. И как только я увидела Алистера, сказала ему, что все кончено, чтобы он сосредоточился на других женщинах и.

— И?

— Так он наотрез отказался меня слушать и начал говорить мне самые милые и приятные вещи, которые ты даже представить себе не можешь.

— Думаю, что могу, — засмеялась Монце, вспомнив, слова Деклана.

— Так, после небольшого спора, Алистер поцеловал меня. О, боже, как он меня целовал! Я почувствовала, что кровь моя закипает, а ноги подкашиваются и. Тогда он посадил меня на коня и повез в свои земли.

— Его земли? Боже мой, королева, как романтично! — пошутила Монце.

— Да, подруга, да, на несколько часов я почувствовала себя главной героиней одного из романов. Очевидно, много лет назад Деклан подарил Алистеру землю, на которой он построил себе небольшой красивый дом! И вот, там, только мы вдвоем, в тепле камина и с жаром, произошло то, что должно было произойти.

— Больше никакого уважения?

— Точно! — кивнула Хуана с мечтательными глазами. — И хорошо.

— Стоп! Не говори ничего больше! — засмеялась Монце. — Мне достаточно знать, что это нечто потрясающее. Мы знаем друг друга, а когда знаешь, то и рассказывать все в подробностях необязательно.

— Но. и или. Ну, дело в том, что произошло кое-что еще.

Когда Монце услышала это, она посмотрела на Хуану и недоверчиво наклонила голову.

— Кое-что еще? Что это?

Хуана достала из лифа маленькую серебряную цепочку, на которой висело красивое кольцо.

— Я вышла за него замуж.

У Монце волосы встали дыбом, когда она услышала это. Что они сделали?!

— Поздравляю, миссис Сазерленд, но нам не избежать гнева Дюваль, — вздохнула она, как только оправ

ГЛАВА 47

— Ты женился на Пэрис Хилтон? На коротышке? — спросил ошарашенный Деклан.

— Пэрис не коротышка, а миниатюрная, — уточнил Алистер с довольной улыбкой, потягивая бокал виски со своим другом и лэрдом.

Деклан, понимая, что товарищ счастлив, подошел к нему и сердечно обнял его.

— Поздравляю, Алистер.

— Спасибо, Деклан.

Все еще удивленный такой новостью, он посмотрел на своего друга и, решив выяснить

подробности, сел в одно из кресел библиотеки.

— Когда вы поженились?

— Ранним утром. Я очень хотел, чтобы она стала моей женой и не собирался ждать больше ни минуты.

Оба друга некоторое время смеялись над свадебным «приключением». Священник привел столько доводов в пользу отсрочки брака, что Алистеру пришлось его долго уговаривать. Но в конце концов он убедил святого отца.

— Прошлой ночью Пэрис наконец-то рассказала о том, что ты поведал мне несколько дней назад, и, хотя мне трудно ей поверить, я опасаясь, что такую историю сложно выдумать.

Услышав это, герцог скривился. Он не хотел даже думать о признаниях испанок, но чувствовал, что этого не избежать.

— Что она тебе сказала?

— То же самое, что и тебе, но с той разницей, что Пэрис объяснила, что они здесь, потому что Синди в своих пожеланиях попросила о личной встрече с тобой.

— Встретиться со мной лично? — переспросил удивленно Деклан.

— Кажется, с самого детства ты появлялся во всех ее снах. Разве ты этого не знал?

— Нет, но я рад узнать, — с довольной улыбкой ответил герцог.

Тем временем наверху в замке, Фиона слушала, что ей говорила безутешная Роуз О'Каллахан, потрясенная поворотом событий. Она пыталась пожалеть девушку, но у нее не получалось. Ей нравилась Синди. Уже несколько дней она была молчаливым свидетелем того, как ее сын улыбался, смотря на молодую испанку. Она даже знала о ее ночных визитах — однажды проснулась и увидела, что Синди вошла в покои Деклана. Странное ликование в ту ночь вызвало улыбку на ее губах. Эта дерзкая чужестранка, завоевавшая всеобщую любовь, сумела пробудить сына от затянувшейся летаргии.

Много лет назад Фиона надеялась, что Деклан женится на Роуз О'Каллахан, но из-за капризного и упрямого характера ее сын никогда не примет соседскую дочку. Юная Роуз была красивой девушкой, но теряла весь свой шарм, стоило провести в ее обществе пару минут. И хотя всем было хорошо известно, что она сохнет по Деклану Кармайклу, он обращал на нее не больше внимания, чем просто на дочь соседей, дружба с которыми всегда связывала две семьи.

И вот теперь Роуз здесь. В ее комнате, рыдает от отчаяния после того, как услышала новость о том, что ее возлюбленный выбрал горничную по имени Синди Кроуфорд в качестве будущей миссис Кармайкл.

— Эта женщина ему не подходит, Фиона. О, боже, это ужасный смертельный случай. Вы должны поговорить с ним. Я призываю вас образумить его.

Леди Фиона не знала, что сказать. Она еще не разговаривала с сыном, но вздохнула с облегчением, когда услышала стук в дверь и поняла, что это он.

Герцог, войдя и увидев свою мать с виноватым лицом и Роуз на полу в слезах, с покорностью вздохнул. Сцена представлялась безнадежной, поэтому он наклонился, чтобы заставить Роуз встать, взял ее за руку и усадил на стул рядом с матерью.

— Деклан, сынок, Роуз мне кое-что рассказала. Это правда?

Посмотрев многозначительным взглядом на мать, он улыбнулся, как не улыбался уже давно, и, взволнованный, кивнул.

— Если ты имеешь в виду Синди, то да, мама. Это правда, что ты слышала.

Театральный стон Роуз получился впечатляющим. Фионе пришлось подавить улыбку: такая реакция показалась ей самой фальшивой из всех, что она когда-либо видела. Заметив выражение лица своего сына, она решила поддержать его.

— Если ты счастлив, то и я счастлива, сынок. И мне всегда нравилась эта молодая испанка.

— Спасибо, мама, — улыбнулся он, довольный.

— Деклан, эта женщина тебе не подходит! — прокричала Роуз пронзительным голосом.

— Э. нет?

— Нет, — захныкала она.

Фиона, понимая, что снова разыгрывается драма, попыталась сказать хоть слово, но Роуз опередила ее.

— Она служанка. Твой народ потеряет к тебе уважение и. и. — как обычно, она сказала не подумав.

Раздраженный этим замечанием, герцог не сдержался.

— Прости меня, Роуз, но мой народ потерял бы уважение ко мне, если бы я женился на тебе.

— Прошу прощения? — пробормотала она, прижимая руки к груди.

— Послушай, Роуз, мне жаль, что именно я говорю тебе это, — ответил Деклан, — но если тебя не любит твой собственный народ, как ты можешь рассчитывать на любовь моего? Ты красивая женщина, на которую приятно смотреть; но при этом ты подлая, эгоистичная, жалкая, отвратительная, невыносимая, завистливая и жестокая. Ты живешь среди роскоши, беспокоясь о банальных вещах, в то время как твой бедный народ выживает среди несчастья и грязи, и ты ничего не делаешь, чтобы это исправить. Женщина, которую я всегда хотел видеть рядом с собой, должна обладать качествами, которых тебе, к сожалению, не хватает. И нравится тебе это или нет, но Синди, эта горничная, как ты ее называешь, соответствует и превосходит их. И, кстати, кажется невероятным, что у тебя хватило наглости сказать такое в присутствии моей матери и меня, когда ты знаешь, что мой отец был скромным воином моего деда и что моя мать вышла за него замуж по любви. И это, дорогая Роуз, то, что мне нужно: связь ради любви.

— Сынок, вполне достаточно, — вмешалась Фиона, видя оцепенение гостя.

Ее сын прав во всем, что он говорил, но Роуз слишком молода и неопытна, она еще может учиться и меняться.

— Я. и или. — заикалась она.

— Роуз, ты примешь совет? — Она кивнула. — Будь милосердна и добра к своему народу, и я уверяю, твоя жизнь станет бесконечно лучше.

Сказав это, герцог посмотрел на свою мать и, улыбнувшись ей, ушел.

На кухне замка Элчо Эдель и Агнес нервно сжимали руки, слыша голоса Нормы из ее комнаты.

— Ты что, вышла замуж? Ты правда вышла замуж, сумасшедшая девчонка!

— Да.

— Боже! Клянусь, я не знаю, как тебя назвать.

— С прошлой ночи, подруга, я счастливая миссис Сазерленд.

Услышав это, Хулия недружелюбно посмотрела на Хуану, но при виде ее глупой улыбки сдалась.

— О, Господь моей жизни и моего существования, что здесь происходит? До конца года

осталось не так много времени, и ты выходишь замуж, а другая обручается.

— Успокойся, Хулия, — попросила Монце, заставляя ее сесть. — Может ты перестанешь кричать, как торговка зеленью, и послушаешь, что мы хотим сказать?

— Нет. Я не хочу садиться, не хочу прекращать кричать и не хочу слушать, что ты хочешь сказать. Впрочем, что я могу услышать? Что вы потеряли голову? О, нет. В этом нет необходимости. Я и сама это вижу. Но разве ты не понимаешь, что она замужем! Эта дура вышла за Сазерленда!

— Я знаю, и нравится тебе это или нет, ее понимаю, и счастлива за нее. Теперь остается только.

— Осталось только дожидаться тридцать первого декабря, и мы уберемся отсюда! Но о чем вы думаете? Совсем из ума выжили?

— Не совсем так, — улыбнулась Хуана, поддерживая Монце.

— Да, вы смеетесь сейчас. Смейтесь, потом будете плакать, помяните мое слово!

— Ох, правда, подруга, ты прилагаешь меньше усилий, чем сценарист «Телепузиков». Ты совсем не хочешь нас понять. Мы влюбились!

— Вы просто увлеклись! — отрезала Хулия.

Монце, устав от криков своей подруги, заставила ее сесть на стул и закрыла ей рот одной рукой.

— Либо ты закрываешь рот, либо, клянусь, я закрою его за тебя, — прошипела она. Когда Хулия наконец замолчала и посмотрела на нее, Монце продолжила: — Ясно, что мы влипли, и никто не знает этого лучше нас, даже если ты думаешь, что это не так. Я знаю, что мы будем плакать и будем хотеть умереть, когда придет время уезжать отсюда, но. вот оно. Это то, ради чего мы хотим жить сегодня! И Деклан, и Алистер знают правду о нашей истории, хотя, честно говоря, не собираюсь тебе лгать, я сомневаюсь, что они в это верят. А завтра, когда произойдет то, что должно произойти, они поймут, что мы говорили им правду.

— Монце., — хотела сказать Хулия, но та ее оборвала.

— Ни слова больше! Я не хочу больше слышать от тебя ворчание или что-то подобное. Я влюбилась в этого мужчину так сильно, как никогда не влюблялась за всю свою чертову жизнь, и наша подружка тоже, поэтому мы просим тебя позволить нам насладиться тем временем, которое у нас осталось. И, не волнуйся, после этого у тебя будет вся жизнь, чтобы сказать нам, что ты хочешь. Но, пожалуйста, когда мы вернемся!

— Пожалуйста, подруга, — прошептала Хуана, моргая, — позволь мне насладиться внимательным и заботливым мужем, таким как Алистером. Я знаю, что никогда больше не найду никого подобного и.

Хулия со слезами на глазах встала и, не дав им закончить, открыла дверь и ушла.

— Дюваль разоблачила нас, — грустно улыбнулась Монце.

— Бедняжка. Между тоской по своему Пепе и этим.

После не слишком напряженного молчания между ними Монце посмотрела на Хуану с улыбкой.

— Знаешь, что? Сейчас я бы убила за джин с колой и порцию браваса.

— А я бы убила за Редбулл и порцию соленой картошки. Как хочется, господи!

В этот момент дверь снова открылась, и появилась Хулия. Она быстро вытерла слезы с лица и посмотрела на своих удивленных подруг.

— Ну, миссис Сазерленд, разве по случаю твоей свадьбы не будет вечеринки?

через плечо и понес прочь, пока она брыкалась и отмахивалась от него в шуточном гневе воображаемым мечом.

Когда они вошли в комнату, он поставил Синди на пол. Она зашаталась.

— Ты слишком много выпила, красавица. Я же тебе говорил!

— Я?! — кричала она, комично сдувая с лица растрепавшуюся прядь. — Нет, конечно, мой милый, что за мания у тебя, ик, говорить, что я наклюкалась виски. — И, повиснув у него на шее, соблазнительным голосом спросила: — Потанцуешь со мной?

— Не время танцевать. Тебе пора отдохнуть.

— Давай, не будь занудой и станцуй со мной под еще одну песню.

На это невозможно было не улыбнуться. Веселье любимой и ее изящный солнечный жест заставили Деклана согласиться на все, о чем она просила. Но он хотел затащить ее в постель любой ценой.

— Не слышно музыки. Разве ты не видишь, что празднество закончилось?

— Празднество закончилось?

— Да, дорогая, окончено, — повторил он, забавляясь.

— Неважно, ик! Я спою, хорошо?

— Сокровище, ты пела всю ночь. Я думаю, ты останешься без голоса на месяц.

— Один раз, ик! Пожалуйста. Пожаааалуйста.

Не в силах отказаться, герцог посмотрел на нее и кивнул. Она, довольная тем, что ей все сошло с рук, продолжала провоцировать.

— Но теперь ты будешь танцевать, как мы танцевали в мое время, хорошо? Я собираюсь спеть тебе модную, очень, очень романтическую песню певца 20-го века Фрэнка Синатры из альбома «Голос». Мелодия называется «Незнакомцы в ночи», и мы танцуем в объятиях друг друга, хорошо?

— Ладно, — кивнул он.

Она комично нависла над ним и громко запела.

— Незнакомцы в ночи, ик!. Обмен взглядами, ик!. Блуждая в ночи.

Но она не смогла продолжить. Кислый рвотный позыв подкатил к ее горлу, и прежде чем Деклан успел что-либо предпринять, ее вырвало.

— О, боже мой, как же это отвратительно! — закричала Синди, увидев, что натворила.

— Вот видишь, упрямица. Я же тебе говорил! — ласково прошептал герцог, обнимая ее.

Пять минут спустя, Деклан осторожно положил, не ощущавшую ничего в своем теле и бледную как воск Синди, на кровать.

— Тебе лучше, милая? — спросил он, поцеловав в лоб.

Измученная и сонная, она смотрела на него полузакрытыми глазами.

— О, дорогой, как мне сейчас плохо, — прошептала она, забираясь под одеяло.

ГЛАВА 49

Нынешний декабрь в Шотландии выдался чрезвычайно суровым, особенно в горных районах. Замок Элчо, окруженный снегом, представлял собой замечательное зрелище. Днем Синди играла на улице с Мод, они весело кидали снежки и лепили снеговиков. В свободное от этого занятия время они с Декланом любили поговорить или заняться любовью.

Однажды Монце заговорила с Фионой о том, что уже несколько дней не давало ей покоя, и хозяйка, обрадованная тем, что молодая испанка заботится обо всех, предложила ей несколько кусков ткани. С ними, с помощью своих подруг и будущей свекрови, Монце тайно сшила прекрасные платья для Агнес и Эдель. Ведь им дали обещание.

То были счастливые дни в Элчо. Все восхищались Синди и, прежде всего, тем, что с ней так счастлив их лэрд. Маленькая Мод превратилась в счастливого и жизнерадостного ребенка, который любил находиться в компании отца и Синди. Все изменилось, смех и веселье распространились по всему замку, превратив его в идеальное место для жизни.

Однажды, после бурной ночи, Деклан проснулся рано утром и, поцеловав Синди в лоб, отправился в Аргайл. Несколько кланов устраивали собрание, чтобы обсудить проблемы Короны, и он не мог его пропустить. Ему не хотелось находиться вдали от нее, но он не мог избежать определенных обязательств.

Когда Деклан и его люди уехали, Монце почувствовала себя одинокой. Впервые, с тех пор как появилась в Элчо, она почувствовала, что ей необходимо, чтобы Деклан всегда находился рядом с ней. Дни пролетали с бешеной скоростью, до последней ночи года оставалось всего три недели, и это начинало ее угнетать. Монце пыталась поговорить с Хуаной, которая, будучи такой же влюбленной, как и она сама, разрыдалась при упоминании о скором возвращении. Именно поэтому Алистер, который не сопровождал Деклана в этот раз, решил отправиться в путешествие со своей маленькой женой. Он хотел, чтобы она улыбнулась.

Во второй половине дня, после напряженного утра, когда Монце пыталась закончить работу над платьями горничных, она спустилась в кухню, чтобы развеять скуку и немного поговорить с теми, кто рядом, а в этот раз это оказались Эдель и ее брат Колин.

В середине разговора они услышали звук приближающейся лошади. Они вышли навстречу и обнаружили воина из клана О'Каллахан.

— Что такое, Питт? — спросил Колин, узнав своего хорошего друга, как только он приблизился к ним.

Воин, измученный и замерзший от тяжелой дороги, которую он преодолел за рекордно короткое время, сошел с коня и, едва переводя дыхание, направился передать принесенные им новости.

— Мне нужно увидеть миссис Кармайкл, — ответил он, освежившись здоровенным стаканом воды.

Колин и Эдель сразу же посмотрели на Монце.

— Эй, не смотрите на меня, я все равно миссис Кроуфорд, — ответила она, подняв руки.

— Я имею в виду мать лэрда Деклана Кармайкла. Я знаю, что он сам в Аргайле, на собрании кланов, — уточнил воин.

— Я скажу ей, — немедленно отреагировала Эдель, готовая выполнить свой долг. — Синди, проводи его в холл. Там он согреется.

Колин и Монце посмотрели друг на друга, озадаченные этим неожиданным визитом, но воздержались от вопросов, молча направились к холлу. Через несколько секунд появилась Фиона.

— Что случилось? — с беспокойством спросила она.

Увидев ее, воин поклонился в знак приветствия.

— Миссис Кармайкл, простите за вторжение, но у нас проблема в замке Хантингтауэр, и мне нужно, чтобы вы меня сопровождали туда.

— Проблема? В чем дело, юноша, говорите прямо.

— Миледи Роуз О'Каллахан заболела, и лечение доктора не приносит никаких результатов. Она бредит, и ее состояние ухудшается с каждым днем.

Лицо Фионы исказилось, когда она услышала плохие новости. Она подошла к окну: шел снег, и чтобы доставить повозку в замок, потребуется слишком много времени. Снег на дороге мешал быстро передвигаться. Монце, увидев расстроенное лицо леди Фионы и поняв, о чем она думает, решила не создавать проблем.

— Фиона, если вы поедете на повозке, вам придется заночевать в дороге, не доезжая до Хантингтауэра. Я не думаю, что это очень хорошо для вашего здоровья.

— Я знаю, дочка, но что я могу сделать? Я нужна Роуз, и если с ней что-то случится из-за того, что я не пришла ей на помощь, никогда себе этого не прощу.

После гробового молчания Монце наконец пришла к решению.

— Мы пойдем с Нормой. У нее есть медицинские знания, и я могу помочь.

— Ты? — недоверчиво прошептала Фиона, зная, что Роуз думает об этих двух испанках.

— Да, мы.

— Нет, дитя, нет. Это тоже не очень хорошая идея.

Но Монце уже все решила.

— Послушайте, Фиона, как говорят у меня на родине «одно другому не мешает». Роуз, конечно, будет очень зла, когда выздоровеет и увидит нас там, но сначала она должна остаться в живых. И если она поправится, остальное не имеет значения.

— Ты уверена, девочка? — спросила тронутая миссис Кармайкл.

— Конечно, да. Я не так плоха, как она думает, и, кроме того, как вы говорите, если с этой капризной девчонкой что-нибудь случится от того, что я отказалась ей помочь, я никогда себе этого не прощу. Кстати, если Пэрис вернется из поездки с Алистером, скажите ей, чтобы не паниковала; мы вернемся через пару дней.

— Но Синди, ты не умеешь ездить на лошади, и Норма тоже, — возразила Эдель.

— Колин повезет меня, а этот парень, — проговорила Монце, указывая на воина, — повезет Норму. Справитесь?

Воин О'Каллахан и Колин посмотрели друг на друга и кивнули. Монце старалась не думать о том страхе, который она испытывала, взбираясь на одну из этих высоких кляч.

— Ну, вот и договорились, я найду Норму, и мы отправимся в Хантингтауэр, — подвела итог она.

ГЛАВА 50

Путешествие в Хантингтауэр вовсе не было усыпано розами. Снег мешал им следовать по маршруту, и много раз приходилось спускаться и идти пешком по морозу. Рано утром, после долгих усилий, они достигли места назначения.

Крестьяне приветствовали их, узнав девушек, и, как и Фиона, испытывали восхищение от того, что они собираются помочь человеку, который хуже всех обращался с ними во время их пребывания здесь.

— И вот мы снова в королевстве Рапунцель.

— Да, это так. Это казалось невероятным, но вот мы здесь, — улыбнулась Монце.

— Какие у тебя идеи, Тереза из Калькутты! Прийти сюда, чтобы позаботиться об этой чони только потому, что у тебя обострение. Ты и твое сострадание! — насмехалась Хулия, входя в замок.

— Да ладно, помолчи и не протестуй, — улыбнулась Монце, глядя на подругу.

Служанки Роуз замерли, увидев двух испанок. Предполагалось, что они придут на помощь их хозяйке в последнюю очередь.

— Да, я не призрак, я Синди, горничная, которая спорила с леди Роуз, и, хотите верьте,

хотите нет, мы пришли помочь ей, каким бы плохим человеком, по нашему мнению, она ни была, — поприветствовала Монце. — Итак, скажите, что с ней не так, перестаньте удивляться и отведите к ней.

Одна из девушек отреагировала первой, и пока она вела их в женскую комнату, попыталась ввести в курс дела.

— Я Тина, и я благодарю вас за то, что вы здесь.

— Спасибо, Тина, твои слова дорогого стоят, — тепло согласилась Монце. — Расскажи нам. Что происходит?

— Леди Роуз начала чувствовать себя плохо около шести дней назад. Сначала мы подумали, что она простудилась на одной из прогулок, но, когда жар овладел ее телом на три дня и три ночи и мы не могли заставить его покинуть ее, мы забеспокоились.

Когда они подошли к большой двери, Тина посторонилась и открыла ее, чтобы пропустить Монце и Хулию. Обстановка в помещении стояла зловонная и мерзкая, царил полумрак, а жар, испускаемый поленьями в камине, делал невыносимым долгое пребывание в нем.

— Какой смрад и какая жара, боже мой! — прокомментировала Монце.

Хулия подошла к кровати, потерявшей сознание капризной хозяйки и, увидев, что она сбита в кучу, и потеет как курица под несколькими одеялами, стянула их, чтобы раскрыть ее, и оставила только самое легкое из одеял.

— Откройте окна, чтобы помещение можно было проветрить.

Служанка Роуз запротестовала.

— Если мы это сделаем, будет еще хуже. Она простудится.

— Ты ошибаешься, Тина, — возразила Хулия. — Ей становится хуже из-за спертости воздуха и высокой температуры в комнате. Немедленно открой окно!

Молодая горничная не двигалась, поэтому Монце сама подошла к большому окну, отдернула тяжелые шторы и широко распахнула ставни, впуская в комнату холодный воздух.

— Мать Божья! — прошептала Хулия, когда свет снаружи позволил ей хорошо рассмотреть Роуз. Что же они сделали с этим ребенком?

Служанка, напуганная плохим внешним видом своей госпожи, не сразу ответила.

— Доктор рекомендовал кровопускание и. — защищалась она шепотом.

Монце, придя в ужас от следов на руках Роуз, в тревоге схватила одну из них, чтобы выругаться.

— Но это же настоящий ужас!

Хулия кивнула.

— Да, подруга, но не забывай, в каком веке мы живем. В эту эпоху почти все решалось с помощью кровопускания. — Она коснулась лба больной, чтобы проверить температуру тела. — Она выглядит ужасно. Если я поставлю ей градусник, он просто взорвется.

— Что нам делать? У них здесь нет жаропонижающих, — прошептала Монце, увидев состояние Роуз.

Хулия закатала рукава и посмотрела на молодую служанку, которая с дрожью наблюдала за ними.

— Мне нужна ванна с теплой водой, чистые тряпки, кувшин со свежей водой для питья и стакан, простыни, одеяло, несколько ночных рубашек, виски и кастрюля, полная снега.

— Снег? — прокричала горничная.

— Да, чтобы охладить воду в ванной. И не волнуйтесь, это снимет жар у вашей госпожи.

Затем она повернулась к своей подруге, шепча по-испански и кривя лицо.

— Боже, в такое время, как сейчас, ноутбук и возможность подключиться к интернету пришлась бы как нельзя кстати.

— Почему? Что не так? — прошептала Монце, поколебавшись.

— Ну, я не знаю, как лечить ужасный грипп, которым страдает эта девочка, кроме как методами лечения, которые здесь, конечно, еще не изобрели, и я не смогу их найти.

— Ну, хорошо, просто подумай. Используйте дыню, которая растет у тебя вместо головы.

— Эй сама ты дыня.

Монце, услышав это, улыбнулась.

— Хорошо, прости, но подумай. Наверняка ты вспомнишь лекарственное растение или средство, услышанное от бабушки, или.

Лицо Хулии засветилось. Не раздумывая ни секунды, она повернулась к служанке, которая неуверенно мяла руки.

— Нужны настои из тыквы, или имбиря с лимоном, или ячменной воды, или ивы. Да что угодно! Все поможет.

Служанка выбежала из комнаты, оставив их наедине с хозяйкой.

— Давай, перестань болтать и иди к окну, а то нам тоже будет плохо, — пробормотала Хулия.

Проветрив комнату, они поменяли простыни Роуз и ее промокшую ночную рубашку, сама же девушка бредила и что-то бормотала. Через некоторое время появились слуги с ванной; Хулия выставила их из комнаты, и, раздув огонь в очаге, подруги раздели юную Роуз и положили ее в ванну. Вода вскоре привела в чувство больную, они вытерли ее насухо и снова уложили в постель обнаженной.

Они продолжали трудиться несколько часов. Прикладывали холодные тряпки ко лбу, паху и животу Роуз. Жар, исходящий от ее кожи, быстро высушивал их, и приходилось менять тряпки время от времени. Виски Хулия осторожно продезинфицировала раны, которые кровоупускание оставило на руках юной леди.

Весь день ни Хулия, ни Монце ни на секунду не отходили от постели девушки, заставляя глотать приличную дозу имбирного настоя с лимонным соком. Вечером у Роуз снова поднялась температура, хотя на этот раз она не достигла такого тревожного уровня, как в момент их приезда.

Они спали посменно. Их силы были на исходе, но они не хотели оставлять без внимания молодую госпожу, состояние которой, даже при таком небольшом уходе, стало заметно улучшаться.

Ранним утром, когда Хулия дремала, а Монце меняла тряпки, она с удивлением услышала, как Роуз впервые заговорила.

— Что ты здесь делаешь?

Роуз, глаза которой все еще слезились, сразу же узнала ее. Это был хороший знак. Монце только улыбнулась и приложила свежую ткань к ее лбу.

— Я вижу, тебе становится лучше, — сказала она, минуя протокольное обращение. Она сомневалась, что та вспомнит об этом на следующий день.

— Ответь мне. Что ты здесь делаешь? — заикаясь, пролепетала Роуз, глядя на нее изумленными глазами.

Монце закончила менять тряпки и села рядом с ней на край кровати, чтобы вежливо

ОТВЕТИТЬ.

— Ты была очень больна.

— Как это?

— У тебя началась страшная лихорадка. Твой народ испугался и послал гонца в Элчо, чтобы попросить помощи у Фионы. Дорога непроходима из-за зимы и снегопадов, поэтому мы с Нормой решили приехать и помочь тебе. И я рекомендую прежде, чем начинать жаловаться и говорить грубые вещи о нас, подумать о том, что ты делаешь, хорошо? Потому что мы вымотались, выхаживая тебя, и существует опасность, что ты разозлишь меня и тогда я засуну тебя в эту ванну, чтобы ты там случайно утонула.

— Я тебя не выношу, — прошептала Роуз.

— Понимаю тебя. Я тоже тебя терпеть не могу.

Эти простые слова заставили их обеих улыбнуться. Это удивило Монце, но еще больше она удивилась, когда, заметила руку Роуз на своей, и та сказала:

— Спасибо.

Тронутая этим жестом, Монце кивнула и улыбнулась ей.

— Давай, отдыхай, тебе это нужно.

ГЛАВА 51

Через два дня, благодаря заботе Хулии и Монце, самочувствие Роуз О'Каллахан значительно улучшилось, хотя она все еще выглядела далеко не той розовощекой девушкой, какой была раньше, но это легко исправлялось вниманием и питанием.

На второй день своего пребывания там Монце посетила крестьян. Она хотела узнать, как у них дела, и ее сердце сжалось, когда она видела, что их положение становится все более тяжелым. Разбитые хижины едва укрывали людей от холода, и они голодали. Поэтому едва вернувшись с прогулки, она, ни секунды не колеблясь, направилась в комнату, чтобы поговорить с Роуз.

— Леди Роуз, нам нужно поговорить.

Роуз, которая распутывала волосы перед зеркалом, посмотрела на нее.

— Давайте поговорим.

Монце села напротив шотландки в одно из кресел в роскошной комнате.

— Я должна сказать, если вы не измените свои взгляды, останетесь одна, — заявила Монце, не дрогнув. — Вашим людям нужно есть и кормить своих детей; но если вы будете продолжать в том же духе, то все они скоро погибнут.

— Невозможно! Это О'Каллахан, а у них есть и... или...

— О'Каллахан? А кто дает им почувствовать, что они О'Каллахан? Насколько я вижу, вы этого не делаете. Они знают, если идет дождь, у вас есть крыша, под которой можно укрыться; если вам холодно, у вас есть одеяла, в которые можно завернуться; если вы голодны, у вас нет недостатка в еде. Они знают, что у вас — я имею в виду только вас — есть все, а у них нет ничего. Как вы думаете, как они живут? Я отвечу и скажу: плохо! Им плохо! Они чувствуют себя брошенными, презираемыми и.

— Я знаю.

Удивленная таким ответом, Монце подняла глаза на Роуз, и только хотела продолжить разговор, юная О'Каллахан прервала ее.

— Видишь ли, Синди, после всего, что произошло, я многое осознала. Важные детали, которые я, глупышка, даже не замечала. Мне стыдно, я подавлена и опустошена тем, как обстоят дела у моего народа. И я готова извиниться перед ними и загладить свою вину.

— Фантастика.

— И первый человек, перед которым я хочу извиниться, это ты. Я вела себя глупо и мерзко, поступая с тобой так, как поступала, но я ревновала. Ты свела Деклана с ума любовью к тебе, в то время как я, так и не смогла добиться от него даже легкой заинтересованности; это ослепило меня. Ты хороший человек, Синди, лучший из всех, кого я имела честь знать в своей жизни, и хотя мне не понравилось, что ты облила меня грязью, считаю, что заслужила это.

— Пожалуйста, не мучьте себя. Я также прошу прощения за свой характер, который иногда заставляет меня делать вещи, которые слишком безумны и.

— Синди, не окажешь ли ты мне честь стать моей подругой?

От удивления молодая испанка улыбнулась.

— Конечно, да, Роуз. Я имею в виду. леди Роуз. С радостью.

— Пожалуйста, давай прекратим эти обращения и будем называть друг друга по имени.

Тепло улыбнувшись, Монце кивнула.

— Ух, я очень рада. Должна признаться, что говорить так высокопарно для меня очень сложно. Там, откуда я родом, мы так не разговариваем, и возможность нормально потрещать с тобой охрентельно упростит ситуацию, — призналась она, довольная.

— Потрещать?! Охрентельно?!

— Извини, я хотела сказать, что это значительно облегчит мне жизнь.

— Что за странная манера говорить, Синди. Иногда ты произносишь непонятные вещи. Как эта средневековая фифа. Что это значит?

— Забудь об этом. Это не очень красиво, — усмехнулась Монце, заставив ее улыбнуться. — Ну же, давай обнимемся.

— Обнимемся?

— Да, там, откуда я родом, все решается объятиями и поцелуями.

Не говоря ни слова, они обе встали и обняли друг друга. Роуз сделала это с большим волнением, испанка была первой подругой в ее жизни, и она не собиралась ее терять. Отсмеявшись, они сели обратно на свои кресла.

— Синди, что я могу сделать, чтобы помочь своему народу? Мой отец всегда надеялся, что я выйду замуж за лэрда, и он будет нести всю тяжесть обязанностей О'Каллаханов. Но проблема в том, что я. я не знаю, что могу сделать, чтобы мои люди снова поверили в меня и начали двигаться вперед.

— Я думаю, первое, что тебе следует сделать, это поговорить с ними. Собери всех сегодня вечером в зале замка и поговори с ними так же откровенно, как ты говоришь со мной, и, прежде всего и в первую очередь, поделись тем, что у тебя есть. Сейчас это жизненно важно, если хочешь, чтобы они тебе доверяли. Этот замок — твой дом?

Молодая леди кивнула:

— Ну, ты должна дать им почувствовать, что он и их дом тоже, и если нужно приютить их в эти холодные ночи и поделиться с ними своей едой, сделай это! Они будут благодарить тебя до конца своих дней, и ты сделаешь так, что они будут готовы умереть за тебя.

Так она и сделала. В тот холодный декабрьский вечер Роуз О'Каллахан собрала всех своих людей в зале Хантингтауэра, и впервые все они почувствовали себя единым целым, чего не было уже давно. Счастливая и тронутая тем, что люди прислушались к ней и дали ей еще один шанс, Роуз, держа за руку свою подругу Синди Кроуфорд, расплакалась от избытка чувств.

— Да ладно, ладно, не надо со мной миловаться, у тебя много дел, чтобы провести всех этих людей через это, — усмехнулась Монце. — Видишь эту женщину, обнимающую своего маленького мальчика? Ее зовут Берта, и однажды она пришла в замок, чтобы попросить у тебя еды для своего сына, а ты ей отказала. Я думаю, ты должна пойти и извиниться перед ней.

Не раздумывая ни секунды, Роуз кивнула и обратилась к женщине.

— Здравствуй, Берта, — поприветствовала она.

Женщина, увидев, что к ней обращаются по имени, пригнула голову.

— Добрый вечер, миледи, — прошептала она под внимательными взглядами остальных крестьян.

— Берта, я хочу извиниться за то, что отказала тебе в еде для твоего сына. Обещаю, что это больше не повторится. Я осознала свою ошибку и готова все исправить и извиниться перед тобой тысячу раз.

— Пожалуйста, не волнуйтесь, миледи, сейчас все уладится.

— Но ты прощаешь меня?

Берта подняла голову, удивленная этим вопросом, как никогда в жизни.

— Конечно, миледи. Конечно, я прощаю вас.

Роуз взволнованно и не думая о том, что делает, обняла Берту под общий гул всех крестьян. Когда она пришла в себя, то обратилась ко всем властным голосом.

— Я обещаю вам, что Хантингтауэр вернется к тому, чем он был. Я обещаю вам!

Жители деревни хлопали и поддерживали свою хозяйку, а Монце улыбалась. Вдруг она почувствовала, как чья-то рука обхватила ее за талию, и, повернувшись, встретила с карим взглядом, который ждала увидеть снова уже несколько дней.

— Деклан, ты здесь, — прошептала она, обнимая его.

— Да, моя дорогая. Я искал тебя.

Он поцеловал Монце на глазах у всех, заслужив всеобщее одобрение толпы. Роуз, увидев их, присоединилась к аплодисментам с радостным выражением лица. Ушли мысли о том, что всегда было невозможно; у нее впереди много работы, и это хорошее начало.

ГЛАВА 52

Через два дня Роуз выглядела намного здоровее. Прибытие Деклана и Кеннета со своими людьми вернуло крестьян рода О'Каллахан и их воинов к работе. В те дни оба лэрда советовали Роуз, как лучше справляться с ее нелегкой обязанностью, и не могли поверить, как сильно изменилась девушка. Но больше всех это заметил Кеннет, и от того, что теперь она не казалась ему невыносимой пустышкой, он все больше и больше хотел проводить с ней время. Она ему очень нравилась. Это не осталось незамеченным Хулией и Монце, которые рассмеялись, увидев, как лэрд Стюарт таращится на Роуз.

И на третий день после приезда Кармайклов испанки решили, что здоровье хозяйки позволяет им вернуться в свои земли. Кеннет, однако, решил остаться еще на несколько дней. Он хотел помочь.

— Запомни, Роуз, — наставительно проговорила Хулия, — будь добра к своим людям, и они будут добры к тебе.

— Я не забуду, Норма, не волнуйся. И спасибо тебе большое за все.

— Кстати, Роуз, — прошептала Монце, подталкивая ее, — ты заметила, как на тебя смотрит красавец Кеннет Стюарт? Я думаю, ты нашла себе жениха.

Роуз покраснела, как помидор.

— О, да, Синди. Я заметила.

— Ну, тогда иди и возьми его!

Этот комментарий вызвал у них смех. Наконец они поцеловались на прощание, хотя Роуз с нетерпением ждала новой встречи со своими новыми подругами.

— Когда мы снова увидимся?

Хулия и Монце посмотрели друг на друга. Их время здесь подходило к концу, поэтому Монце просто поцеловал ее еще раз.

— Не знаю Роуз, но я всегда буду помнить о тебе в своем сердце.

Роуз хотела ответить, но Деклан не дал ей этого сделать, подойдя ближе и побуждая их к действию. Он хотел добраться до Элчо до наступления ночи.

Монце подошла к Кеннету, который разговаривал с одним из своих людей, и похлопала его по плечу. Когда он увидел, что это она, то улыбнулся.

— Мне очень жаль, что вы уезжаете, — сказал он.

— Ой, ладно, мне почему-то кажется, что вы бы больше горевали, если бы уезжала средневековая Барби.

Услышав это, воин удивленно поднял бровь.

— Хорошо заботьтесь о ней. Средневековая Барби — хорошая девочка, — посоветовала Монце, когда уходила, озорно подмигнув, на что Кеннет ответил тем же.

Мгновением позже свита Кармайклов во главе со своим лэрдом отправилась в путь. С лошади и под защитой Деклана Монце махала крестьянам, которые прощались с ней, когда она проезжала мимо. Но ее улыбка застыла, когда, покидая окрестности Хантингтауэра, она увидела нечто такое, что заставило ее сердце выпрыгнуть из груди.

— Останови лошадь, Деклан. Мне нужно сойти, — потребовала она.

— В чем дело? — спросил он удивленно.

— Остановись! Пожалуйста.

Горец, не понимая, что происходит, повиновался. Не дожидаясь, пока ей помогут спуститься, и даже не заметив высоты, Монце бросилась на землю и побежала к двери шаткой хижины. Перед ней, скрючившись и замерзая до смерти, стояла маленькая девочка. Монце быстро сбросила с плеч плащ и, накинув его на посиневшую дрожащую малышку, прижала ее к себе.

— Эйлин, дорогая, что ты делаешь здесь на холоде?

Девочка, несмотря на свое ужасное состояние, сразу же узнала ее.

— Это мой дом и.

— Твой дом? Но. я оставила тебя с тетей и дядей.

— Они ушли и оставили меня здесь одну.

Услышав это, Монце встала и, не удержавшись, вскрикнула, увидев приближающуюся Хулию.

— Твою же мать! Если я поймаю их, клянусь, разорву в клочья. И как можно бросить ребенка в глуши, вот ведь сукины дети. Они пообещали, что позаботятся о ней, и что они сделали — оставили ее здесь умирать. Одну! Они бессовестные.

Хулия, узнав девочку, поняла возмущение Монце.

— Ты пугаешь ее. Успокойся, — шепотом попросила она.

Монце посмотрела на девочку и, увидев ее наполненные слезами глаза, взяла ее на руки, чтобы поговорить с ней более спокойным тоном.

— Не волнуйся, милая. Я найду тебе дом, даже если это будет последнее, что сделаю в

этом мире.

Герцог, который стал немым свидетелем ее вспышки ярости, хотел было заговорить, но, как почти всегда, Монце его опередила.

— Деклан, я больше не брошу Эйлин. Когда мы были здесь в прошлый раз, я оставила ее с тетей и дядей, потому что ее родители погибли, но они оставили ее умирать. О боже, умирать! Эти негодяи даже не подумали, что этому ребенку будет холодно, голодно или он будет страдать от трудностей, о которых я даже не хочу думать. И прежде чем ты мне что-то скажешь, хочу, чтобы ты знал: я не желаю бросать ее во второй раз, я отказываюсь! Поэтому, если хочешь, чтобы я вернулась с тобой в Элчо, то ребенок должен будет поехать с нами, или я останусь здесь с ней.

Пораженный такой пылкостью, Деклан наблюдал, как маленькая девочка, замерзшая насмерть, отчаянно цепляется за Синди. Женщина, которую он любил, умоляла его глазами не покидать их, чего он, конечно, никогда бы не сделал. Он подошел к ним, нежно поцеловал Синди в лоб и накинул мех на ее плечи.

— Пойдем, любовь моя, мы все возвращаемся домой.

ГЛАВА 53

Возвращение отряда в замок Элчо принесло счастье всем, кто там жил. Оказавшись дома, Монце лично ухаживала за Эйлин, которая проявила свою силу, мягкость и способность к адаптации. Эйлин была на несколько лет младше Мод, но они быстро подружились и весело проводили время вместе. Сначала Монце думала о том, чтобы найти ей семью, несмотря на боль, которую это причиняло, но, когда Деклан сказал, что Эйлин и Мод подружились и малыша приняли в семью, она пришла в восторг и почувствовала себя абсолютно счастливой и удовлетворенной.

В ночь на двадцать четвертое декабря в замке Элчо устроили большой пир для всех. Кухни занимались приготовлением изысканных блюд, даже Хулия, Хуана и Монце решились приготовить что-то особенное. Впервые за много лет зал готовился к тому, чтобы разделить самый важный ужин года со всем кланом.

Почти в срок испанки закончили платья Агнес и Эдель, а также связали платок для Фионы и сшили две ночные рубашки фиолетового оттенка для Мод и Эйлин; они даже приготовили подарки для всех, кто жил в Элчо. Испанки хотели, чтобы у каждого остался сувенир на память о них, поэтому при любой возможности ходили в лес собирать цветы, которые приносили в замок, спрятав в корзинах для белья. С помощью проволоки они делали красивые диадемы для женщин и красочные цветочные броши для мужчин.

В тот вечер Деклан распорядился за столом. Это Рождество оказалось самым лучшим в его жизни. Не только потому, что его дочь улыбалась вместе с Эйлин, не только потому, что народ вокруг веселился, а мать переполняла радость, а потому, что Синди приносила ему счастье, о котором он никогда не мечтал.

После роскошного ужина, прежде чем все разошлись, Хулия, Монце и Хуана вручили приготовленные подарки, превратив вечер в трогательную церемонию. Эдель и Агнес плакали от умиления при виде своих новых платьев.

— Вы сомневались? — воскликнула Монце, обращаясь к горничным. — Вперед, идите и наденьте их в первый раз. Сегодня вечером Перси и Нед не смогут оторвать от вас глаз.

— Вы будете прекрасно выглядеть в этой одежде и с красивыми прическами, которые сделала для вас Пэрис. И знаете. пусть они немного помучаются!

И, воодушевленные своим новым девушка заставили своих мужчин страдать.

Потому что, когда две молодые шотландки появились в своих новых платьях и другие горцы с желанием смотрели на них, их возлюбленные окончательно пали к их ногам.

Алистер, радуясь счастью, которое принесла ему его маленькая Пэрис, ухмылялся как дурак, когда она подарила ему красивый спорран, а он удивил ее, когда в корзине вручил ей прекрасного шотландского щенка, которого она быстро окрестила, к радости и восторгу всех присутствующих, Мохопиконом.

Фиона, взволнованная и окруженная всеми, не знала, куда смотреть, чтобы стать счастливее. Ее люди были счастливы, Мод и маленькая Эйлин не переставали смеяться, Норма весело танцевала с Колином, Алистер и его жена не переставали обниматься, а ее сын и Синди с любовью смотрели друг на друга. Ее растрогало даже то, что Деклан передал девушке небольшой сверток.

— Вот, это мой подарок для тебя.

Она приняла его с очаровательной улыбкой, протягивая ему свой.

— Спасибо. Но сначала открой мой, — попросила она его.

Деклан, увлеченный, с восторженным вздохом взял подарок и, поцеловав ее, открыл его. В нем он нашел пару свечей, вырезанных и окрашенных ею лично в фиолетовый цвет.

— Это для твоей комнаты.

— Нашей комнаты, — поправил он, целуя ее.

— Хорошо, нашей комнаты. — И видя, как он смотрит на подарок, Монце сказала: — Я хочу, чтобы ты поставил их на камин и зажег. Они будут выглядеть очень красиво.

— Спасибо, дорогая, они прекрасны. И прежде чем ты откроешь свой подарок, я должен тебе кое-что сказать, — предложил он, взяв ее руки в свои.

— Скажи мне.

— С тех пор как ты появилась в моей жизни, все вокруг изменилось к лучшему. Раньше я был одинок и всегда злился, а теперь меня окружает большая семья, и всем этим я обязан тебе. Знаю, что ты здесь, потому что я тебе снился. Я могу только сказать, что сейчас и всегда моя мечта — это ты. Однажды ты сказала, что не знаешь, зачем ты здесь, и я хочу сказать, что понял это.

— О, да?. — засмеялась Монце, услышав его слова.

— Ты здесь для того, чтобы Мод улыбалась, чтобы у Эйлин появилась семья, чтобы моя мама была счастлива, чтобы мой народ любил тебя, чтобы я стал лучше, и даже для того, чтобы Роуз О'Каллахан изменила свою жизнь и жизнь своих людей.

— Спасибо, дорогой, — взволнованно пробормотала она. Наконец-то и она поняла, почему оказалась здесь.

Деклан, преисполненный гордости при виде улыбки своей возлюбленной, поцеловал ее.

— А теперь открой свой подарок.

Монце открыла его без всяких подсказок, но когда увидела, что это драгоценность Кармайклов, та самая, которую она им подарила, то прижала руки ко рту. Деклан не дал ей возможности что-либо сказать.

— Это для тебя, любовь моя. Я хочу, чтобы ты носила его всегда, где бы ты ни была, потому что знаю, что проклятие снято.

Взволнованная, благодарная и заплаканная, Синди поцеловала его и предложила ему надеть кулон, подняв волосы. Деклан сделал это под восторженным взглядом Фионы; затем они снова поцеловались и, когда в зал ворвались звуки волынки, пустились в веселый пляс.

В ту ночь, когда вечеринка закончилась, Деклан и его возлюбленная поднялись в свою

комнату, занимались любовью до рассвета, пока, наконец, не уснули. Но через несколько минут Синди проснулась как от толчка. Цыганка Эрика посетила ее во сне, чтобы предупредить, что время на исходе. Ее сердце бешено колотилось, она посмотрела на Деклана, мирно спящего рядом с ней. По ее лицу текли непрошенные слезы. Что она будет делать без него?

Потрясенная, Монце встала, подошла к очагу, подбросила пару поленьев и развела огонь. Она не знала, что делать, но в итоге села на шкуру перед камином, убитая горем. Наконец, закрыв лицо руками, она разрыдалась.

На следующее утро она обратилась к своим подругам, которые подтвердили, что и им приснился тот же сон. Часами они плакали в комнате, которую теперь занимала только Хулия.

— Прекратите рыдать! Ради бога, вы же иссушите себя, — буркнула Хулия, не в силах больше выносить мучения подруг.

— О, дорогая, я не могу. Что я буду делать без Алистера?

— Я же говорила тебе, — ворчала Хулия. — Я сердилась на тебя, чтобы ты осознала, что этот момент рано или поздно наступит. И если я была сурова, то именно для того, чтобы избежать этого, потому что знала, что так все и будет.

С красным как помидор носом Монце откинула волосы с лица, икнув.

— Я думаю, что умру от горя. Я не смогу снова увидеть Деклана. и Эйлин, и Мод, и. и. и. и. и.

Но продолжать дальше она не могла. Горе, которое она испытывала, было настолько велико, что не позволяло ей даже говорить. Час спустя Хулия, убедившись, что так больше продолжаться не может, встала с постели и, положив руки на бедра, встретила с ними взглядом.

— Давайте посмотрим, милые, вы что же собираетесь трогать то небольшое время, которое у вас осталось, плача здесь со мной, когда можете провести его с людьми, которых вы так сильно любите? — Монце и Хуана покачали головами. — Тогда давайте, умойтесь и наслаждайтесь как можно больше. Никогда не позволяйте говорить, что вы не использовали свое время с максимальной пользой.

Но как бы они ни старались, дни шли за днями, и ничто уже не напоминало прежнего. Они пытались быть счастливыми и забыть о том, что их ждет, но блеск в их глазах пропал. В эти последние дни уроженка Канарских островов пользовалась любой возможностью, чтобы побыть с Алистером, а Синди наслаждалась, как могла, общением с Декланом, девочками и всем, что было связано с Элчо.

Тридцать первого декабря, проснувшись, Деклан почувствовал странное беспокойство. Он не говорил с Синди о том, что ее тревожит, ему и не нужно было. Достаточно просто увидеть темные круги под глазами, которые появились на ее лице за последние несколько дней.

Монце, как и Хуана, старалась быть жизнерадостной, но как она могла перед лицом того, что должно вот-вот произойти? День шел своим чередом, нервы начали подводить их, но когда наступила ночь, никто из них не мог рассуждать здраво.

— Ничего не случится, дорогая, — прошептал герцог, обнимая ее. — Я никому не позволю забрать тебя, успокойся.

— Я люблю тебя, Деклан. Ведь ты знаешь это?

Он успокаивающе кивнул и поцеловал ее, как раз, когда Фиона, не обращая внимания на

все происходящее, вошла в комнату в сопровождении маленьких девочек.

— Папочка! — закричала Мод, подбегая к нему, который принял ее в свои объятия.

Когда маленькая Эйлин увидела Синди, она подбежала к ней, Синди схватила ее и поцеловала. Мод, заметив, как близки взрослые, огляделась вокруг, прежде чем повернуться к отцу.

— Папочка, когда ты женишься на Синди и она станет моей мамой, Эйлин может быть моей сестрой?

Деклан и Монце посмотрели друг на друга. Она не могла ответить, и герцог, черпая силы там, где их почти не осталось, с печалью посмотрел на дочь.

— Конечно, дорогая, хотя я думаю, что Синди уже — моя жена и твоя мать, а Эйлин — твоя сестра и моя дочь, — ответил он приглушенным голосом.

Под впечатлением от этих слов Монце едва сдержала огромное желание заплакать.

— У меня самая прекрасная и замечательная семья в мире!

Девочки улыбнулись и, решив, что вопрос исчерпан, выскользнули из державших их рук и побежали через гостиную навстречу Норме. Деклан, расстроенный так, как никогда в жизни, посмотрел на Синди и снова поцеловал ее, отчаянно обнимая.

Незадолго до того, как все собрались в гостиной на ужин в канун Нового года, изможденная и печальная Хуана примостилась на руках у своего недоумевающего мужа. Ночь выдалась дождливой, разразилась шумная гроза. Испанки заняли центральное место, ни Синди, ни хохотушка Пэрис не были в настроении для праздника. Фиона, которая разговаривала с немного рассеянной Нормой, заметила, что что-то происходит, но не стала спрашивать. Однако она заметила, что каждый раз, когда одна из девушек вставала, Деклан или Алистер шли за ней. Что это с ними?

Вдруг раздался раскат грома, и от невероятного гула загрохотал весь замок. Девочки, испугавшись мощного звука, начали плакать. Деклан и Алистер тут же встали, чтобы выглянуть в окно.

— Во имя всех святых, неужели молния ударила в западную стену замка?

Монце и ее подруги тревожно посмотрели друг на друга, когда услышали это, а когда увидели Деклана и Алистера, выбегающих на улицу, не стали медлить и последовали за ними. Снаружи шел яростный дождь. Ливень был такой сильный, что менее чем за две секунды все промокли до нитки. Еще одна молния, на этот раз голубоватая, расколола небо, за ней последовало эхо грома во всем его размахе.

— Вернитесь в замок, — крикнул Деклан, увидев вымокших насквозь испанок.

— Нет, — ответила Монце.

Вдруг странный голубоватый свет окружил трех подруг, и они поняли, что настал страшный момент.

— Деклан! — закричала Монце.

— Алистер! — прокричала Хуана.

Ошеломленные внезапным прозрением, горцы посмотрели в их сторону, но не успели даже вздохнуть, как три девушки исчезли у них на глазах.

Алистер в отчаянии закричал и воззвал к Пэрис, а Деклан, убитый горем, смотрел на странную бурю, которая начинала стихать, и сокрушенно шептал:

— Синди Кроуфорд, я буду ждать тебя всю жизнь.

ГЛАВА 54

Когда испанки очнулись, их окружала плотная холодная темнота. Путешественницы во

времени оказались в воде, и начали отчаянно плыть к поверхности.

— Ах. — вздохнула Монце, высунув голову и переводя дыхание, — я тону!

— Опять в эту чертову воду? — протестовала Хулия.

Все еще озадаченные случившимся, они молчали, пока Хуана не указала вперед.

— Это Эдинбургский замок?

Они посмотрели в ту сторону, куда указывала Хуана. Темнота ночи не позволяла видеть ясно, хотя по силуэту казалось, что это замок. Они доплыли до причала и поднялись по деревянной лестнице на сушу. Шел дождь. Кругом царила темнота, и люди в средневековых одеждах бежали в укрытие. Монце и Хуана повеселели.

— Надежда еще есть.

— Вот же дьявол, я сейчас замерзну! — сказала Хулия.

Вспышка молнии осветила все вокруг, и они поняли, что находятся на набережной в Эдинбурге, в самом центре средневековой ярмарки. Надежды двух молодых испанок рухнули.

— Нет. — прошептала Монце, осознав реальность.

— Не-е-е-т, — в отчаянии закричала Хуана.

Хулия, поняв, что они вернулись в двадцать первый век, остановила одного из прохожих с зонтиком и спросила:

— Пожалуйста, скажите, какой сейчас час?

— Десять минут двенадцатого, мадам.

— Еще один момент, какой сегодня день?

Мужчина был ошеломлен таким вопросом, но все же ответил.

— Пятнадцатое сентября.

— Спасибо. спасибо., — ответила Хулия, прежде чем повернуться к своим подругам. —

Мы вернулись в тот же день, когда ушли.

— Мы должны найти Эрику, цыганку! — в отчаянии закричала Монце.

— Да, — кивнула, соглашаясь Хуана.

Не дожидаясь Хулии, они пустились в бег, но когда добрались до места, где в прошлый раз нашли цыганку, ни табора Эрики, ни ее стойки с таро там не оказалось. Растерянная, Хуана рухнула на землю и начала плакать.

— Нет, черт возьми, Эрика! Почему ты так со мной поступаешь? Мне осталось загадать одно желание. Ты слышишь меня? У меня осталось еще одно желание. — плакала Монце, слезы текли по ее лицу.

Следовавшая за ними Хулия не знала, что сделать, чтобы утешить подруг. Дождь продолжал идти, и все трое основательно промокли, но это волновало их меньше всего. Прошло несколько часов, но Хулия не могла сдвинуть их с места, но с рассветом она, наконец, убедила Монце и Хуану, и они вернулись в отель.

Хулия вернулась в Лондон на следующий день; она хотела увидеть своего Пепе, и ее подруги понимали это. Но Хуана и Монце искали Эрику по всей Шотландии больше месяца; казалось, никто ее не знает. За это время они несколько раз посещали замок Элчо и его окрестности, где Монце безутешно рыдала перед портретом Деклана, особенно в тот день, когда обнаружила табличку с надписью: «Я буду ждать тебя всю жизнь».

Она любила этого мужчину всем сердцем, но их любовь была невозможна. Их разделяло время, годы, века; их разделяло все, кроме их сердец.

— О, подруга, как сказала бы Хулия, у тебя будет обезвоживание, — всхлипнула Хуана.

Монце, глядя на свою заплаканную подругу, грустно улыбнулась.

— Кто бы говорил.

Наконец, они убедились, что сон закончился, и, с разбитыми сердцами, вернулись в Лондон, к своей жизни.

ГЛАВА 55

14 сентября 2011 года

Год спустя.

— В какое время начинается средневековый ужин? — нервно спросила Монце.

— В девять часов, — ответила Хулия.

— О, подруга, надеюсь, ожидание того стоило, — вздохнула уроженка Канар.

Прошел год, и они втроем снова оказались в Эдинбурге. Это был тяжелый год для них всех.

Хулия вернулась в Испанию к своему Пепе; к своим корням. В мадридский район Вальекас, где они родились. Оставить своих подруг в том состоянии, в котором они находились, оказалось самым трудным для нее, но у Хулии не было альтернативы; ее жизнь связана с ее мужем. Однако, несмотря на расстояние, они договорились, что каждые два дня одна из них будет звонить, чтобы поддерживать связь. Ни то, ни другое не удалось.

Монце и Хуана вернулись к своей работе, но ни одна из них не осталась прежней. Внезапно пребывание в двадцать первом веке стало невыносимым и тягостным. Они скучали по спокойствию сельской местности, беседам у камина, пению птиц по утрам, запаху влажной земли Шотландии, ее прекрасным долинам и горам, открытости ее людей. Но больше всего они скучали по мужчинам, отсутствие которых разбивало их сердца.

Хуана переехала жить к Монце в ее квартиру. Ни одной из них не хотелось оставаться в одиночестве. Им нужно было постоянно говорить о своих любимых, чтобы сохранить веру в то, что произошедшее безумие реально, даже если воспоминания о тех незабываемых моментах заставляли их плакать.

Весь этот год они планировали в сентябре вернуться в Эдинбург. Монце и Хуане важно было узнать, вернется ли Эрика, цыганка, со своим прилавком на средневековую ярмарку. И время пришло. Они приехали в Эдинбург.

— А если нет? — пробормотала Хуана.

— Она должна быть, — настаивала Монце, слушая ее. — Она задолжала мне желание, и обязана его исполнить.

Хулия, радуясь тому, что снова будет с подругами, но в то же время переживая за них, не знала, как себя вести.

— Я уверена, она будет там, не волнуйтесь, — сказала она наконец.

В девять часов вечера, одетые в старинные костюмы, они прибыли на площадь, где проходила ярмарка. Монце купила две тряпичные куклы и с улыбкой надежды положила их в карман своей юбки, умоляя от всего сердца: «Пожалуйста, Эрика, вспомни, что ты всегда говорила мне о том, что мое счастье осталось в прошлом. Пожалуйста, вспомни об этом».

Нервничая, они пробирались по лугу в ожидании начала средневекового ужина. Киоски и аттракционы стали включать иллюминацию, но цыганки Эрики нигде не наблюдалось. Ее там не было. С отчаянием на лицах девушки, наконец, позволили Хулии уговорить их посетить средневековый ужин, где, вопреки всему, получили удовольствие от представления; возможно, потому, что оно имело так мало общего с реальностью того времени. Ужин еще не закончился, когда Монце услышала раскат грома. Этот звук заставил ее и Хуану

посмотреть друг на друга. С улыбкой на устах они встали и вышли на улицу.

— Боже мой, это то, что надо! — Улыбнулась Хулия, увидев пасмурное небо и радость своих подруг.

Начался проливной дождь, и, с колотящимися сердцами, они втроем побежали на ярмарку, а там, посреди эспланады, стоял караван и желтый навес цыганки Эрики.

— Подруга, ты видишь, тоже, что и я? — прошептала Хуана.

— Да, да, да, да, да, да! — закричала Монце, бросившись к нему.

Словно ураган, три испанки ворвались в палатку, позволяя ветру затянуть дождь внутрь вместе с ними. Цыганка подняла глаза, чтобы посмотреть, кто вошел, и улыбка озарила ее лицо, когда она услышала голос Монце.

— Эрика, у меня осталось еще одно желание. Пожалуйста, пожалуйста, пожалуйста. Ты моя должница и не можешь мне отказать. Я хочу этого всем сердцем.

Цыганка, увидев ее и выслушав речь, улыбнулась и, встав, обняла Монце.

— Принцесса, как поживаешь?

— Ну, очень хорошо, раз уж я тебя нашла, — улыбнулась Монце, обнимая ее тоже.

Цыганка, обрадованная новой встречей, попросила девушек сесть. Полчаса они в спешке рассказывали обо всем, что произошло за предыдущий год, и наконец Монце обратилась к ней с просьбой, глядя в глаза.

— У меня осталось одно желание. — взмолилась она. И она схватила Хуану за руку. — И это общее желание.

Цыганка понимала всю силу просьбы и безопасность своей принцессы, но она не могла принять никакого решения, не будучи полностью убежденной. Пока она размышляла, раскат грома потряс, наверное, половину Шотландии:

— Вы уверены?

— Да, — взволнованно пробормотала Хуана.

— Я никогда не была так уверена, — заявила Монце.

— Я позволила истечь году, чтобы у вас было время убедиться в истинности того, чего вы хотите. Возвращение в прошлое означает исчезновение из этого времени навсегда.

Монце посмотрела на Хуану, которая взяла ее за руку и кивнула, когда Хулия начала плакать.

— Да, Эрика. Мы никогда в жизни не были так уверены в чем-либо. Мы обе думали и знаем, чего хотим, чего желаем и без чего не можем жить. Мы знаем, что нам будет не хватать многих вещей, но, то, что мы снова будем с любимыми людьми, может сгладить все остальные недостатки.

— Но там у вас не будет ничего из того, что есть здесь. Там жизнь.

— Эрика, там находится все, что мы хотим иметь, — уточнила Монце.

Цыганка с загадочной улыбкой смотрела на девушку, которую обожала всю свою жизнь.

— Так. Чего ты хочешь, любовь моя?

— Я желаю, чтобы мы с Хуаной вернулись в замок Элчо и продолжили нашу жизнь с Алистером Сазерлендом и Декланом Кармайклом.

При этом Хулия разразилась рыданиями. Цыганка протянула ей бумажный платок и не смогла удержаться от смеха.

— Почему ты плачешь, Хулия?

Та вытерла слезы и, вздохнув, заговорила.

— Я плачу от счастья. Знаю, что они будут очень счастливы. Мне ужасно жаль, что я не

могу сопровождать их в этом путешествии, но моя жизнь принадлежит моему Пепе и.

— Не терзай себя, Норма Дюваль, — сказала Монце. — Мы все будем счастливы, а это самое главное, не так ли?

— Да, — взволнованно кивнула Хулия.

Цыганка согласно кивнула и, заметив приближение грозы, снова стала настаивать.

— Это будет дорога без обратного конца. Вы уверены?

Хуана и Монце посмотрели друг на друга и, лучезарно улыбнулись. Вдруг замерцал свет, и недалеко от того места, где они стояли ударила молния.

— Да будет так. Ваше желание, принцесса, исполнено.

— О, Господи! — воскликнула Хуана.

— И все? Так просто? — закричала Монце. И цыганка кивнула.

— Вы должны упасть в воду. — И, взглянув на Монце, прошептала: — Ты будешь очень счастлива в своем замке, принцесса; я всегда знала это, любовь моя.

Обрадованная, Монце бросилась к Эрике и обняла ее. Вскоре после этого, попрощавшись, трое подруг спустились в порт Лит. Возбужденные, смеющиеся и сияющие, они не обращали внимания на дождь, гром и молнии.

— Я буду очень скучать по вам, — эмоционально воскликнула Хулия.

— О, подруга, и мы будем скучать по тебе.

В этот момент все вокруг на мгновение вспыхнуло, оставив Эдинбург без света, и подруги поняли, что момент настал. Монце, увидев свою Хулию в слезах, обняла ее и, желая поскорее закончить это прощание, взяла уроженку Канарских островов за руку и сказала Хулии шутливым тоном:

— Норма Дюваль, мы оказываем вам честь подтолкнуть нас к счастью.

Вытерев лицо, Хулия улыбнулась и, подарив последний поцелуй, положила дрожащие руки на их спины, готовая столкнуть девушек в воды гавани Лит.

— Пусть счастье будет с вами до конца ваших дней, — пожелала она, глядя, как Монце и Хуана погружаются в воду.

ГЛАВА 56

Шотландия, Лох-Тей, 1690 год.

Монце и Хуана появились, как две нимфы из вод Лох-Тей. Как и ожидалось, было холодно.

— О, Боже, — пожаловалась Монце. — Здесь холоднее, чем на фабрике Фриго.

— Ну, девочка моя, кажется, мы вернулись. Мы снова стали Пэрис Хилтон и Синди Кроуфорд.

— Да, да, да, да. Спасибо, Эрика. Спасибо тебе-е-е-е, — прокричала она как сумасшедшая.

Подруги поплыли к берегу и, выйдя из воды, обнялись. Они вернулись, но где находятся сейчас?

— Какой путь нам выбрать? Ничего не знакомо?

Хуана огляделась и, пожав плечами, покачала головой, стуча зубами.

— В такие моменты и правда, пригодился бы GPS, — сказала Монце, улыбаясь.

Они весело отправились в путь. Испанки шли несколько часов, но радость была такой, что ничто, даже холод, не могло омрачить их счастья. Вдруг Монце остановилась.

— В чем дело? — спросила Хуана.

Улыбаясь до ушей, Монце указала в сторону и поцеловала свою подругу.

— Миссис Сазерленд, я думаю, пришло время вашему мужу снова увидеться с вами.

Сердце Хуаны подпрыгнуло, но посмотрев в ту сторону, куда указывала ее подруга, чуть не упала в обморок при виде Алистера, мужчины всей ее жизни, сидящего у подножия дерева с собакой.

— Дорогая, ну же, приходи в себя; я вижу, что у тебя начинается приступ паники, а у меня нет бумажного пакета, в который ты могла бы дышать.

— Ох, я так нервничаю.

Монце прекрасно понимала чувства своей подруги. Она снова подбодрила Хуану.

— Я знаю, дорогая, но мы слишком долго этого ждали. И если ты будешь продолжать в том же духе, то вместо того, чтобы удивить своего бедного муженька, напугаешь его до смерти.

Хуане пришлось сесть на землю. Она так разволновалась, что у нее перехватило дыхание. Там, в нескольких шагах от нее, сидел Алистер, ее Алистер!

— О, подруга, как вырос Мохопикон, и как красив мой муж, — прошептала она, глаза ее наполнились слезами.

— Давай, вперед. Я уверена, что они оба сойдут с ума, когда увидят тебя.

Хуана вздохнула, встала и направилась к ним. Собака быстро заметила приближающегося человека и побежала навстречу. Увидев, что животное покинуло его, Алистер поднял голову и вмиг побелел как лист бумаги. Он еле встал, но все равно пришлось прислониться к дереву, чтобы оправиться от шока. Она, его Пэрис, его жена, его девочка, вернулась.

И не успела Пэрис произнести ни одной остроумной фразы, как муж уже обнимал ее и преданно целовал.

— Здравствуй, малышка.

— Алистер, я вернулась. И на этот раз навсегда.

Потрясенный, он снова посмотрел на нее с головы до ног и издал вопль счастья.

После бесчисленных поцелуев и объятий Алистер обнял и юную Синди. Оправившись от шока, он побежал к своей лошади и снабдил их одеялами, чтобы испанки согрелись. Бедняжки замерзали.

— Господи боже! Вы подхватите пневмонию, — воскликнул он. — Давайте, пойдем в замок, чтобы согреться.

— Подожди, Алистер, — попросила Хуана, увидев испуганное выражение лица своей подруги. — Я думаю, Синди нужно кое-что у тебя спросить.

— Как Деклан?

Большой горец улыбнулся и снова обнял свою жену.

— Я думаю, когда он увидит тебя, то получит самый большой сюрприз в своей жизни.

— Надеюсь приятный?

— Не сомневайся, Синди. Не сомневайся.

Успокоив ее, Алистер заверил, что герцог находится в замке. Монце хотела побежать вперед, но понимала, что по дороге ее перехватят другие люди, а она хотела сделать Деклану сюрприз. Монце хотела, чтобы он стал первым, кого она встретит. Блаженствуя и все еще не веря в случившееся, рыжеволосый шотландец предложил пойти и поискать Деклана. Он готов под любым предлогом отвести его в лес.

Присев рядом с Элчо и напевая песенку, чтобы успокоить нервы, две молодые испанки ждали, как показалось Монце, целую вечность.

— Так что же ты хочешь мне показать? — услышали они вдалеке вопрос Деклана.

— Я уверен, что тебе очень понравится, — засмеялся его друг. — Пройди немного по тропинке, и найдешь.

Увидев, что его лэрд нахмурился, Алистер улыбнулся и дружески потрепал его по плечу.

— Иди, Деклан, и если то, что ты увидишь, не будет самым замечательным, что ты видел за последнее время, когда ты вернешься, клянусь, я позволю тебе выпороть меня за это.

Удивленный, герцог улыбнулся и зашагал в направлении, указанном его другом.

— Запомни свои слова, ибо я их не забуду, — сказал он, повернувшись к нему спиной и уходя в деревья.

Испанки продолжали прятаться за кустами. В то время как Хуана была в восторге, Монце, нервничая, продолжала напевать. Вдруг послышался свист Алистера, давший знать его жене, что он ждет ее.

— Ну, подруга, хватит петь, твое время пришло.

— О, боже, даже мои ресницы дрожат! — Монце вздохнула и откинула с лица свои спутанные, все еще мокрые волосы. — Как я выгляжу, я в порядке или слишком растрепана?

Развеселившись, ее подруга посмотрела на нее и поцеловала.

— Ты выглядишь прекрасно, как всегда. И не волнуйся, я думаю, Деклану не так важно, как ты сейчас выглядишь. Ну же, поцелуй меня.

С трудом сглотнув, Монце поцеловала Хуану и принялась наблюдать как удаляется ее подруга. Звук приближающихся шагов насторожил ее. Испанка буквально застыла, когда увидела *его*. Перед ней стоял воин. Сильный человек. Мужчина ее мечты. Мужчина, которого она любила всей душой и который привел ее сюда.

Деклан с любопытством огляделся по сторонам. Что именно Алистер хотел, чтобы он увидел?

— Мистер Кармайкл, могу я называть вас мистер Кармайкл? — вдруг услышал он.

Этот голос парализовал его. В мире существовала только одна женщина, обладающий таким дерзким милым очаровательным тоном, когда говорила; женщина, о которой он мечтал день и ночь. Обернувшись вправо, он устремил на нее свой пронзительный взгляд.

— Ты! — прошептал удивленный Деклан.

Монце, видя, что он не двигается, а только смотрит, нахмурилась и с очаровательной улыбкой ответила первой фразой, которую она услышала однажды из этих грешных уст.

— Я?! Я что?

Деклан улыбнулся, он тоже помнил этот момент, и резво бросился вперед. Он обнял Синди и поцеловал ее с тоской, пылкостью и страстью; с тоской, сладостью и преданностью. В своих объятиях он держал женщину, которую обожал и отсутствие которой разбило ему сердце. Он не мог открыть глаза, боясь, что это сон.

— Деклан, Деклан, ты меня задушишь!

Встревоженный, он тут же отпустил ее.

— Я знаю, что ушла, не попрощавшись, — пошутила она, — но это не дает тебе права душить меня, по возвращении.

Голова закружилась от сильного волнения, он заключил любимое лицо в свои большие ладони и прошептал ей в губы:

— Скажи мне, что ты больше никогда не уйдешь.

— Я никогда не уйду, любимый.

— Любимый. — Деклан просмаковал это сладкое слово. — Как я мечтал услышать это от тебя, любовь моя.

Взяв Синди в свои объятия, он впился в нее собственническим поцелуем, который прервал только тогда, когда услышал легкое покашливание.

— Деклан, вижу, ты нашел чудо, о котором я тебе рассказывал, — засмеялся Алистер, держа жену под руку.

— Да, мой друг, и я рад слышать, что ты тоже, — кивнул Деклан, подмигнув Пэрис.

— О, да, без сомнения. И извините нас, но несколько дней мы с моей девочкой будем отсутствовать в Элчо. У нас много незавершенных дел.

Общий смех эхом разнесся по лесу. Затем мистер и миссис Сазерленд со своей собакой Мохопиконом ушли, готовые начать свою собственную историю.

Сияя от счастья, будущая герцогиня смотрела на мужчину, которого обожала.

— Как там мои девочки?

— Хорошо, хотя они скучают по тебе каждый день.

Пока они разговаривали, Синди вспомнила и достала из кармана мокрых тряпичных кукол.

— Я принесла им маленький подарок. Надеюсь, это заставит их простить меня.

Веселый, взволнованный и счастливый, как никогда в жизни, Деклан обхватил ее за талию, пока они шли к замку Элчо.

— Я не знаю, простят ли они тебя; это был очень скверный поступок.

— Скверный? — она рассмеялась, услышав его.

— Да, мисс Кроуфорд. И прежде чем ты что-нибудь скажешь, твоим наказанием будет выйти за меня замуж, вырастить наших дочерей и делать нас всех счастливыми до конца наших дней. Есть что сказать?

Монце поцеловала мужчину своей мечты со всем тем счастьем, которое он требовал вложить в их жизни.

— Я могу только сказать, да.

ЭПИЛОГ

Замок Элчо, Шотландия.

Год спустя

— Мамочка, мамочка, кто-то едет, — прокричала Эйлин, выглядывая в окно.

— Это Рапунцель, — ответила Мод.

— Сокровище, я сто раз говорила тебе не называть Роуз так.

— Но мамочка, тетя Пэрис говорит, что. — начала Мод, но ее прервала приближающаяся свита.

— Мы поговорим об этом позже. Теперь идемте, жених и невеста на пороге.

Все жители Элчо вышли поприветствовать мистера и миссис Стюарт. Роуз О'Каллахан и Кеннет Стюарт поженились четыре месяца назад и возвращались из свадебного путешествия. Когда Роуз увидела свою подругу Синди, она улыбнулась и спрыгнула с лошади своего новоиспеченного мужа, чтобы обнять ее.

— Вы выглядите великолепно, миссис Стюарт, — приветствовала Синди, обнимая ее. — Я вижу, что красавец Кеннет делает вас очень счастливой.

— О, подруга, ты просто светишься! — прокричала Хуана, обнимая ее.

Юная Роуз О'Каллахан аккуратно откинула волосы со лба и посмотрела на двух молодых испанок, которых она так горячо полюбила.

— О, да, Кеннет замечательный! И прежде чем вы спросите меня, ваш подарок на брачную ночь. он понравился Кеннету!

Это заставило всех троих разразиться смехом. Комплект стрингов и самая непристойная сорочка стали подарком, который испанки придумали для брачной ночи. И хотя поначалу Роуз считала это немного неприличным и смелым, похоже, что она приняла их предложение и впервые дебютировала. В результате восхищенный и восторженный Кеннет Стюарт оказался у ее ног.

— Мы предупреждали тебя, королева. Мужчины сходят с ума от хороших стрингов, — поддразнила Монце.

— Где дети? — спросила довольная Роуз. — Я хочу познакомиться с ними.

— О, подруга, они прекрасны! — пробормотала Хуана, вспоминая своего маленького Кифера.

— Пойдем, они спят, — улыбнулась Монце, думая об Айслин Кармайкл.

Мгновенно, под веселые взгляды своих мужей, три молодые женщины исчезли в замке. Фиона, читала в гостиной у очага, а по обе стороны от нее стояли деревянные кровати. Когда дверь открылась и вошли три девушки, мать Деклана встала, чтобы поприветствовать вновь прибывших.

— Роуз, дорогая, как приятно тебя видеть. Как прошла твоя поездка?

— Замечательно, Фиона, замечательно.

Монце подошла к кроваткам и тихо заговорила, чтобы не разбудить детей.

— А это Кифер и Айслин.

— Само собой разумеется, что рыжий — мой и моего Алистера, — язвительно прокомментировала Хуана.

— Айслин? — спросил Кеннет. — На гэльском языке это означает «мечта».

— Ага! — кивнула гордая мать. — Мой ребенок — это мечта.

Деклан с гордостью смотрел на свою красавицу жену.

— Айслин — прекрасное имя для нашей дочери.

Роуз, взволнованная видом малышей, подошла к ним и прошептала:

— Они прекрасны. Великолепны!

— Я уверена, что скоро еще парочка будет бегать по замку Хантингтауэр. Достаточно посмотреть на то, как твой муж наблюдает за тобой, чтобы понять, что это ненадолго, — прошептала Фиона ей на ухо, обхватив руками ее тонкую талию.

— Конечно, Фиона. Уверяю вас, мы оба прилагаем все усилия, чтобы это скорей произошло, — заявил Кеннет, который, как назло, услышал ее, заставляя всех улыбнуться и приводя жену в смущение.

После того как они немного обсудили малышей, в комнату вошла Эдель, чтобы сообщить, что ужин готов, и все, кроме Деклана и его жены, удалились в гостиную, чтобы занять свои места за столом. Герцог не мог оторвать глаз от своей любимой Синди, которая по-матерински пристально смотрела на свою девочку.

— Что у тебя на уме?

— Какая она красавица. Она идеальна!

— Красивая, как ее мать.

— Деклан.

— Что?

— Мне есть что тебе сказать.

Удивленный этим, горец нахмурился.

— Что-то плохое? — спросил он, заставив ее улыбнуться.

— Я не знаю. Я так не думаю, но.

— Синди Кроуфорд, что ты хочешь мне сказать? — потребовал он.

— Ну. Я знаю, что ты вполне счастлив с Мод, Эйлин и теперь Айслин, но хочешь ли ты мальчика? — Видя, как муж смотрит на нее, она погладила свой все еще плоский живот.

Деклан обнял ее и, улыбаясь счастливой новости, которую сообщила ему его любимая жена, прежде чем поцеловать, пробормотал:

— Я люблю тебя и всегда буду хотеть все, абсолютно все, что ты мне подаришь.

КОНЕЦ

Больше книг на сайте - Knigoed.net